

Страна отцов

Автор: Гусев-Оренбургский Сергей Иванович

С. Гусевъ-Оренбургскій.

Страна отцовъ.

Посвящается Алексѣю Максимовичу Пѣшкову.

Сборникъ No 4 товарищества "Знаніе" за 1904 годъ. С-Пб, 1905.

Изгнанниками должны вы быть изъ страны отцовъ вашихъ. Страну дѣтей вашихъ должны вы любить.

Ф. Ницше.

I.

Четверть вѣка назадъ Житницкій уѣздъ считался богатѣйшимъ уѣздомъ Старомірской губерніи. Уѣздный городъ Житница, окруженный кольцомъ хлѣбныхъ амбаровъ, гдѣ денно и ночью ссыпался и выгружался хлѣбъ, напоминалъ вѣчную ярмарку: гуль и гамъ нескончаемаго базара стоялъ надъ грязью улицъ, надъ сутолкой пристани, надъ взбаломученной гладью затона, кишѣвшаго барками, буксирами, расшивами и баржами. Грязь улицъ казалась золотою грязью, такъ густо было въ ней замѣшано зерно. Поэтому городъ напоминалъ обширный птичникъ: стаи голубей носились въ воздухѣ прожорливой саранчей, дѣля богатую добычу съ курами, воробьями и галками. Мужики изъ ближнихъ и дальнихъ деревень придавали городу оживленный видъ непрекращающагося праздника. Обыватель издалека узнавалъ мужиковъ по одежѣ, по говору,-- по упряжкѣ ихъ коней, по манерѣ держать себя.

-- Вотъ завидовцы ѣдутъ! -- говорилъ онъ, выходя къ воротамъ, увѣнчаннымъ пучкомъ сѣна:-- ишь, какъ громко гуторятъ... Богатый народъ! Хуторокъ-то у нихъ махонькій, а пузатый!

И, снявъ шапку, выходилъ онъ на средину улицы и кланялся:

-- Къ намъ милости просимъ! У насъ дворикъ просторный!

Утромъ, на зарѣ, слышавъ тягучую музыку телѣгъ и лепетъ бубенчиковъ, обыватель торопливо распахивалъ ворота постоялаго двора своего, или спѣшилъ растворить окна и двери "бакалейной торговли".

-- Поёмщина ползеть! -- бормоталъ онъ: -- богомиловцы съ васильевцами!

Этихъ узнавалъ онъ по солидности ихъ вида и нѣкоторой угрюмости характера. Около воевъ своихъ они шли важно, на коней никогда не кричали, выпивали въ мѣру и терпѣть не могли зряшныхъ разговоровъ; когда же заставалъ ихъ въ городѣ праздникъ, чинно шли въ церковь, солидные и нарядные, становились поближе къ иконостасу, истово крестились и подавали рубли на поминаньяхъ. И если дьяконъ Кряковъ

выносилъ просфору, то непременно кому-нибудь изъ васильевцевъ или богомиловцевъ. Обыватель любилъ съ ними совѣтоваться о дѣлахъ своихъ и говорилъ:

-- Поёмщина намъ первые друзья!

Если же слышалась гармоника или балалайка и гдѣ-нибудь влажнымъ вечеромъ усердно выстукивали кованныя подошвы, обыватель ухмылялся:

-- Гнѣздовцы гуляютъ... У нихъ нони урожай!

Съ яркоцвѣтными покупками подъ мышкой, то горланя пѣсни, то наполняя воздухъ звуками спорнаго говора, хохота и брани, мужики,-- эти желанныя житницкіе гости,-- походили на трудовую армію, мирно завоевавшую городъ, купившую его милліонами золотистыхъ зеренъ.

Редакторъ-издатель "Старомірскаго листка",-- газеты, издававшейся въ губернскомъ городѣ,-- г. Веселуха-Миропольскій не безъ гордости отмѣчалъ въ передовицахъ, говоря о Житницкомъ уѣздѣ:

-- Мы -- кормимъ Россію!

И если подъ словомъ "мы" г. Веселуха-Миропольскій разумѣлъ отчасти и себя, это было простительное заблужденіе. Народолубецъ шестидесятыхъ годовъ, хотя и въ рамкахъ статскаго совѣтника, онъ растворялся въ этомъ туманномъ, мистическомъ "мы", гордился его успѣхами.

-- Мы -- народъ землепашцевъ,-- говорилъ онъ на одномъ съѣздѣ,-- мы -- пахари! Мы вспашемъ ниву міра подъ постѣвъ "разумнаго, добраго, вѣчнаго"...

Г. Веселуха-Миропольскій ничего не вспахалъ.

Съ теченіемъ времени все неувереннѣе звучалъ его голосъ, пока однажды "Старомірскій листокъ" не купилъ съ аукціона купецъ Чугунниковъ.

Съ этихъ поръ мѣстоименіе "мы" мало-по-малу уходило со сцены, возвращаясь въ ту мглу, изъ которой не на долго вышло, благодаря общественному движенію. Его смѣнило мѣстоименіе "наше". Оно звучало властно и самоуверенно. "Наша политика", "наше хозяйство", "наша торговля", "наша молодая промышленность"... "Мы" и "наше" вступили въ глухую, но неравную борьбу, это слабое "мы", едва вставшее на ноги и уже отданное подъ государственно-полицейскую опеку,-- это гордое янаше,-- чертополохомъ расцвѣтшее подъ сѣнью бюрократическаго режима. Въ глубинахъ и безднахъ жизни шла ихъ смертельная борьба, а на поверхности сложный процессъ ея выражался въ схваткѣ словъ, кричащихъ и плачущихъ, то робкихъ, то нахальныхъ,-- иностранныхъ большею частью, потому что творилось то новое, для чего не было соотвѣтствующихъ въ языкѣ понятій, и творилось такъ быстро, что не было времени вырабатывать ихъ отъ корней собственнаго языка. Этими словами, пугающими и влекущими, озаглавливались корреспонденціи изъ Житницы. "Экспроприація земельной собственности"... "Деревенскій пролетаріатъ"... "Произволь администраціи"... "Ростъ крупной земельной буржуазіи"... Корреспонденціи, какъ бомбы, бились въ стѣны редакціи.

Онѣ предупреждали объ огромной опасности, о растущей грозной бѣдѣ. Точно изъ обширнаго молчаливаго подполья кричалъ голосъ корреспондента:

-- Мы идемъ къ гибели!

Часть корреспонденцій поглощала редакціонная корзина, потому что онѣ касались знакомыхъ Чугунникова. Часть -- поѣдалъ красный цеизурный змій. Но и то, что оставалось, вызывало негодованіе. Какъ-то, на парадномъ обѣдѣ, цензоръ,-- мѣстный вице губернаторъ,-- съденскій старичокъ съ свѣтящейся лысиной, строгій и съ круглыми глазами, сказалъ Чугунникову:

-- Кто вамъ корреспондируетъ изъ Житницы? Его превосходительство недоволенъ! У насъ свобода печати, у насъ гласность, у насъ все можно обсуждать, но...

Онъ поднималъ брови, вращая глазами и сдѣлалъ гнѣвный жестъ рукой.

-- Предупреждаю,-- вольнодумства не потерпимъ!

Чугунниковъ взмокъ и едва могъ пролепетать:

-- Слушаюсь... ваше... превосходительство!

Через недѣлю въ редакціи получило письмо отъ цензора:

"Въ послѣдней корреспонденціи изъ Житницы въ скрытомъ видѣ заключалась злостная выходка противъ г. начальника губерніи. Хотя корреспонденція мною не пропущена, требую немедленнаго сообщенія мнѣ фамилии автора"...

По поводу этого письма происходило бурное совѣщаніе въ редакціи. Чугунниковъ, вѣчно боявшійся апоплектического удара, тѣмъ не менѣе вышелъ изъ себя до красноты лица и хрипоты голоса, заявилъ что-то о своихъ хозяйскихъ правахъ и позволилъ себѣ оскорбительную выходку по адресу редактора. Въ тотъ же день три сотрудника вышли изъ состава редакціи и заявили о томъ письмомъ въ газету.

Корреспонденціи сразу замолкли.

Только черезъ полгода редакція получила просьбу о высылкѣ гонорара -- откуда-то изъ Сольвычегодска.

Но газета не осталась безъ корреспондентовъ. Писать сталъ обыватель, и писалъ онъ обо всемъ:-- "о немощныхъ улицахъ", о "бродячихъ собакахъ", о "массѣ невѣдомо откуда нахлынувшего пришлаго люда, ищущаго заработковъ", о "растущемъ числѣ нищихъ и бродягъ и, параллельно,-- о "бездѣятельности полиціи", о "прогрессѣ преступленій противъ собственности", о "небываломъ ростѣ проституціи", о "благодѣтельномъ вліяніи на населеніе попечительскихъ чайныхъ", о торжественномъ молебствіи съ присутствіемъ уѣзднаго начальства, при открытіи завода бр. Кандауровыхъ, по совершеніи котораго о. Юна Монастырскій произнесъ прочувствованное слово о правахъ хозяевъ и обязанностяхъ слугъ...

Городъ Житница измѣнился за послѣднія двадцать пять лѣтъ.

Въ немъ гордо выросъ элеваторъ, сооруженный по системѣ инженеръ-механика Березина. Отъ главной линіи къ городу протянулась вѣтка. Онъ украсился постройками, мостовыми, электричествомъ и новой колокольней при женскомъ монастырѣ по образцу Кіевопечерской. Позади амбаровъ выросли слободки и пригороды, правда темные, грязные, уже при возникновеніи своемъ имѣвшіе выморочный и опустошенный видъ, но увеличившіе населеніе города съ пятнадцати до тридцати тысячъ. Попрежнему денно и ночью скрипятъ въ Житницѣ хлѣбные возы, кричатъ буксиры, конкурируя съ басовымъ гудкомъ завода братьевъ Кандауровыхъ. Но уже нѣтъ прежняго количества голубей и мужики не придаютъ городу видъ безконечнаго праздника. У возовъ идутъ истощенные, грязные люди въ рваныхъ армякахъ, унылые и голодные. И обыватель ужъ забылъ свою къ нимъ прежнюю дружбу. Стоя у воротъ съ надвинутымъ на носъ картузомъ и думою о плохихъ временахъ, онъ провожаетъ ихъ угрюмымъ взглядомъ, нерѣдко крича негодующе:

-- Куды ты, с-сволочь!!

А они все тянутся, безконечно тянутся около разбитыхъ на колеса телѣжонокъ своихъ, гнѣвно и раздраженно кричатъ на тощихъ клячъ, смиренно стаскиваютъ съ головъ картузы и лохматыя шапки при видѣ почтенныхъ людей въ синихъ кафтанахъ, въ сапогахъ бутылками.

-- Ваше степенство... Куды хлѣбушко сыпать?

Хлѣбъ "мужицкій" смѣнился хлѣбомъ "купецкимъ" и "арендательскимъ". Городъ, какъ въ зеркалѣ, отразилъ хозяйственную эволюцію уѣзда.

Новые завоеватели покорили городъ.

Житницкій обыватель, непостоянный въ своихъ симпатіяхъ, съ чувствомъ самоудовлетворенной гордости показываетъ заѣзжему челоуку новыя достопримѣчательности города: захватившіе цѣлые кварталы неуклюжіе и угрюмые, но вычурные дома,-- созданіе тупой и тяжелой архитектурской фантазіи, состоящей на купеческой службѣ.

-- А наша-то большая деревенька совсѣмъ городомъ стала!-- говоритъ онъ, сладостно хихикая:-- ужъ поговариваютъ объ образованіи Житницкой губерніи... губернскіе будемъ-съ! Извольтека полюбопытствовать, какія сооруженія повсюду произрасли-съ! Поистину, можно сказать... дома-а!

Но это даже не дома!

Это цитадели російскаго капитализма, какъ паукъ жаднаго, но лишеннаго широты и фантазіи: они

напоминають крѣпости, въ которыхъ твердо засѣла новоявленная аристократія, полчища новыхъ аргонатовъ, смѣнившихъ прежнихъ рыцарей узаконеннаго разбоя и жадно цѣпкими руками рвущихъ на части все то же старое золотое руно.

Вотъ домъ купца Шаповалова. Тридцать оконъ по переднему фасаду,-- въ четыре этажа, оконъ то большихъ, то маленькихъ, то круглыхъ. Внизу рядъ складовъ съ желѣзными дверями, гдѣ хранятся десятки тысячъ пудовъ хлѣба. Крестьянскія телѣжки запрягаютъ улицу передъ этими дверями; вѣтеръ крутитъ вокругъ дома сѣно и солому,-- кормъ тощихъ клячь.

Вотъ домъ купца Стрижикозина.

Онъ еще только строится, но огромные лѣса уже заставляютъ обывателя говорить почтительно, съ мучительною завистью:

-- Стрижикозинъ-то! Давно ли спичками торговалъ... Семиэтажное воздвигаетъ!

Вотъ еще "достопримѣчательность" -- широкозадовскій домъ: нелѣпая смѣсь мавританскаго и русскаго стилей. Колонки, стрѣльчатые окна, рѣзные карнизы, башенки по угламъ, поддерживающіе балконъ центавры, похожіе на утопленниковъ, и въ то же время во всей наружности дома что-то распухшее, какъ отъ водянки, что-то придавленное, какъ тяжелая, во мракѣ бродящая мысль.

И что ни улица -- новый такой домъ! Владѣльцевъ ихъ знаетъ наперечетъ каждый босоногій мальчишка; исторіи обогащенія этихъ "завоевателей земли" составляютъ устную лѣтопись не только города, но всего уѣзда, всей губерніи.

Русскія біографіи складываются подъ особымъ угломъ.

Шаповаловъ началъ свою карьеру въ житницкой ночлежкѣ. Это было давно. Никто не знаетъ, откуда появился онъ на житницкомъ горизонтѣ. Никто имъ тогда не интересовался. И, быть можетъ, въ предчувствіи его, грядущаго изъ тьмы исторіи съ горящими глазами, обыватель спускалъ на ночь съ цѣпи волкодавовъ на защиту крестьянскихъ возовъ. Только впоследствии, когда Шаповаловъ завелъ свору собственныхъ собакъ, яростно лающихъ у его амбаровъ,-- вспоминали смутную исторію приказчика, прокутившаго "по молодому дѣлу" хозяйскія деньги. Безъ дѣла, безъ средствъ, безъ знакомства, въ чужомъ городѣ, побитый, потрепанный, въ брюкахъ, украшенныхъ бахромой, въ развалившихся ботинкахъ,-- служилъ онъ даже одно время при полиціи, исполняя должность часового на углахъ улицъ, гдѣ съ неудачнымъ видомъ фланера разсматривалъ проходящихъ, а порою принималъ на себя обязанности дипломата по внутренней политикѣ. Но эта служба ему претила. По натурѣ онъ былъ дѣлецъ. Мало-по-малу,-- маклачествомъ, мелкой торговлей, потомъ биржевымъ маклерствомъ,-- онъ успѣлъ сколотить небольшія деньги. Такъ жилъ онъ до голоднаго года. Въ голодный годъ,-- вмѣстѣ со стаей другихъ хищниковъ, какъ коршунъ, ринулся въ уѣздъ. Тамъ у распухшей отъ голода деревни скупилъ землю по одному мѣшку муки за десятину. Какъ на походномъ бивуакѣ въ завоеванной мѣстности, онъ жилъ все лѣто въ холщевой палаткѣ, зорко сторожа добычу, пока вся земля не очутилась въ его рукахъ. На другое лѣто онъ переѣхалъ въ другую часть уѣзда, но уже поселился въ старой господской дачѣ. Теперь у него пятнадцать тысячъ собственной и арендованной земли, свои хутора, "свои" мужики и "цитадель" въ городѣ.

Стрижикозинъ -- вчерашній крестьянинъ.

Онъ еще сохранилъ мужичій типъ свой и деревенское добродушіе, хотя дѣти его ходятъ уже въ котелкахъ и яркихъ галстукахъ. Онъ еще любитъ вспоминать тѣ годы, когда онъ, босой, ходилъ въ школу, гдѣ попъ поучалъ его терпѣнію, смиренію и упованію на помощь Божію. Эти уроки дали своеобразные плоды, какъ все фарисейское.

-- И съ помощью Божіею все я претерпѣлъ-съ!-- мягко смѣялся Стрижикозинъ воспоминанію, играя массивной золотой цѣпью на жилетѣ:-- бывало о. Юна... Уповай, говоритъ, токмо на единого Творца въ дѣлахъ своихъ, а во всемъ прочемъ подчиняйся начальству, Богомъ надъ тобою поставленному... Во вѣки не постыдиться. И подчинялся! И уповалъ-съ! И если есть у меня землишки малая толика, никогда не забываю, кѣмъ я не по заслугамъ награжденъ-съ...

Онъ поднималъ къ носу бѣлый палецъ, унизанный перстнями, говоря съ выраженіемъ благочестиваго смиренія:

-- Богомъ-сь!

И вчерашній босоногий мальчишка, волею сильной природы очутившийся въ городѣ,-- начавъ съ торговли спичками, Стрижикозинъ дѣлилъ съ Шаповаловымъ уѣздъ, разрывая въ клочки богатую добычу. Точно пятна проказы пестрѣютъ ихъ владѣнія по картѣ уѣзда.

А за ними тянутся еще сотни.

Эти черныя сотни вышли на широкую арену безсознательнаго творчества исторіи и общими силами взяли за ея гигантское колесо, не подозрѣвая, что колесо это вертится только въ одну сторону: къ ихъ фатальной гибели. Экономическая драма, въ которой они играли свою жестоку роль, разрослась въ драму социальную, въ великую драму пробуждающагося среди крови и слезъ сознанія вѣками угнетаемой личности.

Но среди этихъ новоявленныхъ лэндлордовъ и королей земли первое мѣсто въ исторіи Житницкаго уѣзда принадлежитъ Широкозадову. Съ тяжелой поступью, съ мутнымъ взглядомъ, угрожающимъ призракомъ всталъ онъ надъ уѣздомъ, далеко бросая зловѣщую тѣнь.

Сынъ разорившагося старомірскаго купца, Порфирій Власычъ Широкозадовъ выросъ и воспитался въ суровой обстановкѣ деспотизма семьи, въ развращающей сферѣ традиціонно-рабскаго міросозерцанія среды, въ удушливомъ, спертомъ воздухѣ болота, кошмарный, полный образовъ бреда, сонъ котораго такъ долго, такъ успѣшно охранялся. Унаслѣдовавъ отъ отца широкую, сильную натуру, онъ прошелъ школу толстовскаго режима въ гимназіи, гдѣ до четвертаго класса въ немъ сумѣли убить всѣ добрые порывы ума и сердца; деспотизмъ отца заставилъ его уединиться въ себя; базаръ далъ содержаніе его уму и направленіе его волѣ. Онъ докончилъ воспитаніе на степныхъ ярмаркахъ, гдѣ хищническая торговля съ киргизами дала ему богатую практику обманныхъ пріемовъ стяжанія и намѣтила программу жизни. Женившись, послѣ ряда безпутныхъ лѣтъ, по приказу отца, разлучившаго его въ свое время съ любимой дѣвушкой,-- на большихъ капиталахъ,-- онъ, послѣ бурной ссоры съ отцомъ, оставилъ его и началъ самостоятельное дѣло. Поселившись въ Житницѣ съ молодою женой и дочерью Александрой, Широкозадовъ мутнымъ взглядомъ оглядѣлъ міръ и тяжелымъ, грузно хлюпающимъ шагомъ направился на его завоеваніе.

Онъ нутромъ понялъ тактику земельного хищенія,-- умѣлъ использовать каждый недочетъ мужичьяго хозяйства, умѣлъ выбрать моментъ, чтобы придти и закабалить.

Наступали у мужиковъ сроки платежей въ земельный банкъ,-- онъ умѣлъ дать деньги на такихъ условіяхъ, что земли въ концѣ концовъ переходили къ нему. Была нехватка у мужиковъ въ посявномъ хлѣбѣ,-- онъ гостепріимно раскрывалъ амбары, урожай же переходилъ къ нему. А неурожай отдавалъ мужиковъ въ его полную власть и, разоренные, часто они, совсѣмъ безъ борьбы, уступали ему земли, чтобы потомъ голоднымъ потокомъ наполнить житницкіе пригороды и слободки.

Позади него, гдѣ онъ прошелъ, слышались стоны и проклятія закабаленныхъ, а онъ шель дальше и дальше по уѣзду съ своимъ загадочно-тупымъ мутнымъ взглядомъ, тая планы захвата, пугавшіе даже крупныхъ землевладѣльцевъ своей тонкопродуманной неожиданностью. Точно сытый, но жадный коршунъ медленно кружилъ онъ по уѣзду, и участки за участкомъ оставались въ его рукахъ. При этомъ онъ не останавливался даже передъ мошенничествомъ, если оно было легально обставлено, дѣлая этимъ только шагъ впередъ по скользкой, развращающей почвѣ изжившаго закона. Однимъ ударомъ онъ раздавилъ Завидовку. Арендовавъ у завидовскихъ крестьянъ землю на двѣнадцать лѣтъ, по контракту съ огромной неустойкой, онъ убѣдилъ ихъ продать ему землю навѣчно. Но купчая крѣпость составлена была на чужое имя. И Широкозадовъ взыскалъ съ крестьянъ неустойку, совершенно ихъ разорившую. Потомъ, присоединивъ къ землѣ поле сосѣднихъ хуторянъ, сжалъ Завидовку желѣзнымъ кольцомъ. И теперь прежняя милая Завидовка официально превращена въ Широкозадово, со станціей того же имени, вѣчно заваленной широкозадовскимъ хлѣбомъ.

И мужики стали -- мужики широкозадовскіе.

Широкозадовца сразу узнаешь: онъ оборванъ, грязень, лохматъ, приниженъ или буень, смотря по тому -- трезвъ или пьянъ,-- а пьянъ онъ какъ только представится случай. Если вы увидите на станціи сцену: пьяный мужикъ въ разорванной рубахѣ безобразно ругаетъ кого-то, потрясая одною рукой въ воздухѣ по направленію къ вагонамъ, какъ трагическій актеръ, а другою тщетно придерживая полуспавшіе штаны, наивно открывающіе наготу Адама, не спрашивайте браваго жандарма, кого онъ "препроводилъ" съ

перрона... Это широкозадовець! Не спрашивайте и самого широкозадовца, какъ изъ крестьянина онъ сталъ пропойцей, бродягой, травимымъ собаками воромъ, котораго веселые лавочки колотятъ на потѣху базара? Тусклымъ взглядомъ посмотреть онъ на васъ, не пойметъ васъ... Хорошо, если не обругаетъ! Никто такъ не умѣетъ ругаться, какъ широкозадовець. Онъ ругаетъ на особицу мать, на особицу отца, и тетокъ, и дядей, и братьевъ, и сестеръ... Онъ умѣетъ только проклинать! И прокликаетъ все: жену, дѣтей, бесплодную землю, бездождное небо, утро и вечеръ, и ночь и день! Онъ уже начинаетъ налитымъ кровью глазомъ угрожающе смотрѣть въ самое небо и, быть можетъ, завтра проклянетъ самого Бога. Вѣдь услали же одного широкозадовца въ Сибирь за то, что онъ рубилъ иконы, изступленно крича:

-- Ступайте мою скотину кормить!

Собственныя дѣти покидаютъ широкозадовца, оставляя его на свободѣ бушевать среди чужихъ полей, валяться пьянымъ въ чужихъ канавахъ, умирать истощеннымъ на чужой межѣ: они уже прониклись уваженіемъ къ побѣдителю. Сыновья поступаютъ въ приказчики къ Широкозадову, грозно покрикиваютъ на мужиковъ, обмѣриваютъ и обсчитываютъ ихъ. А дочери... мѣняютъ красный деревенскій платокъ на городскую шляпку, румянецъ полей, залитыхъ солнцемъ, на парфюмерныя румяна, которыя ньянымъ и властнымъ поцѣлуемъ разслюнявить Широкозадовъ.

Въ описываемый моментъ владѣнія Широкозадова уже мертвою петлей сдавили и Поёмщину.

Богатые когда-то богомиловцы сдались. Только васильевцы были на сторожѣ. Васильевцы мѣшали Широкозадову. Владѣнія ихъ прорѣзывала Поёма. По ту сторону Поёмы у нихъ была обширная полоса земли, сжатая владѣніями богомиловцевъ, давно уже перешедшими въ аренду къ Широкозадову. Полоса эта клиномъ врѣзывалась въ земли Широкозадова, была одною изъ лучшихъ земель по округѣ, кромѣ того, она прилежала къ берегу Поёмы, гдѣ было очень удобно поставить паровую мельницу.

Долго и упорно ходилъ Широкозадовъ около этой земли.

Но упорны были и васильевцы.

-- У насъ эта полоса, какъ приданое у невѣсты!-- говорили они:-- лучшая земля... Какъ можно сдать ее! развѣ мы себѣ враги? Что у насъ останется?!

Не разъ съ гикомъ налеталъ на село становой, требуя не въ обычное время недоимки. Не разъ староста убѣждалъ сходить отдать землю, чтобы покрыть общественные долги, а писарь читалъ сходу уже составленный приговоръ съ соблазнительными условіями, который надо было только подписать.

-- Смерть свою подписать?-- говорили васильевцы:-- у Широкозадова назадъ не возьмешь!

На сходѣ происходили бурныя сцены.

Временами, послѣ долгихъ споровъ, сторонники Широкозадова начинали брать верхъ, рисуя соблазнительныя перспективы. Но это было торжество временное, пока не появлялся Назаровъ. Молодой, красивый мужикъ, котораго учитель звалъ "Садко-купецъ", а становой "висѣльщикъ", Назаровъ былъ чловѣкъ страсти и пламеннаго краснорѣчія, одинъ изъ тѣхъ "идейныхъ" крестьянъ и народныхъ ораторовъ, которые будутъ увлекать массы съ трибунъ будущаго. Онъ кончилъ земскую школу, глубоко любилъ книгу, хорошую, умную бесѣду, много разъ подвергался штрафамъ и арестамъ со стороны земскаго, отсидѣлъ за устройство на дому чтенія для крестьянъ... Являясь на сходѣ, онъ разбивалъ всѣ хитросплетенія широкозадовскихъ союзниковъ.

Широкозадовъ рѣшился на отчаянное средство.

При посредствѣ писаря, старосты и ихъ единомышленниковъ, купленныхъ милостями Широкозадова, была составлена бумага объ уступкѣ Широкозадову зарѣчной земли на 12 лѣтъ, а такъ какъ въ этотъ годъ бродившая по селу эпидемія унесла много мужиковъ,-- всѣ умершіе были внесены въ приговоръ,-- ихъ подписи крестами красовались на сѣромъ листѣ и были скрѣплены удостовѣреніями грамотныхъ, подписью писаря и печатью старосты.

Васильевцы ахнули.

Поднялось судебное дѣло, но процессъ былъ проигранъ: вся формальная правда оказалась на сторонѣ Широкозадова.

Тогда въ обществѣ поднялось броженіе, безпримѣрное въ исторіи Васильевки. Васильевцы ходили какъ пьяные отъ гнѣвнаго возбужденія при видѣ такого наглаго торжества неправды! Передъ ними рушились самыя устои жизни, все, во что они привыкли вѣрить и отъ чего чаяли защиты. Сначала растерянные, они уже стали говорить:

-- Намъ не на кого надѣяться! Надо самимъ за себя стоять!

Это были слова Назарова.

Ихъ стали всѣ повторять, даже женщины.

Село раздѣлилось на партіи: партія старосты и партія Назарова. Къ первой примыкали "тузы". Ко второй -- все бѣдное, все молодое, все возмущенное неправдой. Здѣсь и тамъ у мужиковъ собирались сходки, на которыхъ часто ораторствовали женщины. И въ то время, какъ мужики еще искали легальныхъ выходовъ, женщины предлагали радикальныя мѣры. Передъ окнами богачей молодежь проходила съ пѣснями и не разъ въ стекла летѣлъ камень при крикахъ:

-- Предатели!!

Всю зиму продолжалось возмущеніе, а къ веснѣ водворилось упорное, но зловѣщее молчанье.

Мужики дали Широкозадову вспахать землю и засѣять.

Но когда пришла пора уборки, шумной и многочисленной толпой двинулись они подъ предводительствомъ Назарова, съ серпами и косами, на спорную землю и въ одну ночь сжали, выкосили и вывезли хлѣбъ. Налетѣло начальство, началось разслѣдованіе, пошли описи, обыски, аресты, возбудилось "дѣло о самовольной потравѣ". Мужики молчали, никого не выдавали. Но ихъ возбужденіе выразилось въ погромъ. За зиму сожгли избу у старосты, попалили скирды у двухъ богатѣевъ, которыхъ молва всего болѣе обвиняла въ предательствѣ. Становой все чаще и чаще шнырялъ по стану, собирая всякіе слухи.

Нарочито по его просьбѣ пріѣзжалъ въ Васильевку крестовскій священникъ, о. Матвѣй, и собравши сходъ у часовни, говорилъ:

-- Всяка душа властямъ предержащимъ да повинуется! Братіе! Почто возстаете, яко Сатана на Господа, противу благопопечительнаго начальства своего!

Дальше привлекался къ дѣлу злополучный, всю жизнь пересылавшійся подъ конвоемъ солдатъ изъ тюрьмы въ тюрьму апостоль-идеологъ, и шли тексты о происхожденіи властей.

Кто-то засмѣялся.

Прочіе упорно молчали.

Опять мужики дали Широкозадову вспахать и засѣять землю. Опять передъ уборкой шумной толпой, съ пѣснями, привалили на спорную землю.

Но тутъ они нашли солдатъ.

Молчаливо и сумрачно стояли солдаты подъ ружьемъ.

Передъ ними остановились крестьяне.

Налетѣлъ изъ вечерняго сумрака становой, стоя въ тарантасѣ.

-- Зачѣмъ вы пришли сюда? Уходите съ миромъ! Добромъ!

Выступилъ Назаровъ.

-- Это наша земля. И мы пришли убирать свой хлѣбъ!

-- Это широкозадовская земля!-- закричалъ становой.

-- Наша земля!-- тоже крикнулъ Назаровъ:-- у насъ обманомъ ее взяли! Не отдадимъ ея!

Тогда всѣ возбужденно закричали:

-- Наша земля! Широкозадовъ обокралъ насъ! Это нашъ хлѣбъ! Уходите отсюда сами! Или мы прогонимъ васъ!

-- Молчать! -- налеталь становой: -- Эй! десятскіе! Взять Назарова! Я тебѣ покажу, мерзавецъ... бунтовщикъ!

Вокругъ Назарова сгрудились.

Мужики до хрипоты кричали что-то возбужденное, бабы тянули къ становому крѣпко сжатые кулаки, обзывали его "широкозадской собакой". Старуха Повалихина, раскольница, бросила въ него серпомъ и поранила руку.

Становой поднялъ окровавленную руку.

-- Прикажете стрѣлять!-- кричалъ онъ, обращаясь къ офицеру:-- разгоните эту сволочь!

Раздалась команда, солдаты двинулись со штыками на перевѣсь.

-- Солдаты!-- кричалъ Назаровъ:-- вы такіе же мужики, какъ мы! Вы вернетесь завтра на свои нищія пашни, а на мѣсто ваше встанемъ мы подъ ружье и придемъ стрѣлять въ васъ, когда вы встанете за правое дѣло! Солдаты! Братья! Подумайте, кому служите, на кого идете!

-- Молчать, негодяй, молчать! Острожникъ!-- хрипло кричалъ становой.

Онъ махалъ офицеру руками:

-- Стрѣляйте... По инструкціи! Бунтовщики! Я отвѣчаю!

Молодой офицеръ взволнованно говорилъ:

-- Господа! Господа! Уходите, ради Бога! Мы стрѣлять будемъ! Мы должны стрѣлять.

-- Стрѣляйте!-- кричалъ Назаровъ:-- стрѣляйте, коли вы свои души богачамъ продали! Стрѣляйте! Мы стоимъ за правое дѣло! Умремъ, а съ мѣста не двинемся!

-- Ну, ну! Стрѣляйте!-- кричали женщины, пробиваясь впередъ.

При свѣтѣ фонарей блестяли серпы и косы; навстрѣчу имъ неумолимо надвигались штыки.

-- Вася! Внучекъ!-- закричалъ вдругъ старикъ Повалихинъ:-- и ты противъ насъ!

Толпа въ ужасѣ зашумѣла.

-- Василий! Повалихинъ! На насъ идетъ!

Молодой солдатъ бросилъ ружье, оставшись на мѣстѣ, нарушивъ строй.

Строй сомкнулся.

Штыки почти коснулись толпы, неподвижной и мрачной...

Молодой офицеръ взволнованно закричалъ:

-- Стой!!

Солдаты мгновенно встали.

-- Командуйте стрѣлять!-- кричалъ становой.

-- Не могу же я разстрѣливать безоружныхъ! -- нервно сказалъ офицеръ и скомандовалъ: -- ружья составъ! Взять всѣхъ! Связать всѣхъ!

Солдаты бросились на крестьянъ. Въ нихъ полетѣли косы, серпы, котелки, мѣшки съ припасами. Мужичьи и бабьи кулаки отчаянно работали.

Къ утру восемь человѣкъ, и въ ихъ числѣ Назаровъ, сидѣли въ темной каталажкѣ при правленіи въ селѣ Крестахъ.

II.

На полпути между Житницей и губернскимъ городомъ Старомірскомъ разбросалось въ лощинѣ село Гнѣздовка. Священникомъ тамъ былъ о. Иванъ Гонибѣсовъ.

Однажды утромъ вскорѣ послѣ происшествія въ Васильевкѣ, на широкомъ поповскомъ дворѣ стоялъ возъ сѣна, и о. Иванъ самолично металъ его на повѣть. Стоя на возу, онъ покрикивалъ работнику:

-- Не зѣвай!

Голось его былъ трескучъ и раскатистъ.

Въ каждомъ движеніи его сквозила сила Голіаѳа. Поднявъ вилы, увѣренно воизалъ онъ ихъ въ сѣно и, напрягая мускулы, слегка багровѣя, легко отдѣлялъ огромный пластъ. Поднимая пластъ надъ головою, какъ гигантскій зонть, онъ кричалъ, веселясь отъ чувства собственной мощи:

-- Ого-го-о!! Ну-ко, Парамонушко!

Пластъ обрушивался на повѣть и съ шелестомъ разсыпался. Вѣтеръ раздувалъ свѣтлую пушистую бороду батюшки, играя перекидывалъ ее съ плеча на плечо и заворачивалъ полы подрясника какъ женскую юбку, показывая стоявшему внизу у воза мужику полинялые клѣтчатые батюшкины шаровары, отчего мужикъ слегка конфузился. Мужикъ былъ старый, сѣдой, слегка выпившій, въ сѣромъ армякѣ, теплой шапкѣ, сдвинутой отъ жары на затылокъ и тяжелыхъ сапогахъ, густо смазанныхъ. Подъ мышкой съ одной стороны онъ держалъ громадный калачъ въ ситцевомъ платкѣ, съ другой -- оранжевую курицу со связанными лапами, хвостомъ впередъ. Изъ-за пазухи глядѣло горлышко бутылки.

-- Оно, теперича сказать,-- хрипло говорилъ мужикъ,-- къ примѣру, ежели... вся наша мужичья безтолковщина отъ бариновъ пошла.

Работая вилами, о. Иванъ спрашивалъ:

-- Какихъ бариновъ?

-- А этихъ самыхъ, которые ежели... барини! Мужичье дѣло, батюшка, святое. Мужикъ тебѣ изъ чего хочешь,-- изъ навоза, изъ грязи, изъ камня, изъ песку-- деньги сдѣлаеть. Посѣялъ ленку,-- штаны съ рубашкой. Побросалъ пшенички въ землю,-- кормись весь годъ. Взялъ топоръ, поплевалъ на руки, ухнулъ -- рупь! А тутъ тебѣ приходитъ чловѣкъ въ кургузкѣ, говоритъ:-- "Мы -- барини. Подавай, мужикъ, на казенную надобность полтину". Сегодня полтину, завтра полтину. Послѣзавтра -- рупь! Да вѣдь такъ, батюшка, ни навозу, ни грязи не хватить! Ну, и везетъ мужикъ штаны-то съ рубашкой на базаръ, а самъ въ дерюгѣ ходитъ! И пшеничку на базаръ, и ежели топоромъ постукалъ,-- на базаръ! А барини говорятъ:-- "Мало! Подавай шшо!" Подавай да подавай... ну, мужикъ-то и растерялся, не зная, въ котору ему сторону кинуться, вездѣ барини сторожатъ. Земскій штрафы теребитъ, становой -- казенное, старшина -- недоимки. Съ крикомъ, съ гикомъ, скачутъ на тебя. Аль мужикъ-то кисеть волшебный съ неразмѣннымъ рублемъ?! Мужикъ то теперешній -- одно званіе мужикъ, а нутро у него выклевано, потому -- земли съ каждымъ годомъ менѣ, всю онъ ее либо въ аренду роздалъ, либо продалъ, а рублей тащутъ все болѣ! Теперича и земскіе,-- и купцы и арендатели,-- всѣ надъ мужикомъ -- барини! И становой, и урядникъ, и всякій проѣзжающій, ежели онъ въ кукардѣ,-- всякъ можетъ мужику слово сказать, и говоритъ все больше бранное... А мужику про свои нужды и поговорить негдѣ, потому и на сходѣ нонѣ... тоже все барини верховодятъ! Вся бѣда отъ нихъ! Голый чловѣкъ мужикъ сталъ и ничего ему больше не остается, какъ бунтовать... Слыхалъ, мотри, батюшка, какъ Широкозадовъ васильевцевъ съ мертвецами обошоль?

-- Слыхалъ, Василій Петровичъ!

-- Дошлый!.. А теперь васильевцевъ же и судить будутъ! Вотъ она, господская-то, правда на свѣтѣ какая!..

Василій Петровичъ задумался, вздыхая и слегка покачиваясь, отчего у курицы раздувался хвостъ.

-- А слыхалъ, батюшка, новость?-- вдругъ вспомнилъ онъ:-- у крестовскаго батюшки матушка сбѣжала.

-- Что-о?!

О. Иванъ такъ неловко бросилъ пластъ, что тотъ разсыпался по двору, уносимый вѣтромъ въ разныя стороны. Опершись на вилы, онъ широко открытыми глазами смотрѣлъ на мужика, и сквозь загаръ и румянецъ его лица замѣтно проступила блѣдность.

-- Чего ты врешь тамъ!-- строго сказалъ онъ.

-- Зачѣмъ врать!-- отвѣчалъ мужикъ, слегка обидѣвшись!-- сынъ Миколай подводу гонялъ въ Богомиловку,-- тамъ всѣ говорятъ! Прошлую ночь на ямскихъ проскакала съ псаломщикомъ... У Кирюхи лошадей смѣняла. Все, говоритъ Кирюха-то, на улицу скокъ-скокъ... головой вертитъ, не гонются ли.

-- Путаешь твой Кирюха что-нибудь!

-- Кирюха не напутать!-- убѣжденно сказалъ мужикъ!-- Кирюха -- цыганъ! Сквозь стѣну видить.

О. Иванъ отбросилъ вилы. Лицо его выражало безпокойство и волненіе. Приказавъ Парамону добросать сѣно, онъ соскочилъ съ воза.

-- Пойдемъ-ка въ комнаты, Василій Петровичъ, да расскажи толкомъ. Что за чушь! Не вѣрится! Хорошо вѣдь я знаю отца-то Матвѣя! И Павлинку, матушку-то его знаю! Съ дѣтства знаю! Друзья! Такая славная, такая милая женщина... Повѣрить не могу! Вздоръ, вздоръ.

О. Иванъ провелъ мужика по широкому двору, заставленному телѣгами и рыдванками, среди сохъ, еще покрытыхъ невысохшей землей, и боронъ зубьями кверху.

-- Матушка!-- закричалъ онъ, входя въ комнату!-- слышь-ка, каки новости!

Поподья вышла вся въ мукѣ, съ засученными рукавами, сухая, высокая, съ озабоченнымъ лицомъ. На ней было простое темное платье, безъ намека на украшеніе, по-монастырски повязанный бѣлый платокъ, да и вся она, серьезная, строгая, когда-то красивая, но съ сухимъ, холоднымъ выраженіемъ глазъ, напоминала раньше срока постарѣвшую послушницу.

-- Какія новости?-- коротко и сухо спросила она. И, выслушавъ, холодно сказала:

-- Давно этого ждать надо было. Что тутъ удивительнаго? Отъ такой вертушки чего и ждать больше? По виду-то распутная!

Она подошла къ зеркалу, поправляя платокъ и смотря на себя, какъ на чужую.

-- Какъ тебѣ не стыдно, Лина!-- вскипѣлъ отецъ Иванъ. -- Такъ порочить женщину! Такую хорошую женщину, какъ Павлинку! Знакомую!

-- Твоя знакомая-то... И цѣлуйся съ ней!

-- Безсовѣстная ты! Я тебѣ вотъ что скажу: со всею своей божественностью ты мизинца ея не стоишь!

Онъ взволнованно шагаль по столовой.

-- Не смѣй, не смѣй ее такъ называть! Я тебѣ это запрещаю разъ навсегда! Все это вздоръ, что говорятъ, ничему я не вѣрю! Сплетни, выдумки! Недоразумѣніе одно! И тебѣ стыдно было говорить такъ!

-- Не прыгай!-- холодно сказала попадья!-- и руками не махай! Пугать меня нечего... не изъ трусливыхъ. Глазокъ голубыхъ закатывать не умѣю, какъ эта твоя... Па-авлинку! Да и не хочу! Ужъ я давно, голубчикъ мой, насквозь тебя вижу.

-- Въ чемъ?-- удивленно обернулся къ ней о. Иванъ, неувѣренно смотря на нее.

Оя смотрѣла на него съ злою насмѣшкою.

-- И не смѣй сравнивать меня ни съ кѣмъ!-- внезапно въ свою очередь взволновалась она!-- Не смѣй сравнивать... слышишь?! Кабы не Лизынька, ушла бы я въ монастырь отъ тебя... схоронилась за бѣлыя стѣны!

-- Подъ малиновые звоны!-- насмѣшливо сказалъ о. Иванъ, отвернувшись и барабаня по стекламъ пальцами.-- Ступай, сдѣлай милость... радъ буду! Я бы и самъ давно ушелъ. Думаешь, сласть мнѣ въ запахъ-то. Да некуда намъ идти съ тобой, дорогая! Да и ты изъ одной злобы не уйдешь никуда: мучить да грызть некого будетъ! Отъ ревности, отъ злости ты свѣта не видишь! Моя жизнь не была бы такимъ поганымъ болотомъ, кабы была у тебя ко мнѣ хоть капля любви.

-- Люви!!

Лицо попадья исказилось словно острою болью, и точно черную и мрачную волну она вылила изъ потемнѣвшихъ глазъ на о. Ивана.

Василій Петровичъ, терпѣливо вздыхавшій у порога и дѣлавшій видъ, что изучаетъ трещины на потолокъ, такъ жадно, однако же, заслушался семейной сцены, что совсѣмъ забылъ про курицу и та, выйдя изъ состоянія долговременной апатіи, внезапно рванулась, забила крыльями, крича, полетѣла и растянулась у ногъ матушки, бессильно вытянувъ шею. Василій Петровичъ, желая поймать курицу, выронилъ и калачъ, который шумя покотился и, сдѣлавъ полукругъ, легъ рядомъ съ курицей.

Батюшка засмѣялся и сразу отошелъ.

-- Ишь... дары-то! Летятъ и катятся! -- говорилъ онъ: -- утости-ка вотъ лучше, мать, насъ чаемъ съ Василіемъ Петровичемъ. Сынка женить, гостинцевъ принеси.

Пападя молча развернула калачъ, спрятала платокъ въ комодъ, а курицу отнесла въ кухню. Вернувшись, стала разливать чай и, подвигая гостю стаканъ, сказала:

-- Что же это ты, Василій Петровичъ, курицу принеси?

-- А какъ же!-- не понялъ Василій Петровичъ!-- развѣ не полагается?

-- Не разорился бы и отъ гуся.

-- Гуся! Ишь ты... Господи! Гуся! Какое дѣло... а! Да Господи... Матушка! Ништо мы...

Онъ смущенно и сконфуженно крутилъ густо намавленной головой.

-- Предоставимъ и гуся!

-- Гусь -- дѣло хорошее!-- говорилъ въ октаву отецъ Иванъ!-- особливо... жирный! Птица важная. Есть въ немъ что-то такое...

Онъ щелкнулъ пальцами.

-- Солидное, понимаешь ты... основательное! Именно, какъ это сказать... понимаешь ты... гусиное! Отъ него и запахъ не то, что отъ другой птицы... въ носъ бьетъ!

Водворилось молчаніе.

Гдѣ-то мычала корова. Гдѣ-то лошадь звонко ржала и стучала скованными ногами. Какое-то неожиданное событіе всполошило курятникъ. Пролетѣла мимо оконъ бѣлая стая гусей, шумя крыльями, и спустилась въ затхлую зеленую лужу, потревоживъ свинью. Со всѣхъ сторонъ лились въ окна звуки деревенскаго дня, вступая въ родственную ассоціацію съ мыслями, какъ частоколъ закрывавшими темную и бездонную глубину души.

-- А у насъ вотъ,-- сказала попадя,-- овечка что-то захромала, Василій Петровичъ!

-- Это бываетъ. Съ человѣкомъ случается, а овца что же... Знамо, она овца!

-- Такая ярочка славна... а вотъ охромѣла! Исхудала вся! Однѣ кости! Обмѣнилъ бы ты намъ ее! Все равно, къ свадьбѣ будешь рѣзать... Хроминьку-то и не такъ жалко!

Василій Петровичъ беспомощно улыбнулся, взглянулъ для чего-то на потолокъ и развелъ руками.

-- Обмѣнимъ!

-- Ну,-- сказалъ о. Иванъ!-- ты уже и обобратъ готова... Оставь хоть на племя!

Онъ обернулся къ Василію Петровичу.

-- Послушай-ка, Василій Петровичъ. Такъ ты мнѣ толкомъ и не сказалъ: попадя-то съ кѣмъ проѣхала?

-- Толкуютъ, съ псаломщикомъ. Ражій такой дѣтина, Кирюха сказывать, волосомъ черный... какъ воронь!

-- Съ усами?-- вскричалъ о. Иванъ.

-- Усы, Кирюха говоритъ, хоть на кнутовище наворачивай, горластый! Лошадей перепугаль у Кирюхи-то, какъ рявкнулъ... чудное такое!-- запрягай, говоритъ, по архерейскому приказу въ четыре возги сразу!

-- Псаломщикъ! Рудометовъ! Сомнѣнья нѣтъ! Отца протоіерея родственникъ... Узнаю, узнаю!

Онъ смущенно гладилъ бороду.

-- Да что же это такое... а? Нелѣпо больно! Неправдоподобно! Стыдъ и срамъ! Поѣхать надо будетъ къ Матвѣю-то... непременно, обязательно поѣхать.

Онъ горячо заговорилъ:

-- Вѣдь я ее малюткой зналъ... гимназисткой! Въ короткомъ платьицѣ! Книжки подъ мышкой... а сама веселая! Все шутки, все смѣхъ! Что за милая была, что за славная... привѣтливая! Какъ солнце! Взглянетъ, улыбнется... и все кругомъ улыбается... и вотъ плакалъ ты сейчасъ... и ужъ слезъ нѣтъ! И, знаешь, бывало, глядя на нее, мнѣ все сказка вспоминалась про ту дѣвушку, которая идетъ себѣ, безпечная, а за ней цвѣты вырастаютъ! Бывало, гдѣ Павлинька,-- шумъ, гамъ, веселье... Ахъ, Павлинька! Мы ее золотой звали!

Онъ мягко смѣялся, и по лицу его разлилось растроганное выраженіе. Прищуренными глазами смотря на Василія Петровича, сочувственно покачивавшаго головой, и держа бороду въ кулакѣ, отчего лицо его казалось необыкновенно мягкимъ и добрымъ, онъ приготовлялся продолжать свои описанія, но, взглянувъ на попадью, откинулся съ испуганнымъ видомъ. Впившись въ лицо его острыми, какъ иглы, глазами, она шарила по столу рукой, точно въ припадкѣ лунатизма.

-- Что съ тобой!-- хотѣлъ онъ вскричать. Но не успѣлъ.

Нашаривъ чашку съ чаемъ, попадья, не спуская съ него глазъ, подняла ее и съ силою ударила о полъ. Во всѣ стороны, звеня и стуча, полетѣли дребезги, брызги чая облили мебель и стекла оконъ. Вслѣдъ за этимъ попадья встала и быстро вышла изъ комнаты въ спальню.

Василій Петровичъ сидѣлъ какъ въ столбнякѣ, откинувшись на стулѣ; широко раскрывъ глаза, разинувъ ротъ, онъ все еще смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ сидѣла попадья, точно видѣлъ тамъ призракъ. Грустно разсмѣявшись при видѣ комическаго удивленія гостя, о. Иванъ вздохнулъ, промолвивъ:

-- Вотъ жизнь!

Василій Петровичъ немедленно и торопливо сталъ прощаться, ступая на носки своихъ огромныхъ саногъ и говоря шумящимъ шопотомъ:

-- Насчетъ овечки-то успокой матушку, отецъ! Обмѣню! Вишь у ней сердце-то... крутое... грозное!

Онъ исчезъ, давъ осколки чашки. На улицѣ отчаянно пропѣлъ колокольчикъ, будто кто мчалъ во весь духъ. Звонъ смолкъ у воротъ.

-- Никакъ къ намъ?-- поглядѣлъ о. Иванъ въ окно:-- къ намъ и есть. Почтовые! Кто бы это?

И тотчасъ узналъ:

-- О. Матвѣй!

О. Матвѣй, какъ вошелъ, такъ и упалъ на грудь о. Ивану. Повинуясь его сильной рукѣ, онъ прошелъ въ прохладную залу съ полузакрытыми ставнями, гдѣ въ стекла съ раздражающимъ жужжаньемъ бились мухи. Тамъ опустился на диванъ съ безсиліемъ жалкаго отчаянія. Онъ былъ маленькій, тщедушный, съ крошечнымъ лицомъ, поросшимъ бѣловатымъ пухомъ, съ птичьимъ носикомъ, теперь посинѣвшимъ отъ плача. Шелковый сѣрый подрясникъ сидѣлъ на немъ неуклюже и отъ слезъ грудь подрясника покрылась черными полосами и пятнами. Онъ всхлипывалъ и бормоталъ безпомощно:

-- Вотъ я къ тебѣ! Къ кому мнѣ больше? Ты уже слышалъ о несчастьи-то моемъ? Вотъ какъ быстро бѣжить дурная слава! Иване, Иване! Чѣмъ я заслужилъ??

-- Успокойся!-- съ солидной строгостью совѣтовалъ о. Иванъ.

-- Нѣтъ мнѣ успокоенья! Нѣтъ! Погибъ я... Опорочень... передъ лицомъ всѣхъ!

-- Ты чего въ шелки-то вырядился? -- посмотрѣлъ на него о. Иванъ.

-- Въ шелки?

Онъ съ удивленіемъ осмотрѣлся.

-- Да такъ, по ошибкѣ. Все равно! Хоть въ рогожу... все равно мнѣ теперь! Господи! Почто гонишь, почто наказуешь! Слушай, Иване... голубчикъ! Поѣдемъ со мной!

-- Куда?!

-- Поѣдемъ! Выручи! Въ городъ! Захватить её... Поймать её надо! Пока люди не узнали, пока до высшаго начальства не дошло! Срамъ-то, стыдъ-то какой на мою голову накликала... Всю карьеру мою... За что?! Чѣмъ заслужилъ?! Я ли не любилъ, я ли не холилъ!! Всѣ удобства предоставилъ... чего душа хочетъ? Приходъ -- лучшій въ епархіи... по доходности... Богатѣйшій приходъ! Въ бархатѣ ходила! Шляпки-то ей, бывало... Шляпки! Какъ въ городъ ѣду... шляпку: самъ знаешь... по двѣнадцати цѣлковыхъ!

-- Знаю!

-- Юбку... намеднись... шелковую, красную... послѣдней моды!

-- Видаль!-- задумчиво басиль о. Иванъ:-- цвѣтистая!

-- Носи не хочу! Хозяйка! Все въ ея власти! Чего не хватало? Съ золоченой дугой ѣздила... Благочиннича завидовала на ея житье... Королева! Королева!! Фортепяно ей купилъ... Господи! За что мнѣ сіе!

Онъ всплескивалъ руками.

-- За что?!

-- Разбавился... вотъ за что! -- строго сказалъ о. Иванъ. -- Распустилъ бабу! Ишь ты... въ шелковую юбку обрядилъ! Бабу знаешь какъ держать надо...

Онъ протянулъ руку и сжалъ кулакъ, но, покосившись на дверь, въ которую недавно ушла попадья, спряталъ кулакъ въ карманъ и неувѣренно крякнулъ.

О. Матвѣй, не слушая, уронилъ растрепанную голову на руки, раскачивался и бормоталъ:

-- Умру... умру! Не переживу! Срамъ-то! На всю епархію! Люблю я ее! Какъ она могла! Какъ смѣла! Разведусь я съ нею!

Онъ вскочилъ съ дивана и закричалъ, трагически потрясая въ воздухѣ маленькими кулачками въ приступѣ отчаянія:

-- Убью я её!!

Но тутъ же, упавъ на диванъ, замеръ въ позѣ обезсилѣвшаго человѣка, не отгоня даже мухъ, ползавшихъ по мокрому лицу. Только въ груди его что-то еще въ послѣднемъ трепетѣ билось и онъ истерически втягивалъ воздухъ судорожными вздохами. Воспользовавшись перерывомъ жалобъ, о. Иванъ взялъ его подъ руку и поднялъ съ дивана, добродушно говоря:

-- Поплакалъ? Ну, и будетъ скулить! Теперь высморкайся! А бушевать брось... въ разбойники не годишься! Ишь ты... Отелло какой! Мавръ! Убью! Айда-ка лучше чай пить! Раствори горячую кровь водицей. А нюни подбери! Здоровый мужикъ, а мвро точить!

Онъ провелъ его въ столовую, усадилъ за столъ, пощупалъ ладонью потухшій самоваръ, нерѣшительно посмотрѣлъ на дверь въ спальню и вздохнулъ.

-- Простыла машина-то. Да ничего, тепленькаго выпьешь... тебѣ горячее вредно, и то горячку порешь! Оно конечно... если бы матушкѣ сказать... Да я нынче, другъ, поговорку помню: не тревожь льва въ пещерѣ его.

Онъ разливалъ чай.

-- Выпьемъ малую толику для милаго прилику, пополощемъ брюхо жижицей компаніи ради, да и въ путь... Ужъ поѣду я съ тобой...

О. Матвѣй отеръ слезы и помахалъ на себя платкомъ, чтобы освѣжить распухшее лицо.

-- Пожалуйста, Иване! Бога ради! Ты на нее вліяніе имѣешь! Она на тебя Богу молится! На тебя все мое упованіе возлагаю!

-- На Бога уповай... на князи не надѣйся! Да поѣду, поѣду! Не канючь!

Онъ высунулъ въ окно и крикнулъ громовымъ голосомъ:

-- Парамонъ!

-- Чео?-- отозвался тотъ издалека.

-- Скажи Абдулкѣ тройку запречь. Гнѣдого въ корень. Съ бубенцами... для города!

-- А возжи какія?

-- Малиновыя!

Онъ грузно опустился на стулъ.

-- Ну, а теперь рассказывай! Будеть голову-то вѣшать! Въ чемъ у васъ заминка? Кто правъ? Кто виновать? Предупреждаю: судья строгій я! И въ Павлинъкину вину не вѣрю. Знаю я тебя! Пищать ты умѣешь, какъ хвостъ прижмутъ,-- а самъ тоже... съ бусорью!

О. Матвѣй молча полѣзъ за пазуху, досталъ оттуда измятое письмо и, пожавъ плечами, протянулъ его о. Ивану.

-- Читай!

Этотъ скачущій почеркъ былъ хорошо знакомъ о. Ивану. Онъ читалъ и все больше багровый румянецъ выступалъ на его лицѣ.

"Матвѣй!-- писала Павлинъка мужу:-- Отнесись хоть разъ ко мнѣ по-дружески, пойми меня! Переполнилась моя чаша,-- до краевъ налилась и расплескалась! Не могу я больше, пойми, выносить этой жизни! Вотъ я пишу и плачу... Тишина гнететъ меня! Не вижу я ни дня, ни солнца... одна черная тьма! Вотъ ты зналъ, чего хотѣлъ въ жизни, передъ тобой вилось много дорогъ, и ты выбралъ по душѣ своей, идешь по ней съ сердцемъ легкимъ, горизонты твои для тебя широки и радостны! А я... несчастная... Я знала только, что мѣръ прекрасенъ и, когда наступитъ мой часъ,-- меня... поведутъ въ него! И когда пришелъ ты, я, зажмурившись подъ яркимъ солнцемъ, позволила роднымъ своимъ отдать тебѣ мою руку, трепеща и ожидая... И когда раскрыла глаза, увидала себя въ склепу! Твой путь для меня подземелье, твоя радость для меня -- отчаяніе! Пойми! Будь гордъ, какъ сильный, и прости меня, безсильную! Я не могу! Я словно вставлена въ черную раму и завѣшена крепомъ, я, маленькая, всѣмъ чужая, всѣмъ враждебная... и мнѣ холодно, я замерзаю, мнѣ кажется, что зеленая плѣсень проростаетъ на мнѣ, какъ у утопленницы въ глубинѣ болота. Мы не можемъ болѣе вмѣстѣ жить! Я уѣзжаю въ городъ... Предоставь мнѣ свободу, прошу тебя,-- отдай меня самой себѣ! Дай мнѣ хоть въ этомъ сохранить къ тебѣ уваженіе! Прощай! Твоя несчастная неудачница Павла".

О. Иванъ молча свернулъ письмо и положилъ его на столъ.

-- По этому письму,-- сказалъ онъ,-- еще ничего страшнаго не выходитъ. Хорошее письмо, душевное!

О. Матвѣй вскипѣлъ, нахохлился, вскочилъ со стула.

-- Да ты пойми! Она съ любовникомъ убѣжала!

-- Ну! -- съ сомнѣніемъ сказалъ о. Иванъ: -- послѣ такого письма ужъ я и вовсе не вѣрю! Горячая голова, романистка! Конечно, развѣ можно жить съ такими идеями.. А чтобы что такое... вздоръ, не вѣрю! Можетъ раньше что замѣчалъ? Вѣдь нѣтъ же?

-- Нѣтъ! Но она хитрая... хитрая! Она на все способна... на всякую пакость! Ей вѣрить нельзя! Ужъ у меня съ нею давно нелады... скрывалъ только! То плачетъ по цѣлымъ днямъ, запрется въ комнатѣ, сидитъ, не выходитъ. То злая ходитъ, къ каждому моему слову придирается, язвить. Это не по ней, другое не по ней! Въ приходское дѣло вмѣшивается, осуждаетъ мои дѣйствія, точно это женское дѣло. Намедни изъ-за мужика схватка вышла... Паспортъ требуетъ! Ужъ давно она надумывала уйти, давно! И вотъ какъ получилъ я письмо,-- растерялся сначала... глазамъ не повѣрилъ! Вечеръ, ночь, понимаешь... Я только что съ прихода пришелъ... И вотъ, письмо... Я бросился узнавать,-- къ служанкѣ, къ работникамъ. Никто не знаетъ. Я къ церковному старостѣ. И тотъ ничего! А тутъ дьяконъ идетъ по улицѣ и посмѣивается:-- куда, говорить, это ваша матушка съ псаломщикомъ поскакала!.. Ты вѣдь знаешь, дядя, Рудометова... отца протоіерея племянникъ! Тать и разбойникъ! Я на почтовый дворъ. Ну... вотъ...

Красное личико о. Матвѣя опять сморщилось, точно губка.

-- Такъ, такъ,-- басилъ о. Иванъ.-- Значить, у васъ и раньше размолвки были... я не зналъ!

-- Размолвки! Господи! Скандалы были! Да что жъ... Это у всѣхъ бываетъ, безъ того нельзя! Всѣмъ не

сладко живется! Не бѣгаютъ же!

-- Это такъ!-- согласился о. Иванъ.

На дворѣ звенѣли бубенцы и звякаль колокольчикъ.

-- Ну,-- сказалъ о. Иванъ,-- дѣло это путанное, въ городѣ все разберемъ. А только искренній мой совѣтъ: не думай пока ни о чемъ, а главное соплей не распускай. Такія бабы, братъ, какъ твоя, не любятъ этого! Да соплей и никто не любитъ... Собирайся-ко! Какъ-нибудь поправимъ дѣло.

-- А какъ же,-- сказалъ о. Матвѣй, почему-то понизивъ тонъ:-- съ матушкой бы повидаться... хотя мнѣ и совѣстно.

О. Иванъ почесаль затылокъ.

-- Да я сейчасъ скажу ей. Она, видишь ли, сегодня... нездорова маненько. Не тревожь льва въ пещерѣ его... Да придется, все равно не уѣдешь безъ этого!

Онъ вздохнулъ и пошелъ къ спальнѣ. Осторожно пріоткрывъ дверь, онъ сначала просунулъ туда голову, потомъ протиснулся и весь, стараясь производить какъ можно меньше шума. Спальня, темная комната, единственное окно которой было полузавѣшено старымъ ситцевымъ одѣяломъ, раздѣлялась черной занавѣской на двѣ половины. Въ одной -- стояла широкая супружеская кровать, на которой спалъ обыкновенно о. Иванъ. Кромѣ этой кровати, съ высоко взбитыми подушками и багровымъ одѣяломъ, стула, половика на полу и дюжины разноцвѣтныхъ подрясниковъ, развѣшенныхъ по стѣнамъ -- здѣсь ничего не было: этотъ неуютный и пустынный уголъ напоминалъ чуланъ, въ которомъ хранилось приданое: торжественно убранная кровать. Въ другой половинѣ, слабо освѣщенной багровымъ свѣтомъ лампы, было помѣщеніе матушки. Оно напоминало келью. Простая складная кровать, безъ тюфяка, покрытая бѣлымъ лѣтнимъ одѣяломъ; столикъ, на которомъ среди "божественныхъ" книжекъ попадались сборники "Нивы" и даже какой-то безконечный французскій романъ, только до половины разрѣзанный; фотографіи на стѣнахъ мужчинъ и женщинъ, о которыхъ о. Иванъ никогда ничего не зналъ; олеографіи съ видами швейцарскихъ хижинъ,-- все, вплоть до дѣтской кроватки, въ которой, разметавшись, спала рыженькая, веснуцатая пятилѣтняя дѣвочка,-- все дышало уютомъ кельи, обитательница которой еще не совсѣмъ отреклась отъ мірскаго.

Матушка стояла передъ иконами, тускло освѣщенными свѣтомъ лампы, и молилась. Ея фигура выдѣлялась чернымъ, строгимъ силуэтомъ.

-- Лина!-- шопотомъ позваль о. Иванъ. Она обернулась.

Глаза ея были красны отъ слезъ и сквозь обычную сухость лица проглядывало что-то мягкое. И лицо ея показалось о. Ивану такимъ жалкимъ, старымъ, больнымъ и оцвѣтшимъ, что у него заняло въ груди, точно онъ первый разъ увидалъ ее. Ему стало жалко ее. Онъ невольно сдѣлалъ къ ней шагъ и протянулъ ей руку.

-- Лина! За что ты все... сердись на меня?

Лицо ея стало еще мягче. Она такимъ же невольнымъ движеніемъ взяла его руку.

-- Не знаю. Не я сержусь... Во мнѣ что-то! Ты извини!

И больше словъ у нихъ не было.

-- Лина! Тамъ... о. Матвѣй.

-- Ну, что жъ!

-- Вышла бы?

Она тихо покачала головой.

-- Не могу! Не принуждай...

Помолчали.

-- Лизанька здорова?-- чтобы что-нибудь сказать, спросилъ онъ.

Онъ безшумно поцѣловаль одѣяльце на груди у дѣвочки и, поднявшись, сказалъ, глядя на олеографіи:

-- Лина! Я ъду... въ городъ.

Лицо ея мало-по-малу приняло свою обычную сухость.

-- Ну, что жъ...

-- Прощай!

Она холодно сказала:

-- Прощай!

Онъ тихо вышелъ, чувствуя себя въ чемъ-то виноватымъ, хотя не зналъ за собой никакой вины.

-- Нездорова, братъ... извиняется!-- сказалъ онъ о. Матвѣю.

Лошади стояли у крыльца и безпокоились Абдуль держалъ наготовѣ возжи, Парамонъ стоялъ у воротъ, готовясь распахнуть ихъ. Батюшки уже сѣли въ тарантасъ, какъ служанка позвала о. Ивана въ комнаты.

Въ столовой его ждала попадья.

-- Вотъ тутъ сто рублей и книжка. Внесешь тамъ въ кассу.

-- Откуда это ты накопила?-- удивился о. Иванъ:-- то-то, я замѣчаю... куры-то да овцы...

-- Ну, что жъ... Для себя, что ли? На Лизанькину книжку положишь. Мы маемся, пусть хоть дѣти не маются.

И она опять, какъ черная тѣнь, скользнула въ спальню.

III.

Кони птицами снялись съ мѣста, бѣшено вырвались за ворота и въ густомъ облакѣ пыли помчали за околицу. Абдуль намоталъ возжи на руки и, сдерживая тройку, побагровѣлъ отъ натуги. Гнѣдой коренникъ широко работалъ ногами. Колокола захлебнулись и едва звякали подъ дугой отъ быстроты его бѣга. Пристяжныя прыгали, какъ котята. Пѣгая пристяжка совсѣмъ завернула голову къ боку, но все рвалась впередъ, возбуждаемая бѣгомъ. Тарантасъ подпрыгивалъ отъ каждаго камешка и ямки. Борода о. Ивана убѣжала за плечи.

-- Держи шляпу!-- кричалъ онъ:-- глаза-то прикрой... ослѣпнешь!

Вѣтеръ свистѣлъ у нихъ подъ ушами.

Изъ-подъ лошадиныхъ копытъ земля летѣла мягкими комьями, таявшими на лету, но еще съ силою ударявшими въ лица и платье. У батюшекъ лица сдѣлались черными, шляпы и рясы покрылись пыльнымъ налетомъ. Кусты, цвѣты, межевые камни летѣли навстрѣчу, сливаясь во что-то пестрое у колесъ тарантаса. Изъ-за пригорковъ едва возникали перелѣски, какъ уже, разростаясь, бѣжали навстрѣчу, на мигъ охватывали тарантасъ зеленой чащей, и убѣгали...

-- Каково?!-- кричалъ о. Иванъ съ сдержаннымъ весельемъ: -- машина! Колокольчиковъ-то не слышать! Развѣ это кони? Вѣтрогоны!! Покупаль-то... ха-ха! Котораго за сорокъ, котораго за полсотню! За гнѣдого только двѣ сотни даль! Ахъ... ко-онь!! У меня, братъ, любая лошадь -- на бѣга гоняй! У меня... школа!!

-- У-удиви-тельно!-- хотѣлъ сказать о. Матвѣй, но большой комокъ земли ударилъ его прямо въ губы, и онъ началъ утираться и отилевываться.

-- Ничего!-- хохоталъ о. Иванъ:-- поѣшь землицы здѣшной... святая, поповская!

Онъ привсталъ въ тарантасѣ.

-- Мои луга начались... смотри! Хороши? Сейчасъ стога мои увидишь. Землица-то эта не даромъ мнѣ досталась! По округѣ лучшая! Три года воевалъ! Сколько водки спойлъ!

Онъ кричалъ:

-- Абдуль! Наддай!..

Отъ скорости лошадиного бѣга тарантасъ обволакивала пыль, но тотчасъ же улетала и вилась тучей позади. Комья земли летѣли, оставляя за собой пыльные слѣды, какъ кометы. На широкомъ луговомъ просторѣ, открывшемся изъ-за лѣсной опушки, возвышались тамъ и сямъ громадныя ометы. Сквозь свистъ вѣтра о. Иванъ кричалъ, что такихъ ометовъ не ставитъ ни одинъ священникъ по округѣ, у благочиннаго нѣтъ такихъ, потому что на этихъ лугахъ даже въ неурожайныя годы трава родится, въ засуху ползетъ изъ земли, какъ щетина. Онъ радовался на свои луга, жестикулируя, показывалъ о. Матвѣю, гдѣ ихъ границы. Границы оказывались такъ далеко, что о. Иванъ приподымался въ тарантасѣ, весь пыльный и черный, и не обращая вниманія на комки земли, разбивавшіеся о него, показывалъ вытянутой рукой въ пространство, крича:

-- Во-онъ грань-то... у лѣса! Пчельникъ тамъ хорошо бы поставить! Пчелиное мѣсто! Трава медовая!

Внезапно онъ почти всталъ въ тарантасѣ и заоралъ яростно:

-- Мо-о-ше-нники!!

-- Что случилось?!-- поднялъ о. Матвѣй лицо, напоминавшее земляной комокъ.

-- Разбой-ники!! Что они дѣлають со мной! Опять, навѣрное, сельскій староста, подлецъ! Смотри, Матвѣй, смотри! Вотъ оно, поповское житье...

О. Иванъ ткнулъ Абдулку въ сиину крѣпко сжатымъ кулакомъ.

-- Наддай! Чего ротъ разинулъ! Катай безъ дороги... наперерѣзь!!

Тарантасъ запрыгалъ по неровной почвѣ.

О. Матвѣй заслонилъ рукою глаза и старался рассмотреть, что такъ взволновало о. Ивана. Но онъ ничего не видѣлъ особеннаго, кромѣ нѣсколькихъ мирно пасущихся, красивыхъ, рослыхъ быковъ. Одни изъ нихъ щипали траву и, жуя ее, съ философскимъ спокойствіемъ наблюдали мчавшуюся къ нимъ тройку, другіе стояли у ометовъ, слегка теребили ихъ бока или отъ нечего дѣлать бодали ихъ крутыми и крѣпкими рогами.

О. Иванъ держался за плечи работника и хрипѣлъ:

-- Гра-би-и-тели!!

Изъ-за омета выскочили два пастушонка и отчаянно начали колотить быковъ длинными кнутами.

-- Сто-о-ой!!-- загремѣлъ о. Иванъ, выскакивая на лету изъ тарантаса.

Перетрусившіе пастухи гнали вскачь испуганныхъ быковъ, молча, но отчаянно хлопая бичами.

-- Чьи такіе? Стоой!! Я все равно знаю!-- кричалъ о. Иванъ, бѣгомъ несясь по полю за бѣглецами:-- стой!! Старостины быки... Ахъ, грабители! Я покажу вамъ, какъ травить поповскіе луга! Я вамъ... Сто-о-ой!!

Его огромная фигура металась по полю, какъ вихрь. Подрясникъ разстегнулся и плылъ по воздуху, точно вѣтеръ, длинныя ноги въ широчайшихъ шароварахъ дѣлали саженыя шаги. Онъ попытался-было поймать мальчишекъ, но юркіе мальчишки бросились въ рассыпную. Онъ опять поскакалъ за быками. Одному онъ успѣлъ-таки перегородить дорогу и поймалъ его за рога.

Быкъ мотнулъ головой.

О. Иванъ зашатался, но удержался. Руки его скользнули по шеѣ, по спинѣ убѣгавшаго быка и цѣпко ухватились за хвостъ.

-- А-а-а, подлецы!-- оралъ о. Иванъ на весь лугъ:-- достану я на васъ улику!!

Быкъ въ ужасѣ прыгалъ и метался. Но о. Иванъ крѣпко держалъ его обѣими вытянутыми руками за хвостъ, ногами же упирался въ землю, и скользилъ за быкомъ, какъ по льду. Быкъ рвался, временами начиналъ реветъ. О. Иванъ отзывался на ревь ругательствами и угрозами.

О. Матвѣй катался въ тарантасѣ отъ хохота. Абдулка улыбался до ушей. О. Иванъ скакалъ по полю и, обращая къ Абдулкѣ свирѣпое лицо, кричалъ:

-- Чего, нехристь, смѣешься! Помоги иди!

-- Лошадка нельзя бросать!

-- Отдай... Матвѣю... возжи!!

Быкъ ускоришь бѣгъ. О. Иванъ -- тоже. Подрящикъ на немъ раздувался, какъ хвостъ у куруна, шляпа слетѣла, волосы, точно у Авессалома, развѣвались по вѣтру. Онъ то присѣдалъ, чтобы найти точку опоры, то выпрямлялся и бѣжалъ гигантскими шагами, хрипло крича на быка:

-- Стой, подлець! Стой, мошенникъ!

Замѣтивъ подбѣгавшаго на помощь Абдулку, быкъ круто повернулъ въ сторону. О. Иванъ выпустилъ хвостъ, взмахнулъ руками, будто прося помощи у неба. Мигъ... онъ лежалъ на землѣ, а быкъ вскачь спасался по полю.

О. Иванъ поднялся пыльный и мрачный.

-- Чьи мальчишки?-- спросилъ онъ работника, очищая бороду отъ земли.

Тотъ мотнулъ головой.

-- Не сняй.

-- А быки?

-- Не сняй.

О. Иванъ уставился на него круглыми глазами.

-- А ты самъ кто? Тоже не сняй! Ахъ ты... турецкая морда! Заодно съ подлецами... шайка?! Ну, погоди, доберусь я до васъ до всѣхъ...

Онъ шелъ къ тарантасу, уже остывая, и говорилъ Абдулкѣ, бросая на него притворногнѣвные взгляды:

-- Вотъ прїѣдемъ въ городъ, сведу тебя къ архерею... окрещу тебя! Потатчикъ!!

Абдулка улыбался до ушей.

-- Мы ни сняй... Мы ни здѣшни... Шабрааулъ вси зняемъ. Здѣсь не сняй!-- говорилъ онъ.

-- Молчать! Садись на козлы! Ступай шагомъ.

О. Иванъ мрачно ввалился въ тарантасъ, сердито покосился на о. Матвѣя, но потомъ не выдержалъ и самъ расхохотался.

-- Вотъ оно поповское житье! Смѣйся, смѣйся! А какъ поразсудить, нѣтъ горше одежды, какъ подрящикъ съ рясой да широкополая шляпа. Сдѣлай себѣ хоть посохъ съ золотымъ набалдашникомъ, а все тебѣ одинъ почетъ... Ну, мало, скажи на милость, имъ своего-то выгона,-- нѣтъ... айда на поповскіе луга, травы поповскіе ометы! Эхъ, узнать бы, чьи быки, взмылили бы я тому человѣку шеицу-потылицу во всю милую душу... съ пескомъ и съ иломъ! Чтобъ до свадьбы не зажило! Вѣдь тутъ трудъ!

О. Иванъ широкимъ жестомъ показалъ на луга.

-- Горбъ тутъ! У попа-то не такой, что ли, горбъ, какъ у мужика? Такъ же потѣеть! Двѣ недѣли вѣдь я косилъ,-- въ первой косѣ шелъ! Самъ ометы-то металъ! А они:-- "у тея, ба-тюшка, всяво много! Травы-те не въ проворотъ, хлѣба-те полонъ ротъ"! Думаютъ, даромъ достается!

-- Мужичишки, одно слово! -- презрительно сказала о. Матвѣй: -- не люблю я ихъ! Эхъ, зачѣмъ я только въ академію не попалъ! Служилъ бы теперъ въ городѣ.

Тройка шагомъ вышла на столбовую дорогу.

Абдулка подобралъ возжи. Кони пошли полной рысью. Колокольчики запѣли надъ степями, унылой ширью убѣгавшими подъ горизонты.

-- Вотъ радуюсь я хозяйству своему,-- впалъ въ унылый тонъ о. Иванъ,-- а какъ такой случай... и не мило ничего! Зачѣмъ въ попы шелъ? Какъ слѣпой былъ!

Онъ помолчалъ.

-- Безсмыслица какая-то!

-- Вот у насъ,-- заговорилъ о. Матвѣй,-- слава Богу, въ Крестахъ такого безобразія нѣтъ! Народъ страхъ Божій знаетъ, въ субординаціи содержится. Къ духовнымъ почтительны. У насъ поповскихъ стоговъ травить не стануть, нѣ-ѣтъ! У насъ, голубчикъ мой, на этотъ предметъ такой порядокъ заведенъ, что мужикъ-то ходитъ да оглядывается... да не то чтобы грубое слово сказать,-- за версту духовное лицо увидитъ,-- хотя бы не свое, чужеприходное,-- шапку ломить! Золотой человекъ у насъ Аркадій Михайловичъ. Издалека взоромъ орла, такъ сказать, провидитъ всякій непорядокъ... и пресѣкаетъ!

-- Какой Аркадій Михалычъ?

-- Пустоваловъ. Земскій нашъ! Неужели ты его не знаешь? Да тутъ кругомъ по округѣ все его земли лежать!

-- Слышалъ что-то про него...

-- Ахъ, какой администраторъ! Какой хозяинъ. Государственный умъ! Мы ему большую карьеру предрекаемъ. Какой человекъ... внимательный человекъ!

О. Матвѣй сжалъ руки на груди, будто для молитвы, и покачивалъ маленькой головкой.

-- Такіе люди для Россіи нужны, нужны.

-- Кажется, наши мужики какого-то Пустовалова поругиваютъ... Знакомое имя-то!

-- Не мудрено! Гроза!! Государь въ уѣздѣ! Только такими людьми, какъ городъ праведниками, и земля наша держится! Это, такъ сказать, министр,-- но министр у самыхъ корней практическаго дѣла, вѣдающій не теорію, но практику государственной жизни! Погибнетъ, развратится земля наша безъ такихъ людей, оскудѣетъ вѣра, исчезнетъ страхъ Божій...

-- Ка-кой... мудреный! Нѣтъ, нашъ земскій попроще... его и не видать никогда, либо спитъ, либо рыбу удить, а когда дѣла разбирать начнетъ, мужики только руками разводять! Правъ ли, виноватъ ли,-- либо штрафъ, либо подъ арестъ... А когда запьетъ, такъ совсѣмъ веселый человекъ! Намеднись пришелъ въ церковь. Впереди стоитъ урядникъ и усердно намаливается, ожидая просвиры,-- толстенькій, низенькій, совершенно лысый. А земскій большой, въ корнетахъ служилъ. Подошелъ къ уряднику сзади, перекрестился и благоговѣнно поцѣловалъ его въ лысину.

О. Иванъ хохоталъ.

-- Про-сть, очень простъ!

-- И нашъ простъ... но мудръ... И, именно, какъ это сказать, не только мудръ, но какъ-то... смиренномудръ! Такой случай былъ. Это еще не задолго до бунта въ Васильевкѣ. Одинъ мужикъ... навѣрное, извѣстный тебѣ, Назаровъ... бунтарь и государственный преступникъ! Имѣлъ, по точнымъ моимъ свѣдѣніямъ, полный амбаръ хлѣба! Я потребовалъ, чтобы онъ вынесъ полную пудовку сѣмяннаго сбора... Онъ же, сдѣлавъ это молча, со злымъ взглядомъ и стиснутыми зубами,-- промолвилъ вслѣдъ, когда я отъѣзжалъ:-- "обирала"... Какъ?! Такъ ты грубить священнику?! Натурально, я къ земскому.. И что же? Что сдѣлалъ бы другой? Презрѣлъ? Сей же приказалъ явиться сходу,-- вызвалъ этого самаго Назарова,-- въ присутствіи всѣхъ подошелъ ко мнѣ и попросилъ благословенія. Обернулся къ сходу. "Вотъ, говоритъ, съ какимъ почтеніемъ и благоговѣніемъ надо относиться къ особѣ духовнаго званія. А ты, Назаровъ, что себѣ позволилъ? Это я за тебя у батюшки прощенья просилъ. Но что же мнѣ съ тобой сдѣлать? Какое наказаніе равноцѣнно твоему поступку?" Ну... и потомъ...

-- Что же потомъ?

-- Одно только слово сказалъ земскій,-- кратко, внушительно и проникновенно:-- "запереть!" И заперли!

О. Иванъ крикнулъ:

-- Вотъ ужъ это... не того!-- сказалъ онъ:-- это зря! Нѣтъ, братъ... это дѣло не годится... Ну, поругать такъ, чтобы перо и пухъ полетѣли. А доносить -- это подло по моему... и нецѣлесообразно! Человекъ этимъ испортить можно!

-- Чать, поди на нихъ, разбойниковъ, какой-нибудь страхъ нуженъ!

-- На кого и какой... Иного словомъ-то можно больше пронять. Въ нашемъ дѣлѣ случается, что и почтенный

человѣкъ отъ грубости не удержится... Наше дѣло какое? Извѣстно, и попримешь иной разъ, гдѣ возможно... а иногда, гдѣ и невозможно! Тѣмъ живемъ... что подѣлаешь! Такъ нужно понять это... и извинить! Ты его пощуняй, да огорощь его текстомъ, чтобы за сердце тронуло, онъ тебѣ не то, что пудовку,-- двѣ вынесетъ да на придачу еще какую-нибудь такую утку приволочетъ! А ты... Эхъ, ты!

-- Съ мужикомъ фамиллярничать негодится,-- недовольно сказала о. Матвѣй:-- онъ тебѣ живо на шею сядетъ, ежели его неподастать... Вонъ въ Васильевкѣ какая исторія разыгралась!

-- А что же по твоему? Широкозадовъ правъ?

-- Онъ почтенный и вліятельный человѣкъ. Всѣми уважаемъ. И къ тому же судъ призналъ!

-- Что судъ! Суду того не извѣстно, что мы всѣ знаемъ... Подлецъ онъ, твой Широкозадовъ, вотъ что! Твоихъ же мужиковъ разоряетъ, а ты за него... И вообще я тебѣ вотъ что скажу: мужики, хотя какіе они ни на есть, а народъ теплый. И я, братъ, люблю ихъ! Ей-Богу! Я, братъ, около нихъ ужъ давненько живу, обиды не видалъ!

-- А стога?-- насмѣшливо вставилъ о. Матвѣй.

-- Что стога!-- Наплевать стога! Эка важность, быки пободали... Семейное дѣло! Вѣдь и я мужика пободаю иной разъ! Если непріятность, пойдѣ къ мужику-то, да поговори ладкомъ, по душѣ, онъ тебѣ штаны отдастъ! А что толку, ежели я съ жалобой, да еще по начальству! Да онъ того никогда не проститъ и не забудетъ! Эка! Ты къ нему же съ жалобой-то, къ мужику, торкнись... у него сердце бо-ольшое, въ три обхвата, всѣмъ мѣста хватить! Одѣтъ-то, братъ, онъ и неказисто на видъ, а разбери дѣло хорошенько: и сермяжка у него серебряная, и лапотки золотые. Онъ всѣхъ кормитъ! По моему, лучше мужика и человѣка нѣтъ! Простъ, душа на ладонкѣ... Легко съ нимъ! Водкой да лаской съ нимъ все сдѣлаешь!

О. Иванъ помолчалъ.

-- И несчастный онъ! Градъ ли, гроза ли, мы -- въ комнатку, а его по шеѣ бьютъ! Да, собственно, и кто его по шеѣ не бьютъ? И земскій, и становой, и урядникъ, и стражникъ. А тутъ... хропъ! Еще и отъ своего же попа жалоба!

-- Ему же урокъ-урокъ,-- сказала о. Матвѣй:-- коемуждо по дѣломъ воздается! А ты вотъ, знаешь ли, точно въ одно слово съ Павлинкой. Ужъ она точила-точила меня изъ-за Назарова...

О. Иванъ ничего не отвѣтилъ.

Они замолчали.

Солице близко опустилось къ горизонту, отъ испареній стало большое и багровое. Словно чье-то кровавое око озидало степь. Вотъ только половина солнечнаго диска осталась надъ горизонтомъ... вотъ четверть. Вотъ только золотая искра сверкнула на томъ мѣстѣ, гдѣ уходило солнце, но и она потухла. Тогда багровые лучи высоко взметнулись на полнеба.

Позднимъ вечеромъ они пріѣхали въ городъ.

IV.

Губернскій городъ Старомірскъ расположенъ у широкой болотистой рѣки, раздѣляющей его на двѣ части: "центр" и обширное "Зарѣчье".

Зарѣчье тонетъ въ грязи.

Со всѣхъ сторонъ точно сдавленное дровяными складами, лѣсопилками, фабриками, кирпичными и известковыми заводами, оно носитъ на себѣ печать привычной бѣдности и вѣковой кабалы. На его улицахъ, непроходимыхъ осенью, пыльныхъ въ зной, съ звонкимъ крикомъ играютъ оборванные дѣти,-- будущіе рабочіе на заводахъ и фабрикахъ. Улица -- ихъ школа, потому что только счастливы изъ нихъ попадаютъ въ городское зарѣченское училище имени губернатора Безака, того Безака, который когда-то выразился: "дѣти бѣдняковъ должны учиться труду и только труду!" До сихъ поръ въ Зарѣчьи живетъ легенда о бѣдной вдовѣ,

которая привела въ неуклюжее зданіе школы, передѣланной изъ кожевеннаго завода,-- свою дочку и получивъ отвѣтъ:-- "пріема нѣтъ, потому что нѣтъ мѣсть",-- принесла на другой день въ школу... свою скамейку! Выростая, эти забытыя дѣти ходятъ по улицамъ съ гармониками, поютъ разухабистыя и циничныя пѣсни, заводятъ драки съ истощенными женами и отголоски разгула ихъ долетаютъ до "центра", который съ нагорья смотритъ на нихъ угрюмо и подозрительно, пока стоокая ночь не уложитъ ихъ подъ заборами, въ грязныхъ канавахъ или въ вонючихъ конурахъ, называемыхъ жилищами. По ночамъ тѣ же дѣти этого гнѣзда рабовъ крадутся къ центру воры, голодные и съ горящими глазами, бредутъ безшумной походкой проститутки.

"Центръ" -- благоустроенъ.

Его улицы широки и красивы, прекрасно вымощены, по ночамъ освѣщаются блѣднымъ свѣтомъ электричества. "Центръ" господствуетъ надъ окрестностью. На высшей точкѣ его, у края откоса надъ рѣкой, ширится площадь, среди которой возвышается двухсотлѣтній "золотой" соборъ, окруженный лучшими зданіями города: губернаторскимъ дворцомъ, казенной палатой, мрачнымъ казначействомъ, семинаріей, тюрьмой и гауптвахтой. Вдоль откоса тянется "скверъ" или "бульваръ", гдѣ по вечерамъ играетъ военный оркестръ на утѣху избранной публики, чинно дефилирующей по главной аллеѣ, и гдѣ есть аллея "тайныхъ вздоховъ", по которой считается неприличнымъ гулять. Съ прекраснаго губернаторскаго балкона, поддерживаемаго бѣлыми колоннами, открывается чудный видъ на "Зарѣчье" и окрестности. Балконъ этотъ -- историческій. Съ лѣвой стороны его сохранилась пробоина отъ ядра пугачевской пушки. Въ холерный годъ въ немъ перебиты были стекла. Съ него графъ Перовскій наблюдалъ за казнью провинившихся солдатъ. Съ него раздавались инородческія земли въ эпоху миллионныхъ хищеній. Когда-то этотъ балконъ во время страшнаго пожара Зарѣчья далъ поводъ мѣстному остряку и бонвивану, казначею Вертипороху, сравнить губернатора съ Нерономъ, любующимся пожаромъ Рима. Съ тѣхъ поръ прозвище это сохранилось за губернаторами, и нынѣшній хозяинъ губерніи, узнавъ о томъ, былъ даже нѣсколько польщенъ и замѣтилъ какъ-то съ грубоватымъ хохотомъ:

-- Надѣюсь, однако, есть же какая-нибудь разница между мною и Нерономъ!

Предсѣдатель окружного суда Купоросовъ ловко на это замѣтилъ:

-- Разница существенная, ваше превосходительство: Неронъ сжегъ свой городъ, а вы свой благоустроили.

И онъ мягкимъ жестомъ показалъ на Зарѣчье.

Зарѣчье съ балкона казалось клѣткой, сторожимой со всѣхъ концовъ элеваторами, громоздкими фабриками, высокія трубы которыхъ дымили день и ночь,-- кирпичными заводами, черными какъ гробы бѣдняковъ. Оно казалось клоакой, вдавленной въ землю, гдѣ копошилось что-то живое и несчастное, потому что голоса оттуда долетали какъ крики о помощи, а пѣсни напоминали стоны. Въ сущности Купоросовъ былъ правъ: -- "благоустройство" несомнѣнно существовало, то проклятое вѣковое "благоустройство", которое поддерживается штыками и полицейскими шашками, не принося ни радости, ни счастья даже тѣмъ, для кого оно поддерживается. Зарѣчье -- бѣдно и въ кабаль у богатства. "Центръ" богатъ и владычествуетъ, но оба они одинаково несчастны. Въ мрачной тѣни, бросаемой борьбой труда и капитала, предразсудка съ заключеннымъ въ подполья разумомъ, задыхаются современные города, распространяя свое отравленное дыханіе далеко на зеленыя окрестности. Это -- громадныя реторты, въ которыхъ трудъ и невзгода рабовъ перерабатываются въ призрачное благополучіе господъ; гдѣ сотни полуразрушенныхъ хижинъ создаютъ дворцы, въ которыхъ задыхаются ихъ хозяева отъ фатальнаго непониманія жизни. Это -- обширныя клѣтки "страны отцовъ", въ которыхъ съ плачемъ и воплемъ бьются дѣти прежде, чѣмъ самимъ превратиться въ призрачно-благополучныхъ отцовъ,-- принимающихъ кошмарный сонъ за жизнь. Въ этомъ снѣ купцу мерещатся широкобокіе амбары, сдавившіе горизонты; соборному протоіерею -- божественныя молебствія по случаю именинъ, открытія новыхъ лавокъ или побѣды надъ врагами, давно превратившимися въ друзей; чиновнику -- бумажное море, которое онъ тщетно старается переплыть; городовому -- рай, который поручили ему размежевать на участки... Тутъ все,-- въ этой жизни-снѣ,-- распредѣлено по категоріямъ. Каждому данъ свой прилавокъ, за которымъ онъ долженъ стоять и почитать себя счастливымъ, потому что отцы и дѣды и отцы дѣдовъ его стояли за такими же прилавками и почитали себя счастливыми, хотя и звѣзды, и небо, и свѣтъ солнца видѣли въ игрѣ призрачныхъ и отраженныхъ тѣней. На всѣ запросы духа существуютъ давно готовые отвѣты, превратившіеся въ священныя пословицы; изъ священныхъ пословиць вѣками составились

писанные и неписанные своды правилъ, опредѣляющихъ каждый шагъ и каждый вздохъ. Давно прошло то время, когда были пустыни, куда удалялись пророки, чтобы искать у звѣздъ новыхъ отвѣтовъ на запросы мутящейся души, вѣчно жаждущей, вѣчно недовольной. Пустыни заселены, разбиты на станы и участки, по нимъ мчатся въ экстренныхъ поѣздахъ "устроители жизни и охранители права". Теперь пророкъ -- бѣглець! Его страстная рѣчь встрѣчается приглашеніемъ въ участокъ, отобраніемъ паспорта, препровожденіемъ на родину по этапу, а въ худшемъ случаѣ -- въ тюрьму и на висѣлицу! И давно побившіе камнями своихъ пророковъ современные города -- это школы фальшивыхъ монетчиковъ, существующихъ подъ охраною закона. Настоящая, подлинная золотая монета вырабатывается тамъ только въ подпольяхъ и преслѣдуется. Фальшивая же, подернутая плѣсенью вѣковъ,-- находится въ обращеніи въ школахъ, въ судахъ, въ храмахъ, ею покупается и поддерживается то "благополучіе", подъ которымъ гнутся, спиваются, сходятъ съ ума, вырождаются даже "владыки" жизни и которое даже счастливейшіе называютъ "проклятымъ"! Было бы ужасно и страшно жить, если бы новыя золотыя вѣян्या не давали себя знать въ этой болотной, нищей духомъ глуши. Наступила новая эпоха, эпоха повального бѣгства дѣтей изъ клѣтокъ, устроенныхъ имъ отцами. Этотъ "духъ бѣгства" бродитъ по "зарѣчьямъ" и "центрамъ", по площадямъ и глухимъ улицамъ, не даетъ спать юнымъ, гордымъ сердцамъ, протягиваетъ имъ свою ширококостную, мозолистую, свою крѣпкую демократическую руку. Дѣтямъ не даетъ покоя иной рай, еще не размежеванный на участки, и уже глухая борьба отцовъ съ дѣтьми ведется всюду не такъ бесплодно, какъ прежде. Бѣдныя дѣвушки, плохо одѣтыя, бѣгающія на курсы по столицамъ, студенты въ вѣчныхъ курткахъ, часто высылаемые, возвращающіеся вновь, вся эта молодежь, подающая тысячи прошеній во всякія школы, гдѣ есть хоть десятокъ свободныхъ мѣстъ, ютящаяся въ сырыхъ углахъ, живущая впроголодь, среди отчаянныхъ жизненныхъ невзгодъ мечтающая о "соціальныхъ переворотахъ", о торжествѣ права и справедливости,-- все это дѣти мѣщанъ, дѣти купцовъ, часто порвавшихъ съ родными, дѣти города Старомірска! Быть можетъ, тамъ, на ихъ новыхъ избранныхъ путяхъ, ихъ ждутъ новыя "клѣтки"... Но "духъ бѣгства", какъ оздоровляющее начало, передается по наслѣдству, и ихъ дѣти и дѣти дѣтей ихъ уничтожатъ послѣднія перегородки, рѣшетки и заставы... Старый храмъ жизни далъ трещины, и въ нихъ смотрятъ милыя лица: безъ сожалѣнія разрушатъ они этотъ храмъ, весь, безъ остатка. Въ запертыя двери стучатъ молодыя, здоровыя руки. Онѣ стучатъ, крѣпко стучатъ... Вы отопрете имъ, тюремщики! Или прочь, съ трескомъ и громомъ, падутъ запоры ваши и васъ смететъ буря! Буря освобожденнаго духа! Безсильны вы угасить его, чувствуя свою близкую гибель... Онъ -- неугасимъ! Падутъ подъ напоромъ его послѣдніе порыжѣлые замки, лягутъ въ прахъ мистическія печати, свободный человѣкъ встанетъ во весь ростъ свой, сброситъ узы и будетъ вдыхать полную грудь воздуха свободной, міровой безконечности.

Городъ еще жилъ трепетною жизнью, изъ сквера доносилась музыка, а гдѣ-то въ Зарѣчьи еще гудѣли послѣдніе гудки, когда тройка гнѣздовскаго батюшки пронеслась черезъ площадь, заставляя оглядываться рѣдкихъ прохожихъ, и, свернувъ въ узкую улицу, образуемую гауптвахтой и казначействомъ, остановилась у воротъ мѣщанки Скворцовой, гдѣ обыкновенно останавливались духовные.

-- Никакъ отцы?-- раздался хриплый голосъ.

Отъ воротъ отдѣлилась высокая, лохматая тѣнь, съ головой, напоминающей жбанъ, поверхъ котораго приткнулась скуфейка.

-- Отцы! Отцы! Пророци и апостоли!-- съ пьянымъ весельемъ бормотала тѣнь:-- ахъ, какъ это хорошо, какъ пріятно! Волсви, иже со звѣздою... И посла Господь на утѣшеніе дьякону компанію лакому!

-- Никакъ козловскій дьяконъ,-- шепнулъ о. Иванъ о. Матвѣю:-- надоѣсть теперь!

Дьяконъ карабкался въ тарантасъ.

-- Отцы! Отцы! Да никакъ знакомые! Кони Ивановы и бубенцы его! Гнѣздовскій батюшка?

-- Онъ самый!

-- Боже! Боже! О, радости пучино! А это кто? Отче Матвіе, евангелисте благодравне! Ликуй, душа моя, веселися, плоть моя! Во имя Божіе... Благословите, отцы духовные, страждущаго діакона!

-- Отъ запоя страждешь?-- улыбнулся о. Иванъ. Огромная голова дьякона уныло качнулась.

-- Что запой!-- перешель онъ въ мрачный тонъ:-- былъ запой, какъ въ дьякона посвящали... Былъ запой,

какъ жена померла! А теперь нѣтъ запоя... Пещь огнеиная: сколько не плещи въ нее водки, высыхаетъ! ибо въ дѣтяхъ моихъ наказуетъ мя Господь...

Заслышавъ бубенцы, вышла встрѣтить прїѣзжихъ сама Скворчиха, "сдобная и сахарная", какъ ее величало духовенство. Ворота гостепрїимно распахнулись; появились работники и получили въ свое распоряженіе лошадей, которыхъ долго прохаживали по темной казначейской улицѣ. Гостямъ была предоставлена лучшая комната,-- хозяйская зала съ обширными кипарисовыми сундуками подъ ковромъ,-- свѣтлыми обоями и геранью на окнахъ. Почти слѣдомъ за ними необъятная работница внесла необъятный самоваръ и тотчасъ же явился черный хозяйскій котъ, заинтригованный движеніемъ.

Дьяконъ вошелъ вслѣдъ за батюшками.

При свѣтѣ лампы онъ оказался сухимъ, длиннымъ, мрачнымъ на видъ человѣкомъ, съ копною кудрей на головѣ, съ острымъ носомъ и будто испуганными глазами. Онъ впадалъ то въ мрачный, то въ веселый тонъ,-- но веселый тонъ его производилъ жуткое впечатлѣніе, будто смѣялся удавленникъ. Весь онъ былъ полонъ безпокойства: то вставалъ, то садился, то пряталъ руки въ карманы, будто ища въ глубинѣ ихъ что-то позабытое, то неуклюже жестикулировалъ ими, такъ что тѣнь его ломалась и изгибалась.

-- А что съ твоими дѣтьми, дьяконъ? -- спросилъ о. Иванъ, умывшись и чистя пыльный подрясникъ.

-- Младшаго-то, Андрюшку... изъ семинаріи гонять.

-- За что?

-- Извѣстно, за что гоняютъ... За храбрость!

О. Иванъ засмѣялся.

-- Да ты чудишь, дьяконъ!

Дьяконъ взмахнулъ руками, растопыривъ пальцы и съежился, будто собираясь летѣть.

-- Да я моего Андрюшку въ обиду не дамъ, не дамъ!-- закричалъ онъ страстнымъ и измученнымъ голосомъ:-- что они хотятъ сдѣлать изъ него! Такого же пьяницу-пропоицу, какъ отецъ вышелъ? Я къ владыкѣ пойду! Да я моего Андрюшку на тысячу Петровъ и Павловъ не смѣняю! Да я моего Андрюшку... Да Господи! Андрюшка мой!

Онъ сѣлъ на стулъ и опять вскочилъ съ него.

-- Мать-покойница... умирала... Веди, говоритъ, его... Веди его, дьяконъ... Андрюшку-то... Выводи его! пусть, говоритъ, онъ... Не какъ мы... А у него сердце-то... Господи! Ну, что жъ... Ну,-- видѣлъ онъ! Ну,-- знаетъ онъ! Всѣхъ знаетъ, кто изъ библіотеки эти книжки натаскалъ. "Всѣхъ,-- мнѣ-то говоритъ,-- знаю, кто бралъ, кто читалъ,-- потому добромъ, говоритъ, у насъ не дають и брать намъ негдѣ, а читать надо! Такъ выдавать развѣ товарищей-то?

-- Ахъ, это по тому дѣлу!-- сказалъ о. Матвѣй, заинтересовавшійся какъ слѣдователь:-- о покражѣ книгъ изъ фундаментальной библіотеки? Громкое дѣло!

-- Да вѣдь что украли-то? -- кричалъ дьяконъ:-- книги! Для чего украли-то? Читать! Намъ не давали, нашимъ дѣтямъ не дають!-- Такъ зачѣмъ же и книги! Зачѣмъ ихъ печатають? Зачѣмъ продають? Зачѣмъ на полки ставятъ?

При каждомъ вопросѣ дьяконъ взбрасывалъ кверху руки, точно собирался прыгнуть на трапецію и глаза его горѣли, какъ угли.

-- Ложь! Ложь! Ложь!! -- выкрикивалъ онъ, какъ огромный воронъ,-- худой и подстрѣленный:-- всюду ложь! Всюду обманъ! И нѣсть мнѣ спасенія! Гни меня! Дави меня! Да за что дѣтей-то... малютокъ-то моихъ! Ихъ-то въ каменный мѣшокъ за что? А? Вѣдь они въ меня, въ меня! Въ академію хотѣлъ, Андрюшка-то. Въ художественную! Какъ, моль, кончу... А теперь какъ же! Опять, значитъ, въ мѣшокъ... въ кабалу... въ духовное званіе! Куда изъ третьяго класса пойдешь! Я нищъ, я убогъ, я бѣденъ и нагъ... не могу дать средствъ... Рубашку бы отдалъ, да и та пропита! Отецъ! Отецъ! Я тебѣ рассказывалъ, какъ въ Питерь ѣздилъ? Студентъ далъ двадцать пять рублей. У отца знакомые изъ купцовъ были,-- посадили меня въ бычій вагонъ за второго погонщика! Съ быками ѣхалъ, полторы тысячи верстъ, зимой... Они на убой, а я учиться...

въ художники хотѣлъ! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!..

Онъ схватился за животъ и перегибался отъ хохота. Но, казалось, не смѣется онъ, а мучается страшною внутреннею болью. И жутко было слышать его смѣхъ, такъ онъ не шелъ въ лицу его, къ стиснутымъ зубамъ и горящимъ глазамъ.

О. Иванъ распахнулъ окно, куда тотчасъ ворвались звуки музыки.

-- Хочешь чаю съ ромомъ, дьяконъ?-- сказалъ онъ.

Дьяконъ вмѣсто отвѣта запѣлъ надтреснутымъ голосомъ:

Вѣць и служить не можетъ о-онъ,

Когда не выпьетъ р-ро-ома-неи!!

Пользуясь тѣмъ, что дьяконъ занялся ромомъ и принялся подробно рассказывать о. Матвѣю о покражѣ изъ библіотеки и о томъ, какъ "эти іезуиты" хотятъ заставить сына его выдать товарищей,-- о. Иванъ втихомолку вышелъ, привлекаемый звуками музыки и городского движенія. Онъ любилъ, бывая въ городѣ, бродить ночью по улицамъ, отдаваясь какимъ-то неяснымъ -- не то стремленіямъ, не то воспоминаніямъ,-- какому-то беспорядочному потоку мыслей и представлений. Такъ далеко, точно на иной планетѣ, заботы о хозяйствѣ, ссоры съ женой, дразги съ прихожанами. Точно и онъ не тотъ, а другой, иной какой-то, чужой тому о. Ивану, который бѣжалъ по полю, держа за хвостъ испуганнаго быка. И, вспомнивъ этотъ случай, о. Иванъ тихо и продолжительно засмѣялся.

Ночь была влажная.

Съ рѣки поднимался легкій туманъ. Сквозь туманъ тускло блестѣли огоньки Зарѣчья. Въ скверѣ слышалось непрерывное шуршанье, говоръ и смѣхъ гуляющихъ; въ оркестрѣ волторнъ выводилъ: "тор-рре-а-доръ"...

Въ небѣ горѣли звѣзды.

О. Иванъ, заложивъ руки за спину, вышелъ на площадь и, бросая черную и странную тѣнь въ отсвѣтъ электрической лампы,-- то обгонявшую его, то отступавшую,-- прошелъ къ миниатюрному обелиску, воздвигнутому "благодарными жителями въ память освобожденія отъ воинскаго постоя". И остановился, задумавшись. Все ему казалось сказочнымъ при свѣтѣ электрическихъ лампъ: и зданія, и скользящія фигуры людей, и гремящій въ саду оркестръ. Гдѣ-то по троттуару гулко звучали шаги. Гдѣ-то за деревьями звучалъ женскій смѣхъ, что-то вродѣ поцѣлуя скользило въ воздухѣ и ему послышался запахъ сирени.

Онъ глубоко втянулъ въ себя воздухъ.

Блѣдная фигура проститутки робко скользнула къ нему и испуганно отошла.

Онъ опять тихо засмѣялся.

Веселые и нѣжные образы замелькали въ мозгу его, неясные и манящіе на какую-то свѣтлоую высоту.

Но случайно взглядъ его упалъ на семинарію, и онъ вздрогнулъ, точно кто строгій заглянулъ ему въ самую душу наблюдающимъ окомъ.

Ему вспомнились слова дьякона:

-- Эти іезуиты...

И онъ пристально всмотрѣлся въ семинарію, проходя взоромъ по ея уже тѣмнымъ окнамъ, точно слѣпые глаза строго смотрѣвшимъ на него, вспоминая ея черные коридоры, низкіе и душные классы... Точно тѣнь огромная падала на него отъ семинаріи. На него и на его жизнь. И сама она стояла въ тѣни, бросаемой соборомъ, и въ тѣни этой она казалась громаднымъ ящикомъ, въ которомъ смутно гудѣло населеніе звѣрьковъ, милыхъ и невинныхъ, съ покорностію невѣдѣнія склонявшихъ головы подъ вѣковымъ педагогическимъ молотомъ, высѣкавшимъ въ умахъ и сердцахъ ихъ... священныя надписи могильныхъ плитъ, подъ которыми, отравленная углеродомъ, будетъ судорожно задыхаться грудь ихъ, всегда... всегда...

и искалѣченныя очи не будутъ видѣть иной жизни, кромѣ жизни червей, сверлящихъ могилы. Вотъ здѣсь воспитывались о. Иванъ и о. Матвѣй и тотъ дьяконъ, который такъ походилъ на ворона.

О. Иванъ смотрѣлъ пристально на темныя стѣны, и ему представлялись фигуры воспитателей такими, какъ онъ ихъ помнилъ, далекими и чужими,-- но, какъ созвѣздія въ гороскопѣ астролога, сыгравшими рѣшительную роль въ его жизни. Вотъ ректоръ... рыжеватый, проворный монахъ, съ свѣтлыми, впивающимися глазами, вѣчно бѣгающій съ заплетенной, какъ мышинный хвостъ, косичкой по длиннымъ и темнымъ корридорамъ, всюду внезапно появляющійся, чтобы водворить порядокъ и исчезнуть. Его мечтой было водворять порядокъ во всѣхъ сферахъ жизни,-- въ умахъ, въ сердцахъ, въ поведеніи. Поймавъ кого-нибудь въ моментъ "преступнаго дѣянія", напр. съ папиросой, онъ велъ, какъ на буксирѣ, виновнаго въ свою квартиру. И корридоры шептали:-- "попалъ въ плѣненіе вавилонское". Плѣненіе продолжалось иногда болѣе часу. Начиналось оно знаменитымъ:

-- Ну-съ?

И плѣнникъ сразу начиналъ потѣть и корчиться.

Это ничего, что онъ курилъ. Всѣмъ извѣстно, что воспитанники курятъ и пьютъ. Но онъ долженъ это дѣлать такъ, чтобы не видали люди, потому что "на насъ" и безъ того много нареканій.

-- Мы -- апостолы! Мы должны носить ризы чисты и бѣлы, дабы люди уважали насъ и шли на нашъ голосъ, какъ овцы на голосъ добраго пастыря. Наши же слабости, наши черныя пятна должны мы скрывать, ужъ если не можемъ отъ нихъ освободиться. Въ жизни долженъ быть строгій порядокъ!

Потомъ онъ начиналъ говорить о вредѣ куренія, хотя и самъ курилъ, что было всѣмъ извѣстно,-- говорилъ долго и увлекательно, съ полнымъ знаніемъ дѣла, интересовывалъ плѣнника. И когда тотъ уже начиналъ чувствовать расположеніе къ лектору и утрачивалъ свою настороженность, внезапно начиналъ обвинять его во всѣхъ проступкахъ, какіе только случались въ семинаріи, говоря, что кто способенъ на малый проступокъ, способенъ и на большой, путалъ, сбивалъ, требуя сказать, кто сломалъ рѣшетку въ нижнемъ корридорѣ, чтобы уходить по ночамъ,-- кто подобралъ ключъ къ фундаментальной библіотекѣ,-- кто изобразилъ ректора на классной доскѣ въ видѣ монашествующаго осла. И горе тому, кто, оглушенный, запутанный, хоть отдаленно проговаривался: онъ становился среди товарищей на положеніе вѣчнаго фискала, бродя одиноко, какъ отверженный. И, слабодушный, мстя, онъ становился дѣйствительнымъ фискаломъ, любимцемъ и необходимымъ орудіемъ ректора.

Въ классѣ ректоръ былъ увлекательный рассказчикъ.

У него была своя теорія о землѣ и звѣздахъ.

-- "Въ день страшнаго суда земля распадется на составные элементы. И такъ-какъ элементы земли въ то же время суть элементы тѣла, вся земля уйдетъ на воскресшія тѣла. И тѣла эти, воспріявъ свои безсмертныя души, разселятся по звѣздамъ сообразно славѣ ихъ".

Такъ онъ толковалъ текстъ: "ина слава лунѣ, ина слава звѣздамъ".

-- Куда дѣнутся грѣшники? -- спрашивали его.

-- Будутъ бродить, какъ Каины, по мертвымъ планетамъ.

Его "фантазіи" нельзя отказать въ величественности,-- но нельзя не признать, что жертвы его воспитательной системы могли попасть только на мертвыя планеты.

Преподаватель догматическаго богословія Высоковъ былъ въ другомъ родѣ. Онъ представлялъ собою мрачное, мистическое продолженіе ректора.

Черный, хмурый, требовательный, съ жестокой улыбкой ставившій единицы; человекъ всегда съ особымъ мнѣніемъ, не прощавшій въ теченіи года вины, совершенной въ началѣ года; -- единственный высказывавшійся за исключеніе провинившихся, хотя бы весь педагогическій совѣтъ былъ за прощеніе,-- Высоковъ поднимался въ самую глубь небесъ, выше ректорскихъ звѣздъ,-- и видѣлъ тамъ лишь Бога мрачнаго,-- Карателя, посылающаго съ незримаго престола только глады, моры, потопы, землетрясенія и всякія несчастія. Все горе, всѣ случайности жизни онъ объяснялъ наказаніемъ или попущеніемъ своего Неумолимаго Бога, всѣ радости ея -- только искушеніемъ.

-- Терпѣніе,-- говорилъ онъ угрюмымъ и сдержаннымъ басомъ: -- первая христіанская добродѣтель.

Его любовь къ Богу была любовью истерзаннаго раба, цѣлующаго плеть владыки,-- о любви къ ближнимъ онъ говорилъ какъ о ненависти къ ихъ ошибкамъ, оскорбляющимъ Бога. Его небо было страшно, и мрачное краснорѣчіе его часто закрѣпляло въ робкихъ душахъ и узкихъ умахъ этотъ страхъ навсегда.

Съ этимъ страхомъ шли въ жизнь и распространяли его.

О. Иванъ невольно отвернулся отъ семинаріи, точно въ ея стѣнахъ, ея окнахъ и карнизахъ онъ различилъ черты лица Высокова.

И онъ съ отраднымъ вздохомъ вспомнилъ духовника, преподававшаго "гомилетику, сирѣчь науку о духовномъ краснорѣчіи". О, этотъ былъ весь отъ земли. Съ козлиной бородкой, слегка сутулый, добрый, съ безцвѣтнымъ лицомъ и ласковымъ взглядомъ, духовникъ любилъ уменьшительныя имена существительныя: "козликъ", "ватрушечка", "шерстка". Онъ недавно только, овдовѣвъ, перевелся изъ деревни и весь еще былъ полонъ воспоминаніями. Сильно потрепанный, опустившійся, съ сизымъ пористымъ носомъ,-- онъ больше преподавалъ практическіе совѣты, нежели науку, о которой былъ невысокаго мнѣнія.

-- Ты мужичка ублажи,-- говорилъ онъ,-- а онъ тебѣ сейчасъ... телушечку! Золотой онъ, мужичокъ-то... Умѣй только съ нимъ!

Онъ долго, ласково, монотонно говорилъ о "телушечкахъ", "пѣтушкахъ", "яичкахъ", словно бредилъ и видѣлъ на яву золотые сны. И всѣмъ мерещились какія-то золотыя поля, по которымъ бродятъ мужички и разносятъ золотыхъ телушечекъ. Поборы рисовались въ поэтическомъ ореолѣ, всѣмъ хотѣлось поскорѣе туда... на эти золотыя поля!

И съ этимъ сномъ, съ этимъ бредомъ шли въ жизнь.

И на всѣ явленія ея смотрѣли сквозь сумбуръ могильныхъ надписей и во всѣхъ страшныхъ драмахъ ея не могли разобраться. Натуры нѣжныя таяли и гибли въ мукахъ раздвоенности, между тѣмъ, что знали и что видѣли, натуры сухія черствѣли и ожесточались, натуры гордыя отчаявались и кончали наглымъ презрѣніемъ къ себѣ, къ людямъ, ко всему святому.

О. Иванъ вздохнулъ и отвернулся.

На гауптвахтѣ медленно и торжественно пробило одиннадцать часовъ.

-- О. дьяконъ! -- грубовато обратился къ о. Ивану рослый человекъ въ фартукѣ, безъ шапки, со спутанными волосами: -- не видалъ ли удаловской хозяйки? Сбѣжала, слышь... Скажи, сдѣлай милость!

-- Я не знаю удаловской хозяйки!

-- Ахъ, ты, братецъ.... Да ее весь городъ знаетъ! Чтобъ ее... Какъ вырвется изъ-подъ запору,-- въ трахтеръ... Бьетъ ее хозяинъ-то. Онъ подрядчикъ, хозяинъ-то... Удаловъ! Може слыхалъ? Богатый,-- старинный подрядчикъ!-- У него заводы! А хозяйка-то, вишь ты... не въ себѣ малость... Я, слышь, плотникъ у него... Пымай, говоритъ. Любовникъ, слышь, былъ у ей въ стары-те годы. Помялъ его Удаловъ... значить, до смерти... Съ того у ней и пошло... Ахъ, ты, чтобъ... Пойтить поискать еще въ "Плевнѣ"...

Онъ быстрымъ шагомъ ушелъ, стуча сапогами.

Тишина.

Опять поцѣлуй звучитъ и женскій смѣхъ носится въ воздухѣ, здѣсь и тамъ, точно сверху падаютъ лепестки цвѣтовъ и задѣваютъ воздушныя струны. А въ скверѣ все ходятъ, ходятъ, и точно не могутъ никуда придти. И ужъ оркестръ храбро зажариваетъ "Пляску мертвецовъ", знакомую о. Ивану еще съ того времени, какъ онъ гулялъ здѣсь съ Павлинькой.

Онъ вспомнилъ Павлиньку, вспомнилъ жену и, глубоко вдохнувъ и выдохнувъ воздухъ, началъ тихо прогуливаться по площади.

Что случилось въ его жизни?

Что-то непоправимое...

Словно вынули у него душу!

Ни съ чѣмъ у него нѣтъ настоящей, любовной связи: всему и всѣмъ онъ чужой и всѣ ему чужіе. И только вотъ здѣсь, въ этой тишинѣ, въ этомъ забвеніи, въ этой отдаленности отъ всѣхъ поглощающихъ мелочей,-- онъ чувствуетъ и видитъ, какая постоянная, точащая, какъ ржа, тоска живетъ въ немъ. Тамъ гдѣ-то стога сѣна, поѣдающіе ихъ быки; прихожане, которымъ говоритъ онъ проповѣди по "троицкимъ листкамъ" или "Путятину", посывы, полосы, неисправные работники... Все это чужіе люди и онъ имъ чужой,-- случайно къ нимъ попавшій по силѣ обстоятельствъ и волѣ начальства... Вся эта жизнь -- чужая: въ ярмо ея онъ впрягся, не разсуждая, потому что, кромѣ этого ярма, передъ нимъ ничего не было...

И вотъ... жена!

Какъ онъ женился на ней? За чѣмъ? Даже не спросилъ ее, хочетъ ли? Повезли его, смотрины сдѣлали... А онъ,-- только-что кончилъ семинарію, былъ сильно выпивши. Все ему представлялось свѣтлымъ, всѣ люди -- хорошими, съ радостными лицами. Обнимались, поздравляли... Вѣнчали! Онъ смотрѣлъ на бракъ, какъ на побочное обстоятельство,-- главное было впереди... жизнь! Онъ даже слышалъ, что у этой высокой, немного блѣдной, немного гордой дѣвицы былъ романъ... Онъ даже видѣлъ слезы подъ ея вѣнчальнымъ вуалемъ, обильныя слезы, немного его оскорбившія, но онъ зналъ, что "всѣ невѣсты плачутъ"...

И потомъ... стали жить... И потомъ...

Не замѣчая, онъ ускорилъ шаги, точно заметался по площади.

Не понимаетъ онъ жену...

Чужіе они! Чужіе!

Павлинька... та другая! Та ближе ему! Если бы не Павлинька...

И ему казалось, что безъ Павлиньки міръ былъ бы для него пустыней! Что-то страшное безъ нея! Вотъ попадья ревнуетъ... Да вѣдь онъ ее маленькой зналъ... малюсенькой... вотъ этакой... гимназисткой... въ коротенькомъ платьицѣ! Не онъ развѣ сваталъ ее за Матвѣя? Онъ любитъ ее? Конечно, любитъ... какъ хорошую женщину,-- только! Какъ милую женщину! Развѣ это грѣхъ?! Да развѣ и можно ее не любить? Онъ ее понимаетъ... и не вѣритъ никакимъ сплетнямъ... Все вздоръ, клевета одна! Она чистая, чистая... славная! Вотъ пойдетъ онъ завтра и вернетъ ее... уговорить... Что скажетъ, то она и сдѣлаетъ!

Онъ ужъ сталъ разсуждать и руками, къ удивленію часового у гауптвахты, остановившись среди площади и вспомнивъ Павлинькино письмо.

-- Вотъ и она, стало-быть... Несчастливая! А я думалъ... вѣдь Матвѣй хорошій человекъ! Да что это! Словно давить насъ въ жизни что, дышать мѣшаетъ... Тюрьма словно!

Вдругъ въ свѣтѣ яркаго электричества, точно воплощеніе той жизни, о которой онъ думалъ, передъ нимъ встала женщина и, покачиваясь на нетвердыхъ ногахъ, забормотала плаксиво и жалостливо съ глуповатой улыбкой:

-- Купецъ! Купецъ! Дай пьяницѣ копѣечку... Дай!

На ней былъ широчайшій капотъ, точно передѣланный изъ стараго стеганнаго одѣяла. Она въ немъ путалась,-- онъ волочился по землѣ, пыля. По пьяному лицу ея бродила идіотская улыбка, она протягивала руки съ параличными пальцами.

-- Я -- Удалиха! Меня всѣ знаютъ! Дай, купецъ... Я отдамъ! Въ долгъ дай! Копѣечку! За мертвенькихъ выпью!

У ней слезы лились, а она улыбалась.

-- За покойничковъ!

Пошатываясь и икая, точно всхлипывая, она вплотную подошла къ о. Ивану; онъ съ жуткой дрожью увидалъ ея черные, безумные глаза, круглые, какъ у совы, но темные, бездонные, какъ міръ невѣдомой скорби.

-- А можетъ... и ты... купецъ... покойничекъ? И за тебя... выпью! Да, да! Только ты, смотри, не сказывай...

Она положила ему на грудь тяжелую, холодную, точно мертвую руку, опасливо озираясь и шепча:

-- Мужу-то... не сказывай! Всѣ померли... всѣ... и я!.. А онъ... живъ еще!

О. Иванъ досталъ монету и хотѣлъ ей дать, чтобы она ушла.

Вдругъ давешній плотникъ выскочилъ изъ переулка и, крадучись, дѣлая громадные и стучащія скачки, бросился на нее.

-- Услѣдиль я те, пьяницу! Умаялся я съ тобой, анаѳемой... Онъ те, мужъ-то!

Взмахнувъ руками, Удалиха забила въ припадкѣ, дико крича.

Плотникъ схватилъ ее и, какъ звѣрь съ добычей, поволокъ, точно мѣшокъ, набитый чѣмъ-то мягкимъ, но тяжелымъ.

На гауптвахтѣ медленно пробило двѣнадцать.

Тамъ стучали ружья, смѣняли часового.

Изъ садика летѣли звуки гремучаго нѣмецкаго марша "Mit Bomben und Granaten"...

О. Иванъ медленно пошелъ домой.

Тамъ дьяконъ, кончивъ ромъ, все еще горячо, взмахивая руками, какъ воронъ, что-то повѣствоваль о. Матвѣю, у котораго было кислое и несчастное лицо.

-- Ну, дьяконъ!-- сказалъ о. Иванъ:-- пора и честь знать, намъ спать надо!

Дьяконъ сразу стихъ и началъ прощаться. Лицо у него стало угрюмое и несчастное, и видимо ему не хотѣлось уходить куда-то за дверь, во тьму, на жертву своей тоскѣ и думамъ. О. Ивану стало жаль его.

-- А что съ твоимъ старшимъ сыномъ, дьяконъ?-- спросилъ онъ, чтобы смягчить свою невольную грубость:-- давеча ты что-то такое говорилъ, что тебѣ въ дѣтяхъ не везеть? Вѣдь старшій-то у тебя, кажется, въ Харьковѣ учится? Въ ветеринарномъ? Развѣ что и съ нимъ случилось?

Дьяконъ насупился и сталъ тяжело дышать.

-- Сидить!-- сказалъ онъ:-- по политическому...

О. Иванъ отшатнулся отъ него.

V.

На утро о. Иванъ собрался въ Зарѣчье. О. Матвѣю онъ велѣлъ дожидаться его до трехъ часовъ на квартирѣ, а потомъ идти къ Рудометову.

-- Я сейчасъ къ Григорію Петровичу трахну!-- говорилъ онъ.-- Ужъ вотъ есть у меня такая увѣренность, что Павлинька у отца! Я, братъ, ее знаю! Ну, а если, паче чаянія, что-либо подобное справедливо... что люди болтаютъ насчетъ рудометовскаго племянника,-- что Богъ дастъ,-- насядемъ на протоіерея! Онъ племянника на днѣ моря сыщеть и сообразно положенія дѣлъ воздѣйствуетъ!

О. Матвѣй вздохнулъ и покрутилъ своей маленькой головкой.

-- Кабы Богъ-то даль!

-- А ты уповай!

Облачившись въ новую черную рясу и совершенно неидушую къ ней порыжѣлую, пропыленную шляпу, о. Иванъ торжественно направился по казначейской улицѣ въ Зарѣчье, вызвавъ своимъ видомъ удивленіе какого-то тощаго мѣщанина, который долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, потомъ плюнулъ и злобно сказалъ:

-- Колокольня!

Перейдя широкой, длинный понтонный мостъ, о. Иванъ углубился въ грязныя, узкія улицы Зарѣчья. Онѣ были пустыни. Населеніе разбрелось по заводамъ, фабрикамъ, базарнымъ прилавкамъ; ребятишки еще не повылѣзли изъ норъ своихъ, чтобы барахтаться въ лужахъ, зеленыхъ, никогда вполнѣ не просыхавшихъ. Это

безлюдье, напоминавшее пустынную кладбища, оттянуло всю покривившуюся, лохматую, неуклюжую убогость построек. Только один новый и белый флигель, как король с трона, поглядывал гордо с высокого фундамента на убогих соседей.

О. Иванъ зналъ его.

Красный фонарь у его входа был потушен и, скрипя, качался от ветра. У крыльца стояли дрожки. Два дюжих молодца сажали в них поношенное пальто, в котором, если что и было, то так съёжилось и сжалось, точно призрачное счастье при свете дня.

-- Кто это?-- строго спрашивал усатый полицейский.

-- Гость!-- отвечал один из молодцов.-- Удаловский приказчик, Иванъ Прокофьевичъ съ мыльного. Третий день. Совсем слабый человек! На фатеру надо... хороший человек-то! Вишь дочь у него пошла... по этой части... съ Удаловым! Онъ съ техъ порь...

Пальто молчало.

Его сажали, а оно валилось на сторону, точно все кости его размякли от счастья жизни или, кто-то наступивши, раздавил его.

Узкий, безобразный переулочек, возбуждавший тоску даже в бродячей собаке, которая сидела у длинного, забрызганного грязью забора и выла, подняв вверх голодную морду,-- вывел о. Ивана к широкому полю, изрытому по всем направлениям. Кучи и груды глины напоминали поспешно набросанные могильные насыпи. На границах этого глинорытного поля чернели длинные, покрытые копотью строения, напоминавшие коридоры. О. Иванъ хорошо их знал: это были удаловские кирпичные сараи. Возле них краснели кладенцы только-что обожженного кирпича. Среди сараев, как кровля храма, возвышалась громадная черная крыша над гигантской печью, в которой обжигались кирпичи. Сквозь щели ее еще валил густой дым, точно дыхание чудовища, красная пасть которого бросала из-под крыши багровые отсветы на поле. А между тем и поле, и постройки были безлюдны: нигде не виднелось ни единой живой души.

За углом переулочка, окнами на кирпичные сараи, стоял веселый домик, белый, с яркой зеленой крышей, с палисадником, в котором зеленели акации. Все пять окон его были распахнуты; в них виднелись цветы и слегка трепещущая от ветра кисейная занавеска. На парадной двери сияла ярковычищенная медная дощечка с надписью: "коллежский ассесоръ Григорій Петровичъ Перехватовъ".

Из окон плыли звуки гитары и тихий напев.

О. Иванъ узнал голосъ Павлиньки.

Молоденькая служанка сначала спросила;

-- Кто там?

А потом отворила ему, улыбаясь как-то загадочно, и он, пройдя за нею темные сени с гладким крашеным полом, вступил в крошечную переднюю, где снял ряску, тяжело отдуваясь и отирая лоб большим красным платком.

Вошел в залу.

Точно с грязной, вонючей палубы потрепанного бурею корабля спустился он в капитанскую каюту. Тут был мир уюты, тот тихий уголок мещанского довольства, какой можно отыскать у старых заштатных чнявников, десятки лет свивавших гнездо,-- где мечтали они мирно умереть после жизни, которую старались прожить настолько "честно", чтобы и на том свете получить такое же довольство. Все тут пригонялось десятки лет, все сотни раз переставлялось и примирялось, прежде чем встать так как стояло, всякая вещь имела свою историю и свои воспоминания, так что трудно было сказать: хозяин ли имел все эти вещи, или вещи имели хозяина; он ли держал их в плену, или он его. Точно красивая мечта, реализовавшаяся и застывшая в неподвижных формах, стояли тут старинные, немного неуклюжие стулья у окон, сквозь белые кисейные занавески которых свет мягко ложился на листья олеандров, китайских роз, фикусов, и туй, годами выросавших в тепличной обстановке комнаты; на крытых скатертями столиках в простанках стояли лампы под красным абажуром; лежали альбомы,

въ которыхъ еще сохранялись выцвѣтшія фотографіи какихъ-то особъ въ фижмахъ и кринолинахъ. Въ углахъ стояли этажерки съ бездѣлушками или старинными журналами. На стѣнахъ и простѣнкахъ въ изобиліи висѣли снимки цѣлаго племени чиновниковъ, группами и въ одиночку: коллежскіе секретари съ меланхолическими лицами перемежались здѣсь съ оекретарями губернскими. Всѣ вмѣстѣ окружали какой-нибудь строгій, благообразный бюрократическій ликъ, въ свою очередь съ оттѣнкомъ почтительности улыбавшійся какому-нибудь еще болѣе строгому и благообразному лику. Точно цѣлое полчище чиновниковъ снискало здѣсь себѣ пріютъ среди окружающаго моря бѣдности и стонущаго труда.

У изразцовой печи на черномъ клеенчатомъ диванѣ сидѣла Павлинька, перебирая струны гитары.

Ее обливалъ мягкій свѣтъ солнца, играя на бѣлизнѣ печи. Она сидѣла, положивъ ногу на ногу, точно пѣвица на ресторанной эстрадѣ. Голова ея была нѣсколько ухарски откинута назадъ, углами губъ она держала папиросу, едва закуренную и давно потухшую. Лицо у Павлиньки было миловидное, необыкновенно бѣлое, по-дѣтски пухлое; въ сѣрыхъ глазахъ вспыхивали и гасли задорныя искры; мелкія, мягкія кудри оттѣняли бѣлизну красиваго и умнаго лба; точно карминомъ покрашенныя губы бороздила насмѣшливая улыбка, но въ углахъ ихъ залегло что-то горделивое и въ то же время горькое, точно таилась тамъ строгая мысль, которую она гнала отъ себя, съ беззаботно вызывающимъ видомъ откидывая голову.

Увидавъ о. Ивана, она полууронила гитару.

Глаза ея потемнѣли.

Но тотчасъ яркая, нѣжная краска облила лицо ей, и точно искры смѣха брызнули изъ глазъ. Отбросивъ гитару, кинувъ куда-то папиросу, она вскочила, живая, какъ огонь.

-- Какъ я рада!-- говорила она. Она взяла его за обѣ руки.

-- Я думала... папа! А это вонъ кто! Иванъ Василичъ! Вотъ ужъ не ожидала! Никакъ не ожидала! Какъ кстати! Боже мой, какъ кстати! Голубчикъ мой, знаешь что: сегодня непременно, непременно пойдѣмъ на музыку,-- какъ бывало... Хорошо? Мнѣ такъ о многомъ надо поговорить съ тобою!

Замѣтивъ, что о. Иванъ съ необыкновеннымъ удивленіемъ смотритъ куда-то въ уголь, она прослѣдила его взглядъ, увидала окуркъ папиросы и еще веселѣе и задорнѣе расхохоталась.

-- Ты куришь?!-- сказалъ о. Иванъ.

Она со смѣхомъ пропѣла ему:

-- Эмансипація!

И принялась кружить его по комнатѣ.

-- Какъ я рада! Какъ я рада!

-- Да что съ тобою?-- нахмурившись и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее о. Иванъ:-- какая-то ты... не своя ровно! Солидная особа, матушкой называешься... а точно дѣвочка!

Она оставила его, бросилась на диванъ, откинувъ гфлову на спинку, пунсовая, тяжело, со смѣхомъ дыша и смотря за окно на солнце.

-- Посмотри! Солнце въ окно смотреть! Точно первый разъ вижу его! Солнце! Милое солнце! Какое яркое! Какимъ зноемъ, какою радостью вѣетъ отъ него!

Задумчивое выраженіе медленно легло на ея лицо, и краска съ него сбѣжала.

-- Иванъ Василичъ, я вѣдь... отъ Матвѣя то уѣхала.

-- Знаю,-- сказалъ о. Иванъ.

Она рѣзко выпрямилась.

-- Знаешь? Откуда знаешь? Что знаешь?

И вдругъ горько и презрительно засмѣялась.

-- А-а! Посланникъ! Понима-а-ю!

-- Я все знаю! И письмо твое читалъ. И... съ кѣмъ ты уѣхала знаю!

Она хмурилась и внимательно смотрѣла исподлобья.

-- А если бы и такъ? Что же?

Онъ не смотрѣлъ на нее. Сѣлъ рядомъ съ нею.

-- Слушай, Павлинька! Вотъ тамъ разное такое, понимаешь... словомъ, рта не закроешь никому! И Матвѣй... И въ нашемъ селѣ болтаютъ... А я вотъ все-таки... Ты мнѣ... скажи по чистой совѣсти... по душѣ!

-- Что?

Онъ затруднялся, какъ выразиться.

-- Да вотъ, будто... если ты уѣхала съ... съ этимъ... какъ его... такъ вотъ онъ... словомъ, есть между вами что-нибудь?

Она молчала, а онъ ждалъ, отвернувшись

Что-то упорное, дерзкое прошло по ея лицу. Минуту она словно колебалась, что отвѣтить, и вдругъ сказала рѣзко и отчетливо:

-- Нѣтъ!

Онъ разомъ повернулся къ ней, сіяя.

-- Ну, вотъ! Ну, вотъ! Я такъ и зналъ!.. заговорилъ онъ горячо:-- я вѣдь знаю, ты... порохъ пороховичъ! Ну, что-нибудь тамъ не по тебѣ, сейчасъ ты... Сумасбродка ты! А вѣдь, голова и сердце у тебя хорошія... ей-Богу! Да что! Да развѣ бы повѣрилъ я когда всѣмъ этимъ розказнямъ! Да я бы, можетъ быть, про себя всякой пакости повѣрилъ, а про тебя... никогда!

У нея вздрогнули губы.

-- Никогда? Не повѣрилъ бы?

Онъ даже вспыхнулъ весь.

-- Нѣтъ! И знаешь что! Я такъ и Матвѣю сказалъ: пустое! И письмо... и уѣхала! Сгоряча она! Скучно ей. Да вѣдь что же... Всѣмъ намъ... скучно! Ужъ такъ живется! Не думай, говорю, вернется она! И вотъ... шель я сюда, и зналъ, что ты тутъ. Чувствовалъ, что ты тутъ! Знаешь, у меня чутье есть... Чему ты смѣешься? Такъ вотъ... иду, и чувствую, что ты тутъ! И думаю: вотъ скажу ей... Вернись, Павлинька! Вернись къ Матвѣю! Утиши свое горячее сердце!

Онъ мягко смѣялся.

-- Скажу ей такъ... И вернется!

Онъ ласково взялъ ее за руку.

-- Правда? Вернешься?

-- Въ склепъ?-- рѣзко сказала она выраженіемъ письма.

Онъ возбужденно всталъ съ дивана.

-- Чего ты ищешь? Чего тебѣ надо?-- вскричалъ онъ:-- какой ты жизни хочешь? Такой жизни, какой не бываетъ? Того, чего нѣтъ? Да посмотри вокругъ! Всѣ-всѣ, всѣ такъ живутъ! Ты еще счастливѣе другихъ. Матвѣй человекъ умный... достойный! Онъ уже теперь въ слѣдователи избранъ! У него хо-орошая голова! Онъ, братъ, пробьетъ себѣ дорогу,-- да-а! И приходъ у васъ хорошій! И домъ -- полная чаша! Захотѣтъ тебѣ стоить, будетъ у васъ согласье, любовь, миръ,-- веселіе! Тебѣ на жизнь радоваться надо! А ты вотъ пишешь въ письмѣ... Зачѣмъ такія слова? Зря! Зря!

Разсуждая руками, онъ ходилъ по комнатѣ.

-- Погляди... всѣ мы живемъ! Не всегда сладко, конечно, не всегда ужъ такъ вотъ, загонъ къ загону, чудесно! То же и мысли, и горести... и неудачи! И тоска... Все бываетъ! А живемъ! Она вся, жизнь-то, такая! Развѣ нами установлено? Мы... что? Мы, волю впряженные... тянемъ! И всѣ вокругъ тянутъ сію колесницу, ей

же имя жизнь! И терпимъ... что подѣлаешь. Не нами положено! Сверху это, отъ Бога! Ежели и тяжко... терпи! Удѣлъ человѣка на землѣ -- терпѣніе. Не такъ ли? А ты вотъ... рвешься куда-то! Куда? Чего тебѣ надо? Чего ты ищешь? Оттого и тоска у тебя... Невѣдомо чего хочешь! Кровь у тебя горячая... мечтательница ты, вотъ что!

Пока онъ говорилъ, она слушала его съ какимъ-то покорнымъ видомъ безсилія, уронивъ руки на колѣни. И мало-по-малу то горькое, что таилось въ складкахъ губъ ея, разлилось по лицу, точно отблескъ сѣраго, угрюмаго дня.

-- Мечтательница!-- тихо усмѣхнулась она: -- такъ чего же ты хочешь отъ меня? Ну, вотъ... вернусь я... буду шерсть собирать, ссориться съ работницами, буду куръ щупать, буду яйца считать, къ попадьямъ на тройкахъ ѣздить, сплетничать съ ними... величаться передъ ними модной шляпкой, шелковой юбкой. Буду на фортепьяно по цѣлымъ днямъ Штрауса играть... ну... А потомъ что?

Онъ молча смотрѣлъ на нее, удивляясь такой картинѣ жизни.

-- Пересчитаю всѣ яйца, перещупаю всѣхъ куръ... переиграю всѣ вальсы... А потомъ что? Неужели такъ всю жизнь?! Годъ за годомъ?! Вотъ старѣть буду... морщины по лицу пойдутъ, глаза будутъ тухнуть... Очки куплю, и все буду куръ щупать, яйца считать... играть вальсы... на тройкахъ ѣздить...

Онъ молчалъ, самъ подавленный такою перспективой, ане находя словъ, и не умѣя ихъ найти.

-- Дѣти будутъ!-- сказалъ онъ.

Она вскочила съ дивана съ испуганнымъ лицомъ и страстно вскричала:

-- Нѣтъ, нѣтъ! Не дай Богъ!! Не надо!!

И такъ ясенъ, такъ понятенъ былъ ему этотъ ужасъ ея, что онъ молчалъ.

Еще взволнованная своимъ порывомъ, захваченная потокомъ мыслей, забившихся въ головѣ ея отъ этого таинственнаго и страшнаго слова "дѣти", она прошлась по комнатѣ, съ руками за спиной, съ растеряннымъ лицомъ.

-- Не надо, не надо!-- повторяла она:-- избави Богъ! Я и то боюсь, страшно боюсь этого! Зачѣмъ мнѣ дѣти? Что я имъ дамъ? Когда въ каждомъ словѣ своемъ буду видѣть обманъ? Нѣтъ, нѣтъ... И ужъ меня они безнадежно навѣки вѣчные свяжутъ...

Она нервно сжалась.

Всѣ черты лица ея, недавно такъ возбужденно-задорнаго, приняли строгія очертанія, какія кладетъ только мысль, упорно гонимая, но настойчивая.

Она подняла съ полу свой окурокъ.

-- Я, какъ окурокъ этотъ!-- сказала она, жалко улыбаясь.-- Выкурилъ меня кто-то... и бросилъ! Въ сорную яму! Да если я человѣкъ, а не окурокъ? Если я понимаю, что въ сорной ямѣ лежу? Вотъ начини этотъ окурекъ порохомъ, зажги его... вспыхнетъ, полетитъ невѣдомо куда... такъ и я!

О. Иванъ поднялъ голову.

-- Что ты хочешь сказать этимъ?

Она опять опустила на диванъ, смотря за окно съ тоскою на лицѣ.

-- Я понимаю, что я... въ сорной ямѣ! И дѣваться некуда мнѣ... Вотъ я переполнилась отчаяніемъ, схватилась, написала письмо... ушла! И солнце сверкало, и день былъ ясенъ! А вотъ пришелъ ты и говоришь: нѣтъ солнца, нѣтъ дня! И я не знаю, что отвѣтить тебѣ! Приѣхала въ городъ... точно изъ одной ямы легла въ другую. Ну что я здѣсь? Зачѣмъ я? Нужна я кому? Ну, вотъ я выйду на улицу... а тамъ что? Куда я, такая маленькая, такая ничтожная, пойду? Что сдѣлаю?! И потомъ вся эта обстановка. Она въ дѣтствѣ мнѣ милой казалась! А теперь гнететъ меня! Точно прутья какіе... смотришь изъ-за нихъ на свѣтъ Божій... и ни шагу! Ушла я отъ этого... и никуда не пришла!

Она, вдругъ крѣпко сжавъ руки, вскричала, обернувшись къ нему:

-- Да развѣ я сама-то, сама не знаю, что мнѣ некуда дѣваться!

О. Иванъ не смотрѣлъ на нее.

-- Такъ, стало-быть... вернешься?-- медленно спросилъ онъ.

Онъ ужъ съ унылымъ видомъ ждалъ отвѣта, точно тайно страшась его.

За окномъ слышались голоса.

-- Папа идетъ!-- сказала Павлинька:-- кто бы это съ нимъ? Какая-то женщина.

О. Иванъ выглянулъ въ окно.

И опять поразила его пустынность глинорызтнаго поля. Гигантскими гробами чернѣли длинные, пустые сараи; точно могилы для нихъ темнѣли ямы. За ними вытягивались кверху фабричныя трубы, какъ грозящіе пальцы. Много разъ видѣлъ о. Иванъ эту картину, но полною жизни, когда трубы извергали дымъ и копоть, а подъ крышами сараевъ и по полю копошились черные люди, среди гари, осѣдавшей на нихъ изъ огромной печи, гдѣ обжигались кирпичи; въ то время, какъ отъ завода доносились звуки, напоминавшіе вздрагиванія цѣпи. Ему почудилась бродящею по этому безлюдью удаловская хозяйка.

-- Отчего здѣсь такая пустынность? -- спросилъ онъ.

-- Стачка у рабочихъ,-- отвѣчала Павлинька, уходя навстрѣчу отцу.

Въ комнату вошелъ Перехватовъ, съ нимъ молодая дѣвушка.

Средняго роста, сутулый отъ долгаго сидѣнья на казенныхъ стульяхъ, Перехватовъ имѣлъ степенный и солидный видъ пожилого чиновника въ отставку. Лицо его походило на изсохшій пергаментъ стариннаго "отношенія", глаза смотрѣли какъ полустертыя буквы.

-- Какую я гостью-то хорошую привелъ, Павочка!-- Знакомьтесь-ка! Купеческая дочка! Широкозадова, Александра Порфирьевна! Аристократка чистой крови...

Онъ сказалъ это съ легкимъ подбострастіемъ и тотчасъ обернулся къ о. Ивану.

Александра Порфирьевна здоровалась съ Павлинькой...

-- Не вѣрьте! Я -- демократка,-- говорила она съ улыбкой.

Въ темномъ коричнеюмъ платьѣ, плотно облегавшемъ ея высокую, стройную фигуру съ немного гордо посаженной головой, въ соломенной шляпкѣ безъ украшеній, она просто здоровалась, просто говорила, прямо смотря въ глаза своими большими, спокойными, темными широкозадовскими глазами, мутнѣвшими, когда она задумывалась. При разговорѣ въ нихъ блестѣлъ умъ и спокойная увѣренность.

-- Это у меня изъ гимназическаго платья передѣлано!-- сказала она на безмолвный вопросъ Павлиньки, заинтересовавшейся матеріей.

-- Вы въ здѣшной гимназіи учились?

-- Да. А вы?

Павлинька зарумянилась.

-- Я только четыре класса кончила...

-- Что же это вы?

-- Непріятности вышли... Изъ-за дѣвочки одной, еврейки... Дезорцевой. Ухитрилась я самой директрисѣ наругать..

-- Пойдите! -- встrepенулась Александра Порфирьевна.-- Я съ Дезорцевой подруга! Она на годъ раньше кончила. Такъ это она о васъ вспоминала столько разъ! "Притѣснять ребенка изъ-за того только, что онъ не нашего племени... подло!" -- Какъ это было хорошо сказано!

Павлинька растроганно и благодарно посмотрѣла на собесѣдницу.

-- Неужели это я сказала? Господи! Какъ это давно было.

И, проникаясь доверіемъ, она спросила:

-- Что же вы теперь думаете дѣлать? Неужели замужъ... такая молоденькая?

-- Во-первыхъ, я не молоденькая! -- сказала Александра Порфирьевна:-- васъ обманываетъ моя наружность. Мнѣ уже двадцать два года, а я еще ничего не знаю.

-- Что же вы хотите знать?

-- Ахъ, мало ли нужно знать! Хочу знать жизнь, изучить ее, подготовиться къ ней, чтобы исправлять и творить ее сознательно! Хочу быть полезнымъ членомъ общества, того новаго общества, которое нарождается въ міръ. А для этого нужно знать много, учиться надо! По осени поѣду въ Петербургъ, въ институтъ. Если не удастся туда попасть, за границу уѣду.

Павлинька пристально смотрѣла на нее.

-- И васъ отецъ пускаетъ?

Александра Порфирьевна помолчала.

-- Нѣтъ. Не пускаетъ.

-- Такъ какъ же вы?

-- Все равно уѣду!-- сказала она и быстро спросила:-- а вы... чѣмъ занимаетесь?

-- Чѣмъ я занимаюсь? -- смущенно засмѣялась Павлинька:-- да я... просто замужемъ... за священникомъ.

Александра Порфирьевна слегка нахмурилась и мелькомъ взглянула на о. Ивана.

-- Я не люблю,-- сказала она,-- священниковъ. Они служатъ злу!

Павлинька вспыхнула и посмотрѣла на нее удивленными глазами, что-то хотѣла спросить, но въ это время Перехватовъ сказалъ ей:

-- Павочка!-- а ты угостишь насъ чайкомъ?

-- Сейчасъ.

Она вышла въ столовую... Перехватовъ продолжалъ говорить, обращаясь теперь и къ Александрѣ Порфирьевнѣ.

-- Старичку скучно одному. Старичекъ и говорить себѣ: поступлю-ка въ заводскую контору, къ Удалову... цифирь дѣло знакомое! Слава Господу Богу,-- тридцать пять годиковъ въ казенной палатѣ за цифирью сидѣлъ, даже скучно безъ нея! Ходишь ли, говоришь ли, а все цифирь передъ тобою... И даже, стариковское дѣло, не спится иной разъ ночью,-- такъ что бы вы думали, сударь мой? Такъ она, цифирь-то передъ глазами и мельтешить!

-- Привычка -- святое дѣло!-- почему-то въ октаву сказалъ о. Иванъ, смущаясь подъ внимательнымъ и, какъ ему казалось, враждебнымъ взоромъ Александры Порфирьевны.

-- Да-съ, привычка-съ!-- горячился Перехватовъ:-- когда такъ вотъ, въ теплѣ да въ уютѣ, тридцать пять годиковъ просидишь... А тутъ третій мѣсяцъ служу,-- и уже второе противозаконіе переживаю! Не привыкъ-съ я къ нынѣшнему народу, сударь мой... Да и привыкать не желаю... старь-съ! Во-первыхъ, самъ Удаловъ, между нами сказать, баринъ мой, мужланъ-съ! Тутъ стачка-съ, сударь мой, тутъ нужна хозяйственная власть-съ, а онъ вторую недѣлю на запойной линіи состоитъ. Главноуправитель... изъ нѣмцевъ. Колбаса-съ! Колбаса-съ! Я ему говорю:-- тутъ говорю, Генрихъ Карловичъ, твердое хозяйское слово нужно... ласка-съ и убѣжденіе нужно, потому люди вправѣ себѣ прибавки требовать, и слѣдуетъ ихъ въ нецѣлесообразности сего убѣдить, отнюдь же не гайгакать! А онъ ужъ съ утра бочку пива выглохталъ...

Перехватовъ замоталъ руками и головой.

-- Откажусь, безпокойно-съ! Вотъ того и гляди сюда привалятъ! Въ казенной палатѣ -- рай-съ! Тамъ цифирь... спокойно! А тутъ люди-съ... и пребезпокойные люди-съ! А я старь-съ... старь-съ, сударь мой! Въ наше время, когда я домикъ этотъ себѣ воздвигалъ, тутъ этихъ трубъ еще не было... Прimitивная пустыньность распространялась... и было спокойно-съ, баринъ мой!

-- Спать было хорошо? -- улыбнулась Александра Порфирьевна.

-- Спать было великолѣпно! -- горячо подхватила Перехватова, хотя и удивившись немного странности вопроса.

Но о. Иванъ понялъ ее иначе и засмѣялся.

-- А вы, барышня,-- подсѣлъ онъ на диванъ,-- не Порфирія ли Власыча дочка?

Она слегка отодвинулась.

-- Да, я его дочь,-- поспѣшно сказала она:-- а я къ вамъ, Григорій Петровичъ, какъ разъ по поводу этихъ безпокойныхъ трубъ пришла. Собрали мы въ городѣ библіотеку для рабочихъ...

-- Вы съ папашей?

-- Нѣтъ, безъ папаши... Помѣщенія у насъ поблизости совершенно нѣтъ. На заводѣ нельзя, у рабочихъ неудобно. Вы бы могли выдавать книги, какъ изъ собственной библіотеки, потому что находитесь въ постоянномъ общеніи съ рабочими.

-- Осмѣлюсь спросить... А какъ вашъ папаша на это смотритъ?

Александра Порфирьевна сдѣлала комическую гримасу, взглянувъ на о. Ивана.

-- Почему въ этомъ домѣ меня все о папашѣ спрашиваютъ? Папаша, Григорій Петровичъ, самъ по себѣ, я сама по себѣ. Я не маленькая! Могу поступать самостоятельно. Мнѣ уже двадцать два года... Съ осени курсисткой буду!

-- И волосы острижете? -- добродушно улыбнулся о. Иванъ.

Александра Порфирьевна строго взглянула на него.

-- Какія у васъ пошлыя мысли!

Онъ вспыхнулъ, смущенно опустивъ голову.

-- Вонъ что-съ, вонъ что-съ! -- говорилъ въ безпокойствѣ Перехватова.-- Я, конечно... Но почему, осмѣлюсь спросить, вы ко мнѣ обратились?

-- Я много слышала о васъ отъ присяжнаго повѣреннаго Левандовскаго.

-- Ахъ, Павелъ Степанычъ... Ахъ, сударь мой... Какъ же, какъ же! Мы дружки съ нимъ! Такъ какъ же мнѣ съ вами быть? Вы меня врасплохъ захватили... Я, конечно, радъ... Но вѣдь нынче времена такія безпокойныя, а библіотека дѣло не шуточное... опасное!

-- Вы боитесь? Во-первыхъ, изъ собственной библіотеки вамъ никто не можетъ запретить выдавать книги, а во-вторыхъ, вы же не дорожите службой...

-- Матинька моя! Я старъ-съ... старъ-съ для вашихъ затѣй... Помилуйте! Да и что вамъ вздумалось хлопотать о такихъ вещахъ...

-- Папа! Чай готовъ! -- сказала изъ столовой Павлинька.

-- Ахъ, вотъ хорошо!-- обрадовался Перехватова: -- пожалуйста, господа.

-- До свиданья!-- встала Александра Порфирьевна.

-- Нѣтъ ужъ, это у насъ такъ не полагается... чайку откушайте! Прошу-съ, прошу-съ... не побрезгуйте старикомъ! Помилуйте! Дочка Порфирія Власовича... Я радъ, я весьма радъ видѣть васъ въ домѣ своемъ...

И, пропуская ее въ столовую, онъ говорилъ отцу Ивану, но такъ, что это слышала и Александра Порфирьевна:

-- Широкозадовская кровь! Они всѣ такіе, Широкозадовы, баринъ мой... кремнисъ!

Въ уютной столовой, полной цвѣтовъ, а по стѣнамъ портретовъ и олеографій въ цвѣтныхъ и золоченыхъ рамкахъ,-- когда всѣ усѣлись за столъ, и Павлинька разлила чай, она близко подсѣла къ Александрѣ Порфирьевне и сказала ей, улыбаясь:

-- Вы мнѣ очень нравитесь!

Та серьезно посмотрѣла ей въ глаза.

-- Вы мнѣ тоже!

-- Расскажите ка мнѣ о Дезорцевой, гдѣ она, что съ нею? Она вѣдь тогда была маленькая, въ приготовительномъ классѣ, чуть помню ее: кудряшка такая, глаза -- миндалины... Вся тоненькая... Я ее ужасно любила! А выговоръ былъ у ней... потѣшный! Бывало подойдетъ ко мнѣ: "не хотители пи-г-ошка?" А я хохочу и цѣлую ее... смѣ-ѣшная! До директрисы дошло о нашей дружбѣ, призвала меня: "вы дочь хорошихъ родителей, христіанка... вамъ быть въ дружбѣ съ еврейкой предосудительно".

-- Какая подлость!-- вскричала Александра Порфирьевна, заалѣвъ.-- Какое право имѣютъ эти ханжи и тупицы презирать національность, которая дала міру лучшихъ людей! Всѣ эти Спинозы, Лассали, Марксы, всѣ, кто двинулъ впередъ общественность, науку, искусство, кто страстно боролся за идеалы... евреи. Они дали міру потрясающія сердца идеи, они влили и продолжаютъ вливать въ міровой оборотъ волны энергіи! И кто больше нихъ вынесъ несправедливостей изъ-за какой-то легенды, историческаго фантома, созданнаго мрачнымъ прошлымъ! Нѣтъ, нужно обладать умомъ, темнымъ какъ ночь, сердцемъ тверже камня, чтобы относиться къ евреямъ такъ, какъ эти самодовольныя тупицы! А вѣдь они несутъ свою ненависть на улицу, дѣлаютъ жизнь евреевъ невыносимою, травятъ ихъ, создаютъ анти-еврейскую политику съ погромами и убійствами! Сколько еще нужно работать, чтобы искоренить въ человѣкѣ звѣря, тупого, самодовольнаго!

-- А это можно?-- сказала Павлинька, жадно слушавшая ее:-- уничтожить въ человѣкѣ звѣря?

-- Вся исторія ведетъ къ тому,-- уже спокойно и твердо сказала Александра Порфирьевна:-- все человѣческое культивируется, со всѣми звѣрскими пережитками старины, вплоть до общественныхъ и государственныхъ,-- идетъ упорный бой!

-- Гдѣ?-- наивно подняла Павлинька брови.

-- Вездѣ!-- разсмѣялась Александра Порфирьевна:-- оглянитесь вокругъ внимательно. Развѣ вы не слышите, какъ вокругъ васъ творится исторія?

Она поймала недоумѣвающій взглядъ о. Ивана и сердито поведя бровями, отвела глаза.

-- У стараго міра -- сказала она,-- много защитниковъ. Но побѣдятъ тѣ, кто отрѣшился отъ него!

-- Нѣтъ, я вамъ вотъ что скажу, сударь мой, кому только богатства въ руки достаются! Кому, баринъ мой?-- ораторствовалъ Перехватовъ:-- Удаловъ старикъ сопьется, это несомнѣнно... Да уже и спился! Несчастная супруга его... уже ей ничего въ сей юдоли не требуется: мертвой себя почитаетъ еще въ живѣ-сь... А дѣтки? Это коллекція-сь, баринъ мой! Зоологическая коллекція-сь... Старшую дочь изволите знать? Аглаю? Брюнетка, воронова крыла, умопомрачительной пышности! Всѣ офицеры ее близко знаютъ. Кто на тройкахъ скачетъ? Аглаюшка-сь! Кто съ мужемъ судится? Аглаюшка! А разъ, сударь, случай былъ -- въ участкѣ ночевала... утромъ только разобрали, что за птицу заперли! Да-сь... А сынокъ старшій? Слышали случай? Въ ресторанѣ съ компаніей... спрашиваетъ сколько стоитъ фортепьяно? Полторы тысячи! Получай! И что бы вы думали, сударь мой? Открылъ крышку при всей компаніи, сѣлъ на него и...

Перехватовъ нагнулся къ о. Ивану и сказалъ ему что-то на ухо, смѣясь.

-- Какое... недоумѣніе!-- покачалъ о. Иванъ головою.

-- Кругосвѣтное-сь, баринъ мой! И, кромѣ того, человѣкъ... въ язвѣ съ дѣтскихъ лѣтъ... очевидно, отъ родителя! Только вотъ младшій сынокъ у нихъ... какъ будто и не въ родѣ! Милый, говорятъ, человѣкъ... и съ научностью... въ университетѣ кончаетъ. А тоже, сударь мой... ненадежный... больной-сь!

Тутъ Перехватовъ съ любезностью обратился къ Александрѣ Порфирьевнѣ:

-- О чемъ изволите секретничать съ моей дочкой?

-- Рассказываю, какъ насъ въ политической неблагонадежности разъ обвинили!-- улыбаясь сказала Александра Порфирьевна.

-- Вонъ что-сь!-- насторожился Перехватовъ.

-- Я тогда въ пятомъ классѣ была. Мы собирались, нѣсколько подружекъ, на зарѣченскомъ мосту вечерами и пѣли. На насъ и донесли директрисѣ, что мы революціонныя пѣсни поемъ. И знаете, что мы пѣли?

Она комически пропѣла, покачивая въ тактъ головой:

-- Тор-р-еа-доръ... смѣ-лѣе въ бой!!

Она опять обратилась къ Павлинькѣ.

-- Ахъ, счастливое было время! Какъ жаль, что вы не учились вмѣстѣ! Мы тогда вздумали дѣвочекъ обучать. Я съ Дезорцевой... Подобралась компанія самыхъ отчаянныхъ дѣвицъ! Распредѣлили городъ между собой, сдѣлали сборъ по богатымъ... Ну, кто же гимназисткѣ откажетъ? Не правда ли? Много денегъ собрали. Забрались въ самыя трущобы, къ рабочимъ, къ прачкамъ, къ сапожникамъ... Конечно, прежде всего всю эту бѣдную дѣтвору умыли, одѣли, причесали. Шьемъ цѣлыми ночами, моемъ, кроимъ, гладимъ! Потомъ и учить принялись. Все Зарѣчье въ школу превратилось! Ребятишки, какъ херувимчики, ждутъ насъ на улицахъ... А мы это съ важными лицами, скорымъ шажкомъ...

-- Ну, и, конечно, объ этомъ начальство узнало?-- спросилъ Перехватовъ.

У Александры Порфирьевны стало строгое лицо.

-- Конечно!

Самоваръ тихо шумѣлъ.

Въ окно смотрѣла пустынность глинорытнаго поля. Гдѣ-то слышались голоса и топотъ многочисленныхъ ногъ.

-- Ну, я такъ и зналъ!-- схватился за голову Перехватовъ.

Онъ вскочилъ со стула, подбѣжалъ къ окну, выглянулъ въ него.

-- Они! Они!!

За окномъ съ шумнымъ говоромъ шла толпа рабочихъ.

Вслѣдъ за тѣмъ прозвучалъ звонокъ, рѣзко и звонко.

Перехватовъ, а за нимъ и всѣ поспѣшно направились на крыльцо.

-- Мнѣ понравилось, что вы давеча про евреевъ говорили!-- сказалъ въ сѣняхъ о. Иванъ Александръ Порфирьевнѣ.-- Только вы про Христа забыли... Тоже -- еврей!

Она внимательно, но уже мягко посмотрѣла на него.

-- А что отъ Христа осталось?-- сказала она.-- Только священники!

VI.

Рабочихъ было человекъ сорокъ.

Тутъ были глинорои, пропыленные красной пылью до рыжаго цвѣта лица, волосъ и одежды. Чернѣли слесаря, точно выработанные изъ желѣза. Желтая грязь комками засохла на кирпичникахъ. Между нихъ терялись сѣрые, какъ куски щебня, каменоломы. Болѣе чисто были одѣты только фабричные. Но и на нихъ отложилось копотью и румянцемъ сосѣдство огнедышащихъ печей. Впередъ выдвинулось двое.

Одинъ высокій, немного согнувшійся, топорный, еще молодой, но съ очень серьезнымъ бритымъ лицомъ, на которомъ небольшіе усы только оттѣняли рѣзкость губъ и выдавагося подбородка. У него были острые глаза; длинными, крѣпкими руками при разговорѣ онъ точно поднималъ что тяжелое. Рабочіе его звали "Ляксанычъ", сокращенное отъ "Алексѣй Ивановичъ". Его товарищъ походилъ на комокъ глинны, вставшій изъ нѣдръ глинорытнаго поля и глянувшій на міръ изъподъ сумрачныхъ бровей любопытнымъ и пронзительнымъ взглядомъ. Но видно было, что въ борьбѣ съ жизнью этотъ комокъ глины скрѣпъ, закалился въ пламени печей и сталъ желѣзнымъ. Голова его, поросшая жесткимъ рыжимъ волосомъ, слегка

ушла въ широкія плечи, точно онъ постоянно, но гордо выжидалъ откуда-то удара, и потому лицо у него, сорокалѣтнее, слегка припухшее, съ жесткой рыжей бородкой, было выжидательное и злое.

-- Мы къ тебѣ, Григорій Петровичъ,-- заговорилъ онъ, точно загудѣлъ въ пустую бочку:-- ты одинъ тутъ разумный человѣкъ у нихъ... какъ будто еще не спохабился! Съ тобой хоть говорить можно по-человѣчески, безъ лаю. Товарищи и говорятъ: пойдемъ къ старику Перехватову.

-- Что же вамъ, барины мои, надо отъ меня?

-- Сдѣлай милость, будь посредникомъ!-- зашумѣли голоса:-- намеднись тебѣ удалось какъ-то уломать Мухобеля! Кто тебя знаетъ, какъ тебѣ это удалось.

-- Какого Мухобеля?

-- Генриха-то!-- засмѣялись рабочіе:-- это мы его промежъ себя такъ величаемъ. Ляксанычъ придумалъ.

-- Мухобель и есть!-- улыбнулся Ляксанычъ:-- пивная душа! Продался Удалову за пивную бочку. Тысячи получаетъ! Да вѣдь и намъ не съ голоду помирать, Григорій Петровичъ! У каждого семья... Вотъ у Потапова,-- шестеро.

-- Шестеро, это точно!-- загудѣлъ Потаповъ:-- надо ихъ воспитать... учить ихъ надо! А они при заводѣ и школы не завели! Смотрятъ какъ на звѣрей...

Потаповъ сердито крутилъ головой.

-- Нѣ-ѣтъ, зачѣмъ же... мы давно не звѣри! Это, что мы черную работу справляемъ, ничего: на черной работѣ мѣръ держится! Золото свѣтло блеститъ въ богатыхъ хоромахъ, да безъ насъ не блестяло бы оно, а въ землѣ лежало...

-- Вѣрная мысль!-- улыбнулся о. Иванъ Александръ Порфирьевнѣ.

-- Такъ пусть отъ того золота на нашихъ рукахъ хоть крупинки остаются, чтобы могли мы по-человѣчески жить да дѣтей своихъ воспитывать, чтобы людьми они вышли и правды своей добились.

-- Какой правды нужно вамъ?-- безпокойно потиралъ руки Перехватовъ.

-- Земной, человѣческой правды!-- вскричалъ Ляксанычъ:-- развѣ справедливо, что у однихъ есть все, а у другихъ ничего? Намъ говорятъ -- правда на небѣ! Нѣтъ, она на землѣ, только... спрятана!

-- Ну ты, баринъ мой, не очень,-- пугался Перехватовъ:-- за такія рѣчи... не похвалятъ!

-- А за что насъ хвалятъ-то? Говорить о своемъ дѣлѣ нельзя, читать нельзя... скоро думать нельзя будетъ!

Онъ хмуро посмотрѣлъ на трубы завода, улыбавшіяся солнцу, и добавилъ:

-- Прошло время! Если человѣкъ научился отдѣлять добро отъ зла, какъ можетъ онъ идти на компромиссы...

-- Тяжело! Вообще тяжело! Ненормально,-- заговорилъ опять Потаповъ:-- и несправедливо... кругомъ все! Безъ прибавки намъ невозможно,-- ты и самъ видишь, Григорій Петровичъ. Время тяжелое; и работы и рабочихъ часовъ прибыло. На новыя казармы казенный подрядъ Удалову сданъ. Тоже и для желѣзнаго моста черезъ Поѣму весь матеріалъ на нашемъ заводѣ вырабатывается. Два часа накинули работы,-- а плата старая... Развѣ это справедливо? Къ тому же, на работу понаѣхало много всякаго народу,-- и рабочихъ, и подрядчиковъ, и инженеровъ... Все стало дороже,-- квартиры и продуктъ съѣстной... А плата старая. Развѣ это мыслимо?

Потаповъ замолчалъ.

-- Судари мои! -- заговорилъ Перехватовъ: -- когда я служилъ въ казенной палатѣ... Нѣтъ, вотъ что я вамъ скажу. Старъ я, старъ... откажусь я! Безпокойно мнѣ! Говорилъ я съ вашимъ нѣмцемъ, убѣждалъ его. А онъ гайгакаетъ:-- "Стачка! Нельзя потакать стачкѣ". Ну, я тамъ не знаю, стачка или что... Когда я служилъ въ казенной палатѣ...

-- Ну, что же нѣмецъ-то, что же?-- зашумѣли въ толпѣ.

-- Представилъ я ему резоны! Конечно,-- развѣ можно жить на то, что вы получаете! А у завода работа на

сотни тысяч идетъ! Я въ казенной палатѣ привыкъ къ цифири... и то у меня въ глазахъ рябитъ, какъ начну итоги подсчитывать... Ну,-- а только не просите меня больше... Даже закричалъ на меня нѣмецъ-то, и скажу вамъ по секрету:-- распорядился набрать съ толчка рабочихъ на кирпичную работу поденно.

-- Такъ?-- угрюмо сказалъ Потаповъ.

А Ляксанычъ вдругъ загорѣлся гнѣвомъ.

-- Когда такъ... всѣхъ поднимемъ!-- сдѣлалъ онъ руками жестъ, будто вырываетъ изъ земли что тяжелое.

-- У нихъ нѣтъ на это права!-- кричали рабочіе:-- мы годами работаемъ, мы съ семьями осѣли тутъ! Развѣ они думаютъ насъ на улицу выкинуть?

-- Поглядимъ еще!-- сказалъ Потаповъ, весь взъерошившись и оцетинившись:-- Они насъ хотятъ до крутого довести? Пускай попробуютъ! На силу силой придется отвѣчать,-- а кто сильнѣе, то еще невѣдомо!

Ляксанычъ руками точно гимнастировалъ.

-- Всѣхъ поднимемъ!-- кричалъ онъ:-- И шилороевскихъ, и нейманскихъ... Въ обиду не дадимся!

Онъ обернулся

-- Товарищи! Айда къ заводу!

-- Айда!!

Они обернулись въ ту сторону, гдѣ виднѣлись заводскія трубы. Солнце освѣщало ихъ рѣшительныя лица. О. Иванъ задумчиво наблюдалъ ихъ и какая-то неотвратимая сознательная сила чувствовалась ему въ нихъ.

-- Будемъ требовать самого Мухобеля!-- волновался Ляксанычъ.-- Пусть выйдетъ! А если въ споръ пойдетъ, н-ну... поспоримъ!

-- Прощайте, Григорій Петровичъ!-- кричали рабочіе.

-- Судари мои, не наглупите только! -- убѣждалъ Перехватовъ.

Они пошли, и что-то особенное, не стадное было въ ихъ походкѣ.

Нѣкоторые изъ рабочихъ оглянулись и, улыбаясь, кивали Александрѣ Порфирьевнѣ.

-- Прощайте, Александра Порфирьевна!

-- Прощайте, товарищи!-- отвѣчала она.

О. Иванъ и Перехватовъ съ удивленіемъ посмотрѣли на Широкозадову.

-- Однако, вы съ ними за панибрата!-- сказалъ Перехватовъ.

-- А какъ же мнѣ съ ними нужно? Это все знакомые...

Уходя, кто-то засвисталъ, кто-то запѣлъ пѣсню, ее подхватили.

Глинорытное поле на мигъ ожило.

Солнце съ яснаго неба обливало золотистымъ свѣтомъ черныя крыши сараевъ; трубы завода точно улыбались стороной, обращенной къ солнцу. Бродячая собака съ голодной мордой вышла на середину поля и завывала, прислушиваясь къ пѣснѣ, умиравшей за заводами.

-- Боюсь,-- говорилъ Перехватовъ,-- что добромъ это не кончится. Генрихъ не пойдетъ на уступки. И они тамъ совѣтъ какой-то собрали, говорятъ, хотятъ губернатору доложить...

Послѣ завтрака Александра Порфирьевна распрощалась: о. Иванъ и Павлинька собрались идти къ Рудометову.

Пошли вмѣстѣ пустынными улицами Зарѣчья.

-- Мнѣ ваша жена ужасно нравится! -- сказала о. Ивану Александра Порфирьевна.

-- Вы ее откуда знаете?-- удивился о. Иванъ.

-- Какъ откуда?-- въ свою очередь удивилась Александра Порфирьевна, смотря то на Павлиньку, то на о.

Ивана.

Павлинька расхохоталась, о. Иванъ, не понимая отъ чего, страшно сконфузился. Александра Порфирьевна поняла свою ошибку.

-- Я вѣдь думала, Павла Григорьевна жена ваша,-- засмѣялась она.

-- Почему вы это думали?

-- Да она мнѣ сказала, что ея мужъ священникъ. Къ тому же, вы все время глазъ съ нея не спускали.

Павла Григорьевна коснулась его локтя и со страннымъ смѣхомъ заглянула въ лицо ему:

-- Правда?-- сказала она лукаво.

-- Скажите!-- протянулъ о. Иванъ, закашлявшись:-- а я этого и... не замѣтилъ! Однако вы, Александра Порфирьевна... ядовитая!

-- Да ужъ я такая! Знаете, я вообще священниковъ не долюбиваю! По моему порядочный человекъ въ священники не пойдетъ...

-- Ого! Строго! Но пристрастно...

-- Присутствующіе исключаются.

-- Это дѣла не измѣняетъ!

-- Я васъ, кажется, опять задѣла. Не обижайтесь, голубчикъ.

-- Ничего, ничего, голубушка... жарьте! У меня спина крутая, все вынесетъ, хоть я и непорядочный человекъ...

Александра Порфирьевна засмѣялась.

-- Чему же вы смѣетесь?

-- Тому, что вы обидѣлись. Это я люблю. Только хорошіе люди способны обижаться!

-- Недурная логика!

-- Съ тѣмъ, кто мнѣ не нравится, я всегда крутая. А вы мнѣ давеча не понравились...

-- А теперь?

Она лукаво смѣялась.

-- Теперь вы какъ-будто ничего себѣ... Я къ вамъ чувствую симпатію... какъ къ человеку.

-- И на томъ спасибо!

За мостомъ, въ полугорѣ, показался домъ старика Широкозадова. Передъ нимъ былъ небольшой палисадъ съ старинными неуклюжими деревьями, царапавшими окна и дававшими массу тѣни. Изъ зелени глядѣлъ длинный низкій фасадъ дома, вросшій въ землю, окрашенный въ синюю краску, мѣстами слинявшую, съ огромными темными окнами, лишенными занавѣсокъ, отчего домъ казался необитаемымъ. У воротъ Александра Порфирьевна сказала:

-- Знаете? Зайдемте къ дѣдушкѣ! Дѣдушка будетъ страшно радъ! У него почти никто не бываетъ, а раньше онъ широко жилъ...

О. Иванъ взглянулъ на Павлиньку.

-- Съ удовольствіемъ, не надолго можно.

Они вошли на запущенный дворъ, поросшій травой, съ обширными каретниками и конюшнями, на видъ пустыми. И внутри домъ казался нежилымъ. Отъ обширной залы вѣяло холодомъ. Старая мебель въ чехлахъ, казалось, зябла. Зеркала какъ-то пугливо глядѣли изъ простѣнковъ. Большой паукъ быстро взбирался къ потолку по тонкой паутинѣ. И въ гостиной стояла тяжелая, старинная, сумрачная мебель, висѣла люстра, которую давно не зажигали. Въ окна тихо царапали вѣтви деревьевъ, оттѣняя тишину и пустынность. Доска скрипнула подъ осторожными шагами посѣтителей. Жуткое чувство охватило Павлу Григорьевну, и она

неволью взяла подь руку о. Ивана...

-- Что ты?-- прошепталь онь.

-- Какъ странно! Точно умерь кто тутъ...

Александра Порфирьевна отворила тяжелую, хмуро скрипнувшую дверь. Они очутились въ комнатѣ, которая показалаcя имъ жилой только послѣ пустынности пройденныхъ комнатъ. Это была спальная старика Широкозадова. Тутъ былъ стихійный безпорядокъ. Точно изъ всѣхъ комнатъ снесли сюда все ненужное, свалили въ кучи, развѣсили какъ придется по стѣнамъ. Вплотную стояли кресла, стулья, пугавшіе своей ветхостью; ломберный столъ съ картами и мѣлками, столикъ-шашечница мѣшали пройти; огромный письменный столъ былъ близко придвинуть къ кровати, очень низкой и широкой, напоминавшей софу и, повидимому, никогда не убиравшейся. По стѣнамъ висѣли выцвѣтшія фотографіи, масляные портреты благообразныхъ старцевъ купческаго типа. Какой-то архіерей строго глядѣлъ, какъ живой, изъ-за халатовъ, рубахъ, сюртуковъ, развѣшенныхъ по стѣнамъ. На кровати сидѣлъ въ потертомъ мягкомъ бухарскомъ халатѣ сѣдой, сморщенный старикъ и весь дрожаль какъ отъ холода, хотя здѣсь въ пыльные окна, полузанавѣшенная, глядѣло яркое солнце. Шея у него была худая, точно вытянутая; сморщенное лицо съ сѣдой бородкой казалось острымъ, быть можетъ потому, что съ него смотрѣли острые, холодные, умные ядовито-насмѣшливые глаза, съ тѣмъ мутнымъ осадкомъ въ глубинѣ ихъ, которымъ отличались всѣ Широкозадовы. Онъ былъ чѣмъ-то возбужденъ и дрожащими руками безпорядочно поправлялъ на груди халатъ.

-- Во-время гости, что голодному кости! -- заговориль онь.

Голось у него былъ высокій, съ властными нотами.

-- А не во-время гость...-- началъ о. Ивань.

-- Сытому десертъ! -- засмѣялся старикъ, сверля о. Ивана и Павлинку пронизательнымъ, точно прыгающимъ взглядомъ:-- не знаю, святой отецъ, ни васъ, ни вашей матушки... Но навѣрно люди хорошіе! Хе-хе! Сашокъ ко мнѣ только хоорошихъ людей приводитъ. Садитесь, милости просимъ... Спасибо, что посѣтили старика! Старикъ Широкозадовъ нонче не въ чести... ослабъ, отоцаль старикъ Широкозадовъ! Шемелой его! Нынче все крупные люди пошли... Помѣ-ѣ-щики... Землевла-дѣль-цы... фабри-ка-нты...

Онъ закашлялся отъ непонятнаго о.Ивану негодованія.

Тутъ изъ темнаго угла поднялась, точно черная тѣнь, неуклюжая широкая фигура Порфирія Широкозадова. Онъ мутнымъ взглядомъ смотрѣлъ на гостей, и лицо его ничего не выражало. Здороваясь, онъ протянулъ каждому свою толстую, пухлую руку съ короткими пальцами, странно холодную, и проговориль, обращаясь къ отцу:

-- Прохладитесь, тятенька, съ гостями-то... Поговоримъ послѣ.

Тяжелымъ шагомъ своимъ, отъ котораго прыгала мебель и даже пошевелился архіерей на стѣнѣ, Широкозадовъ вышелъ изъ спальни. И по отдаленнымъ комнатамъ слышались его грузные шаги, точно тамъ ходиль средневѣковой рыцарь въ полномъ вооруженіи.

Старикъ проводиль его взглядомъ ненависти.

Видимо, каждое слово сына выводило его изъ себя.

-- И чего онъ стучить, чего онъ стучить!-- трясся старикъ:-- гробъ мнѣ сколачиваетъ?!

-- Такая походка, дѣдушка. Вы не волнуйтесь! -- сказала Александра Порфирьевна, садясь съ нимъ рядомъ и тихо беря его за руку.

Она поцѣловала ему руку.

Старикъ сразу успокоился, и глаза его загорѣлись веселымъ огнемъ.

-- Сашокъ! Сашокъ! -- говориль онъ: -- все изъ-за тебя дѣдушка воуетъ.

-- Спасибо, дѣдушка, вы за меня горой! Я на васъ надѣюсь,-- говорила она ласково:-- небось, дѣдушка не выдастъ, я ужъ знаю!

Старикъ залился почти дѣтскимъ смѣхомъ.

-- Вотъ у меня внучка какая? -- выкинулъ онъ къ о. Ивану дрожащія, худыя руки, отчего распахнулся бухарскій халатъ, обнажая хрипло дышащую грудь:-- Золотая моя внучка! Вся въ меня! Дочка моя! Широкозадовская кровь... мужичья! Крутая да ласковая! Вѣдь мы, Широкозадовы, изъ лапотниковъ... Умомъ въ люди вышли... а не нахрапомъ! Вотъ посмотрите-ка... на портретъ-то!

Старикъ указывалъ на большой масляный портретъ, изображавшій суроваго крестьянина съ рѣзкимъ, умнымъ лицомъ и характернымъ темнымъ взглядомъ.

-- Землепашецъ-съ... родитель мой! Вотъ какъ! Я отъ родни не отказываюсь, не стыжусь низости происхожденія моего! Ибо какой человѣкъ отъ Господа Бога рожденъ сиволапымъ? И дворяне, и купцы, и крестьяне... изъ единой глины-съ! Умъ... вотъ главное! Умомъ человѣкъ отъ человѣка отличіе имѣеть... а еще душою! И у котораго человѣка душа широкая, чистая и умъ острый -- тотъ воистину князь и дворянинъ, хотя бы и былъ онъ по рожденію сиволапымъ...

Старикъ опять волновался, вытягивая худую шею.

-- А вотъ хотя Порфирій и сынъ мой... не люблю!

-- А меня любите, дѣдушка?-- спросила Александра Порфирьевна, чтобы отвлечь старика.

Старикъ взялъ ее ладонями за уши, притянулъ къ себѣ и почти благоговѣйно поцѣловалъ.

-- Ты моя единственная!-- говорилъ онъ растроганно: -- всѣ старика бросили... не любятъ старика! Ты одна... поняла меня! Поняла дѣдушку! Дѣдушка грѣшный человѣкъ... тать и преступникъ на землѣ сей... Но одно только дѣдушка знаетъ... Кровь и душу отдастъ за тебя!

У нея показались слезы на глазахъ.

-- Милый дѣдушка! Почему ты сегодня такъ волнуешься?

Старикъ не отвѣтилъ и насторожился.

-- Опять стучить! Опять стучить!

Изъ отдаленныхъ комнатъ наплывали шаги Широкозадова. Весь пустынный домъ, казалось, отзывался на нихъ, пугливо вздрагивая нежилымъ, холоднымъ нутромъ своимъ.

Дверь открылась, вошелъ Широкозадовъ.

-- Тятенька, я раздумалъ!-- заговорилъ онъ какимъ-то безразличнымъ голосомъ, не смотря ни на кого: -- мнѣ завтра ѣхать въ Богдановку, на ярмарку. Договоримъ сейчасъ до конца... Благо, здѣсь и Александра и вотъ батюшка... Батюшка тоже можетъ слово благоразумія сказать.

Онъ тяжело, сопя, опустился въ кресло, слегка разставивъ ноги и уронивъ на колѣни свои толстыя руки.

-- Александра! -- сказалъ онъ: -- ты свою затѣю не бросила?

-- Какую затѣю?-- взглянула она удивленно.

-- Въ Питеръ учиться ѣхать...

Лицо у нея стало строгое, упорные глаза помутнѣли, какъ у отца.

-- Я не измѣняю своихъ рѣшеній! -- сказала она сухо.

-- А если я... прикажу?!

-- Я совершеннолѣтняя, и могу поступать самостоятельно! У меня есть цѣль въ жизни, и ничто не заставитъ меня свернуть съ моего пути!

Широкозадовъ забилъ по колѣнямъ короткими пальцами.

-- А если я... прикажу?!-- упорно и грубо повторилъ онъ: -- мнѣ... наплевать на твое совершеннолѣтіе! Я отецъ! Я тебя воспиталъ... я отвѣчаю за тебя! Я знаю, что для тебя худо, и что хорошо! Смотри, дочь!.. Отецъ все видитъ! И такъ уже ты на худомъ пути...

-- Что же это за худой путь мой?

-- Знаю я... знаю! Каждый твой шагъ знаю! Зарѣчница! Думаешь, люди не замѣчаютъ, съ какою ты шушерой водишься! Мнѣ уже люди, власть имѣющіе, говорятъ... Конфузишь отца! Довольно!

Онъ притопнулъ ногой, отчего она вспыхнула.

-- Довольно!-- повторилъ онъ:-- кончила гимназію.. будетъ! Побаловалась! Для хорошей невѣсты этого довольно!

-- Для невѣсты?-- вскричала она:-- что это значить?

-- Удаловъ за сына сватаетъ! За старшаго сына. Удаловъ... коммерціи совѣтникъ! Фабрикантъ... Удаловъ... миллионеръ! Понимаешь?

Онъ сдѣлалъ руками жестъ, будто держалъ ими шаръ.

-- Это въ руки счастье идетъ... огромное счастье! Довольно, дочь... довольно глупостей! Этого счастья упускать нельзя! Первая партія въ губерніи! Мы... какъ на гору взойдемъ! Широкозадовыхъ рукой не достанешь! Ты еще глупа, не умѣешь разсуждать! Царицей будешь! Все ползать будетъ у твоихъ ногъ, потому-что въ деньгахъ сила... Огромная сила! Власть! И чѣмъ больше ихъ,-- тѣмъ больше власти! Огромной власти! У меня поль-уѣзда въ рукахъ... Все тебѣ оставляю! Золотымъ кругомъ сдавишь все, царить будешь! За умъ только возьми! Удаловъ -- первый промышленникъ! У него губернаторъ въ рукахъ... въ гостяхъ бываетъ... Министра принималъ!

Онъ охватывалъ руками какія-то воображаемая пространства.

-- Блескъ! Царицей будешь! Въ брилліантахъ вся! Ты! Широкозадова! Удаловъ! Милліонеръ!! У него прииски на Уралѣ, розсыпи: свои камни драгоценные! Купайся въ нихъ!!

Александра Порфирьевна всплеснула руками и страстно вскричала въ гнѣвъ:

-- Да вы это что же? Торговать мной задумали?!

И она невольнымъ жестомъ оперлась на плечо дѣдушки.

Тотъ зло и ядовито смѣялся.

-- Ничего, Сашокъ, ничего!-- говорилъ онъ:-- онъ идетъ прямо, какъ Широкозадовъ! Только онъ заплутался! Не впередъ идетъ, а назадъ... Навстрѣчу намъ! А потому, сынокъ, ужъ не обезсудь, мы съ тобой поборемся!

Онъ протягивалъ къ нему дрожащія руки.

-- Я съ вами, тятенька, бороться не желаю!-- опять глянулъ на него Широкозадовъ тяжелымъ взглядомъ:-- не къ лицу это намъ! Я васъ убѣдить хочу! Стары вы-съ... и какъ бы изъ ума выжили, не понимаете интереса своего! А не вы ли сами меня когда-то вотъ точно такъ же женили! Худо ли вышло?

-- Каюсь предъ Господомъ!-- сказалъ старикъ, опуская голову, правда, сынокъ!.. Заслужилъ упрекъ этотъ! Другой я тогда былъ... Не понималъ! Умъ почиталъ, а сердцемъ пренебрегалъ... Вотъ и убилъ я въ тебѣ сердце... Виноватъ я! Ты мною созданъ, коршунъ... только не дамъ я тебѣ Сашка! Не дамъ, коршунъ! Отъ нея у меня... умъ просвѣтлѣлъ! Сашокъ пойдетъ своею дорогой... у золотого сердца, у соколиного ума дорогъ плохихъ быть не можетъ...

-- Вы съ ума сошли, тятенька!-- всталъ Широкозадовъ.

Но старикъ уже кричалъ властнымъ широкозадовскимъ крикомъ:

-- Я такъ хочу!!

Широкозадовъ вспыхнулъ.

-- Такъ я же откажусь отъ нея! Лишу ее наслѣдства! Пусть, пусть идетъ... своей дорогой! Я знаю эти дороги! Это все Синайскій! Сынъ благочиннаго богдановскаго! Студенческія затѣи! Я знаю... Шуры-муры!

-- Какъ вамъ не стыдно говорить такъ! -- густо вспыхнула Александра Порфирьевна.-- Если я... если я люблю его! Я не хочу скрывать! Я не скрываю! Я же вамъ объявляю: онъ женихъ мой!

-- Вотъ, вотъ... вотъ!-- указывалъ на нее отцу пальцемъ Порфирій Власычъ; -- воспитали: пусть, пусть еще доучиваться ѣдетъ! Пусть! Только я повторяю: пусть не ждетъ ни копѣйки денегъ отъ меня на свои дурацкія затѣи!

-- Деньги, деньги!-- заговорила вдругъ быстро и порывисто Александра Порфирьевна: деньги! Ваши деньги! Мнѣ не надо вашихъ денегъ... оставьте ихъ себѣ! Не надо мнѣ! Буду въ труппѣ жить, сама прокормлю себя своимъ трудомъ! Не надо мнѣ вашихъ денегъ!

Широкозадовъ густо побагровѣлъ.

-- Да что мои деньги... воровскія, что ли!?

Тутъ всталъ на свои дрожащія ноги старикъ и, запахивая халатъ, заговорилъ зло и хрипло:

-- Денегъ не дашь? Не надо! У старика Широкозадова найдется еще копѣечка про черный день... Найдется, сынокъ! А твоихъ не надо! Воровскіе, спрашиваешь? Я честной коммерціей зарабатывалъ деньги, а твои деньги -- соки бѣдняковъ...

-- Не надо, дѣдушка, не надо!-- остановила его Александра Порфирьевна:-- не надо такъ говорить!

Широкозадовъ смотрѣлъ удивленными и точно сонными глазами. Какъ будто и отца, и дочь онъ видѣлъ первый разъ и не узнавалъ ихъ, и ихъ рѣчи казались ему чуждыми и странными. Точно весь извѣстный ему міръ перевернулся передъ нимъ; всѣ фигуры и очертанія въ немъ были не тѣ, какими онъ привыкъ ихъ видѣть. Онъ помолчалъ, смотря мутнымъ взглядомъ на плачущую дочь и на отца, что-то шарившаго по стѣнѣ дрожащими и невѣрными руками. Круто повернувшись, онъ вышелъ и хлопнулъ дверью. Опять его шаги пугали старый домъ своей тяжестью.

-- Стучи! Стучи!-- хрипѣлъ старикъ, нашаривая на стѣнѣ сюртукъ и уходя за ширмы.-- Сашокъ!-- говорилъ онъ оттуда:-- раскрой окно, крикни Гаврилъ лошадь запречь.

-- Куда вы хотите, дѣдушка?

-- Молчи! Молчи! Поѣдемъ вмѣстѣ... къ Рудометову. Молчи, Сашокъ.

Онъ вышелъ изъ-за ширмъ, до комизма странный, жалкій въ своихъ узкихъ черныхъ брюкахъ и длиннополомъ сюртукѣ. Онъ напоминалъ изсохшую отъ безкормицы дрофу. Сѣдая, маленькая голова его тряслась на худой и тонкой шеѣ.

Когда, по отъѣздѣ Широкозадовыхъ, о. Иванъ съ Павлинкой проходили мимо фасада дома, имъ на минуту мелькнуло сквозь пыльные окна лицо Широкозадова. Онъ проводилъ ихъ тупымъ и мутнымъ взглядомъ.

VII.

Кто не зналъ въ Старомірскѣ протоіерея Рудометова?

Массивный, съ грудью колесомъ, по которой, прикрывая ордена, распласталась густая, красивая, черная борода, съ рѣзкими чертами лица, съ выпуклыми черными глазами, онъ обладалъ при всемъ томъ медвѣжьимъ басомъ и рѣшительными манерами. Басъ его былъ поистинѣ великолѣпный!

Прихожане святодуховской церкви, приходя въ церковь въ недѣлю о. Рудометова, никогда не справлялись, кто служитъ: еще издали, съ паперти, слышны были изъ нѣдръ храма его, какъ бы изъ звѣриной клѣтки, воздыханія.

Рудометовъ былъ строгъ и настойчивъ. Считаая себя за общественнаго дѣятеля, онъ никогда не придавалъ цѣны чужому мнѣнію. Его проповѣди звучали всегда угрозой гибели. Адъ онъ умѣлъ рисовать такими красками и такъ подробно, точно лично обошелъ всѣ его закоулки и видѣлъ Сатану лицомъ къ лицу. Говорили, что онъ напоминаетъ Саванароллу. Онъ первый поднялъ вопросъ на духовномъ съѣздѣ о необходимости отбирать дѣтей у сектантовъ.

-- Отцы и бр-ратіе!-- гремѣлъ онъ на весь съѣздъ:-- если мы заключаемъ вора въ темницу, разбойника посылаемъ въ каторгу, прокаженнаго въ больницу, то какъ же подобало бы поступить съ сектантомъ,

который есть воръ, ибо отъемлетъ у ребенка благодать крещенія,-- разбойникъ, ибо убиваетъ его душу, прокаженный, ибо заражаетъ смрадомъ грѣха младенца! Но мы милосерды, какъ милосердъ Христосъ: оставляемъ на свободѣ преступника, ожидая его раскаянія, и лишь спасаемъ жертву его, ищищая изъ безднъ грѣха родительскаго и пррародительскаго...

Борода его трепетала на груди, и глаза горѣли.

-- Мы не полицейскіе!-- замѣтилъ кто-то изъ молодыхъ батюшекъ.

Но Рудометовъ не сдался.

-- Мы -- полицейскіе Бога вышняго!-- сказалъ онъ:-- ибо стражи храма его и охранители стада его!

При всемъ томъ Рудометовъ состоялъ крупнымъ пайщикомъ акціонернаго предпріятія по сбыту за границу джибаги и дубленыхъ кожъ "Пироговичъ и К°", почему мѣстные интеллигенты его звали:

-- Буржуа въ рясѣ!

Когда о. Иванъ съ Павлинкой вошли въ свѣтлую залу, прекрасно обставленную, съ пальмовидными растеніями у оконъ,-- портретами архіереевъ въ золоченыхъ рамахъ и зеркалами въ простѣнкахъ, тутъ господствовало оживленіе. Была именинница старшая дочь протоіерея, которая играла въ этотъ моментъ на піанино "Маршъ буровъ". Звуки піанино входили въ связь съ басовитымъ говоромъ духовныхъ и тѣми откашливаніями въ октаву, на которыя былъ способенъ только протодіаконъ Сѣверозападовъ, мужчина саженнаго роста, съ круглыми глазами и красной жилой на лбу отъ постоянного напряженія. Его чаще всего можно было видѣть у стола съ выпивкой, гдѣ соревновалъ ему соборный дьяконъ Антиливановъ, черный и тучный, старавшійся даже въ манерахъ подражать протодіакону. Для этого онъ откашливался въ октаву, прислушиваясь, не звякнетъ ли стекло, рюмку выбиралъ самую большую и, обводя присутствующихъ строгимъ взглядомъ, опрокидывалъ рюмку такъ, будто проглатывалъ. Съ нимъ чокались два иподіакона, его почитатели, очень похожіе другъ на друга, оба кудрявые, оба -- теноры, одинъ Павловскій, другой Петропавловскій. Они подмигивали другъ другу и напѣвали вполголоса передъ выпивкой:

Вотъ и рѣчка, вотъ и мостъ,--

Черезъ рѣчку перевозъ...

Кто бы рюмочку поднесъ,

Мы бы вы-ыпили!

-- Х-ха-а!-- сочувственно смѣялся протодьяконъ. И гдѣ-то ему отзывалось стекло.

Псаломщикъ Рудометовъ разглаживалъ горстью усы и говорилъ протодіакону:

-- А ну-ка и я такъ попробую!... Х-х-ха-а!!

Но у него не выходило.

По залѣ прохаживалось нѣсколько духовныхъ.

О. Матвѣй сидѣлъ вблизи піанино, дѣлая видъ, что прислушивается со вниманіемъ къ музыкѣ. Но лицо у него было озабоченное. Увидавъ о. Ивана съ Павлинкой, онъ расцвѣлъ и пошелъ къ нимъ навстрѣчу.

-- Ну, вотъ, получай свою попадью!-- сказалъ ему о. Иванъ.

И тотчасъ отошелъ въ сторону, наблюдая издали за супругами, вставшими къ окну, отмѣчая, что отецъ Матвѣй слишкомъ сильно жестикулируетъ, а лицо Павлинки слишкомъ холодно. И что-то неприятное шло у него по сердцу, когда онъ видѣлъ ихъ вмѣстѣ. Онъ принималъ это чувство за негодованіе на о. Матвѣя. "Не ему бы..." шепталъ онъ, не понимая точно смысла этого выраженія.

Близъ него разговаривали Чугунниковъ и Пироговичъ.

Чугунниковъ былъ апоплектического тѣлосложенія. Изъ рыжей бороды смотрѣло красное лицо съ отдувающимися щеками.

-- Ф-фу-у!-- шумно вздыхалъ Чугунниковъ, напоминая человѣка, только что воротившагося изъ бани.-- По нонѣшнимъ временамъ газету издавать... чижало-съ! Ты коммерсантъ, ты гласный думы, ты членъ благотворительнаго общества, ты въ банкѣ членъ совѣта... Про кого не напиши, всякъ тебѣ пріятель, и всякъ обижается...

Пироговичъ мягко смѣялся.

Онъ весь былъ мягкій, гибкій, изящный и вѣжливый, съ наклономъ къ полнотѣ, еще не портившей наружность, съ холенымъ бритымъ лицомъ, золотистыми усами и смѣющимися глазами, въ которыхъ блестѣли умъ и хитрость.

-- А вы бы поставили дѣло такъ, Акиндинъ Захарыч!-- сказалъ онъ:-- обсуждали всякое явленіе вообще, не касаясь частныхъ. "Вообще" все можно обсуждать! Это ни къ чему не обязываетъ и никого не задѣваетъ...

-- Стараюсь! Да вѣдь... сотрудники!

И Чугунниковъ тяжело вздохнулъ.

-- Ф-ф-у-у...

Къ о. Ивану подошла Александра Порфирьевна.

-- А знаете, зачѣмъ дѣдушка сюда пріѣхалъ?-- сказала она, сіяя:-- онъ хочетъ взять свои деньги изъ предпріятія и отдать мнѣ!

Она, кажется, готова была бить въ ладоши и прыгать.

-- А денегъ-то мно-ого!

-- При чемъ же тутъ Рудометовъ?-- удивился отецъ Иванъ.

-- Вотъ тебѣ разъ? Да у него же и небесная, и земная торговля въ рукахъ! Вѣдь около прежнихъ-то безсребренниковъ давно уже хорошее серебряное дѣло завелось... Сидятъ теперь въ кабинетѣ,-- кивнула она головой къ двери:-- счета разсматриваютъ...

-- Небесные?-- улыбнулся ей о. Иванъ.

Она дружелюбно засмѣялась:

-- Пойдемте-ка, послушаемъ, вотъ тутъ споръ интересный.

Они подошли къ дивану.

Народу тутъ собралось много.

На диванѣ сидѣлъ маленькій, сѣденькій ключарь, добродушно похохатывающій; рядомъ съ нимъ о. Клавдій изъ градотроицкой церкви, тучный, съ умнымъ, строгимъ лицомъ, не въ мѣру обросшимъ бородою цвѣта овечьей шерсти.

Тутъ же стояли и сидѣли: сынъ Рудометова, семинаристъ пятаго класса, высокій, худой, съ рѣшительнымъ лицомъ; сынъ о. Клавдія, тучный и бѣлый, съ холеной фізіономіей; нѣсколько батюшекъ, необыкновенно молчаливыхъ, и студентъ Удаловъ.

Удаловъ что-то энергично говорилъ.

Это былъ болѣзненный юноша, страшно худой, съ синеватымъ цвѣтомъ угрястаго лица. Онъ не выпускалъ изъ рукъ папиросы.

-- Такъ говорить,-- разсуждалъ онъ настойчиво,-- значитъ, зарывать голову въ небесные пески, по выраженію Ницше! Съ насъ довольно этихъ песковъ, господа! Намъ нужно устраивать наше безпризорное земное жилище, въ которомъ мы всѣ задыхаемся. Нашу прекрасную землю, которую мы же обратили въ юдоль слезъ и мученій.

-- Это не отъ насъ!-- сказалъ о. Клавдій:-- не мы ее такъ устроили!

-- Знаю!

-- Вотъ видите! И вы съ этимъ согласны! Вы только встаньте на правильную точку зрѣнія: развѣ вы вѣчный

житель земли? Не лежит ли ваше отечество тамъ, гдѣ вашъ заблуждающийся разумъ видитъ только ницшеанскіе пески?

-- Я не сторонникъ православной точки зрѣнія.

-- Почему же православной? позвольте? Это вообще религіозная точка зрѣнія, понятная и обязательная для каждого человѣка, вѣрящаго, что онъ не червь минутный, а вѣчный гражданинъ неба! И тогда земля есть только суровая школа для будущихъ гражданъ неба! Вотъ вамъ отсюда понятны всѣ слезы и мученія, законны испытанія и бѣды!

-- И торговля джибагой?-- сказалъ семинаристъ Рудометовъ, не улыбаясь.

Всѣ засмѣялись.

-- Нужно же поддерживать существованіе!-- снисходительно улыбнулся о. Клавдій.

-- Для испытаній?-- такъ же хладнокровно сказалъ семинаристъ:-- тогда не лучше ли раздать имѣніе и идти побираться, существованіе-то и этимъ можно поддержать, а бѣдъ и мученій прибавилось бы... И Христу пріятно!

-- Кривотолки вы, господа,-- слегка оскорбился о. Клавдій:-- и софисты! Вообще нынѣшняя молодежь-- софисты! Ищутъ новыхъ путей, ищутъ новыхъ истинъ, тогда какъ есть одна только Истина, премірная и вѣчная, и одинъ къ ней путь... Эта Истина непостижима для ума гордаго! Ее величайшіе философскіе умы старались понять, опредѣлить,-- и не могли! А она сама открываетъ себя смиренному сердцу! Повторяю, это не есть спеціально православная точка зрѣнія: это точка зрѣнія религіозно-философская вообще! Что касается православія, то поскольку оно есть человѣческое учрежденіе, оно закаменѣло, и я самъ ищу въ немъ новыхъ путей, новыхъ согласованій съ Божественной Волей...

-- Лжеумствуешь, новоявленный еретиче!-- смѣялся ключарь:-- въ пути лукавы уклоняешься...

-- Почему же? Многіе вопросы церковной практики, вопросы брака какъ свѣтскихъ людей, такъ и духовныхъ, вопросъ о свободѣ религіозной совѣсти, наконецъ, вообще вопросъ объ отношеніи церкви къ государству... Все это назрѣвшіе вопросы.. и такихъ много! Они требуютъ пересмотра и разрѣшенія въ духѣ справедливости, въ духѣ новыхъ требованій жизни!

-- Въ этомъ я совершенно согласенъ съ папашей!-- сказалъ студентъ. уперевшись въ спинку стула и раскачиваясь:-- устраивать жизнь нужно, это несомнѣнно. Въ ней много недочетовъ. Но нельзя забывать изъ-за случайныхъ нуждъ земного вѣчныхъ, коренныхъ вопросовъ существованія. Нельзя рыться въ земной пыли и тѣмъ удовлетворяться. Нужно обращать свой взоръ къ небу, къ звѣздамъ... Только тамъ горятъ, сверкая, путеводныя искры, въ томъ мірѣ мистическихъ тайнъ.

-- Намъ съ вами не по пути!-- сказалъ семинаристъ:-- до свиданья!

Всѣ захохотали, а Александра Порфирьевна забила въ ладоши:

-- Bravo, bravo, bravo!

Удаловъ стряхнулъ пепель въ стоявшую на столѣ золоченую пепельницу.

Онъ былъ серьезенъ и немного мраченъ

-- Граждане неба!-- сказалъ онъ, кривя губы:-- да если есть такое небо, то насъ первыхъ туда не пустятъ! Потому что мы лжецы! Мы рассказываемъ сказки больному ребенку, чтобы отогнать отъ него привидѣніе, которое и есть мы сами!

-- Что за парадоксъ!-- вскричалъ студентъ.

-- Не парадоксъ,-- истина! У насъ есть прекрасное отечество,-- земля! Что мы изъ нея сдѣлали? Ахъ, простите, о. протоіерей! Не мы сдѣлали, говорите вы. Знаю! Но вы же сами называете землю школой, хотя отождествляете школу съ тюрьмой! И ужъ мы-то, мы прошли достаточно эту школу, чтобы понимать причины и слезъ, и мученій... Теперь корни у дерева жизни обнажены трудами лучшихъ людей. И корни эти гнили! И гниль эта изучена подъ микроскопомъ. Гниль нездоровой наслѣдственности...

Онъ болѣзненно кривилъ губы.

-- Проклятой наслѣдственности, приводящей къ гибели дѣтей! Гниль общественныхъ учреждений, гдѣ процвѣтаетъ рабство во всѣхъ формахъ, гдѣ рабовладѣльцы утѣшаютъ рабовъ сказками о "небесныхъ пескахъ", сами задыхаясь въ зловонномъ воздухѣ рабства...Нѣтъ!мНужно забыть о пескахъ! Нужно оздоровить землю, нужно вспахать ее и засѣять зернами справедливости, истины, знанія, чтобы создать на ней царство красоты, которому позавидовало бы само Божество ваше!

Въ это время въ двери поспѣшно вышелъ протоіерей Рудометовъ, громко разговаривая со старикомъ Широкозадовымъ.

Всѣ поднялись и двинулись навстрѣчу протоіерею.

У того лицо было озабочено.

-- Здравствуйте, здравствуйте, господа!-- говорилъ онъ:-- благодарю, благодарю!-- отвѣчалъ онъ на поздравленія съ именинницей:-- ужъ вы меня извините! Я сейчасъ только на минутку урвался со сѣзда и сейчасъ опять туда! Тороплюсь! Тороплюсь! Пожалуйте, господа, въ столовую... закусить, чѣмъ Богъ послалъ... А меня извините, ѣду!

Большинство двинулось къ столовой, откуда выходила нарядно одѣтая попадья, подъ стать протоіерею, дебелая и солидная.

Протоіерей подозвалъ жестомъ Чугунникова.и Пироговича.

-- Чудакъ-то! -- указалъ онъ на Широкозадова:-- деньги требуетъ... а! Ха-ха! Ну, чего же... Отдамъ! Время выбралъ, нечего сказать!

-- Сейчасъ кризисъ, Власъ Игнатьевичъ! -- мягко сказалъ Пироговичъ.

Широкозадовъ шутиливо отмахивался.

-- Не пугай ты меня этими словами! Старъ я для нихъ! А вотъ нужны деньги, и подай! Больше я ничего не знаю! Будетъ! Старъ я для торговой операціи...

-- Ф-фу-у!-- отдулся Чугунниковъ:-- но вѣдь не въ банкъ же вы ихъ положите! Тамъ развѣ такой процентъ...

-- Спрячу въ чулокъ да сяду на него!-- смѣялся Широкозадовъ:-- а помирать буду, съ медомъ сѣмъ... А то возьму,-- да гимназію построю.

Чугунниковъ удивленно посмотрѣлъ на него и сказалъ:

-- Ф-фу-у!

Широкозадовъ позвалъ Александру Порфирьевну и распрощался.

Въ это время псаломщикъ Рудометовъ крадучись подошелъ къ Павлѣ Григорьевнѣ. О. Иванъ строгимъ взглядомъ наблюдалъ за ними, не замѣчая, что краска облила ему лицо. Павла Григорьевна сказала что-то рѣзкое Рудометову и отвернулась. Тутъ она поймала взглядъ о. Ивана, покраснѣла, улыбнулась и подошла къ нему.

-- Что мы тутъ будемъ дѣлать? Скучно... То же здѣсь, что и вездѣ... Тоска!

-- Что тебѣ сказалъ Рудометовъ? -- спросилъ о. Иванъ хмуро.

-- Что такое?

Она лукаво посмотрѣла на него.

-- Какой ты... ревнивый! Я не знала!

Онъ вспыхнулъ и взглянулъ на нее строго.

-- Не говори глупостей! Какъ не стыдно.

Вечеромъ, возвратясь отъ Рудометова, они пошли въ садъ вдвоемъ, потому что о. Матвѣй отказался.

Еще солнце было надъ горизонтомъ, а ужъ въ садикѣ передъ рестораномъ дефилировала публика; съ балкона ресторана неслись звуки марша. Внутри вокзала хлопали пробки, слышался хохотъ и звонъ стакановъ. Гдѣ-то глухо стучали билліардные шары. Воздухомъ доносило запахъ пива и кухни. Всѣ смотрѣли,

посмѣваясь и перешептываясь, на высокую фигуру священника. О. Иванъ чувствовалъ себя неловко.

-- Пойдемъ-ка лучше... гдѣ поглуше!

Въ глухой аллеѣ Павлинька взяла его подъ руку.

Они вышли къ откосу и сѣли на зеленую скамейку.

Внизу серебрилась рѣка, къ нимъ доносился свѣжій запахъ воды. По рѣкѣ сновали лодки. На одной изъ нихъ играла гармоника. За рѣкой темнѣло Зарѣчье. Солнце садилось позади зарѣчья, и потому всѣ постройки его, заводы и трубы фабрикъ казались черными сквозь красноватую дымку заката. На фабрикахъ уже зажглись огни,-- тамъ еще происходила работа.

-- Помирились?-- спросилъ о. Иванъ Павлиньку.

Она слегка коснулась его плечомъ.

-- Какой ты чудакъ!-- произнесла она съ грустью:-- вѣдь мы и не ругались.

-- Такъ стало-быть... ты поѣдешь?

Она помолчала.

-- Не отравляй ты мнѣ вечера! Посмотри... какъ хорошо тутъ! Забыться хочется! Посмотри! Какія нѣжныя краски! Ахъ, зачѣмъ я не художница! Я бы рисовала... Смыслъ въ жизни былъ бы!

-- А какой смыслъ жизни въ рисованьи?

-- Не знаю... А какой смыслъ въ теперешней жизни?

Басовитый заводскій гудокъ поплылъ въ воздухѣ.

Гдѣ-то кончали работу. Ему отозвались здѣсь и тамъ скрипучіе или тонкоголосые гудки, словно фабрики перекликались.

-- Живешь день за день...-- сказалъ о. Иванъ, задумчиво наблюдая, какъ солнце опускается въ багровый туманъ:-- для чего живешь...

Она ласково нагнулась и заглянула ему въ лицо.

-- И ты?..

Съ балкона долетѣли звуки трубы: -- тру-ту-ту-ту-ту...

Солнце коснулось горизонта и день побагровѣлъ, точно сонное лицо. Черныя трубы отпечатались на дискѣ солнца и точно выросли. По балкону будто отплясывали боги изъ "Орфея въ аду":-- "мы пойдемъ -- пойдемъ мы"... О. Иванъ съ Павлинькой опять вмѣшались въ толпу. Когда они проходили мимо дверей вокзала, съ бѣлыхъ его ступенекъ кого-то выводили подъ руки.

-- Смотри!-- сказала Павлинька:-- самъ Удаловъ!

Это былъ низкорослый, широкоплечій, тучный старикъ съ бычачьимъ, пьянымъ лицомъ. Его осторожно поддерживали подъ руку съ одной стороны офиціантъ, съ другой -- самъ хозяинъ вокзальнаго ресторана г. Шикъ. Удаловъ ломался, кобенился и хрипѣлъ:

-- Я царь... я Богъ!..

-- Фаэтонъ!! Малшикъ! Живѣй!-- шепталъ другому офиціанту m-г Шикъ.

Офиціантъ стрѣлою летѣлъ къ выходу и тамъ кричалъ:

-- Удаловскій кучеръ! Лошадей!

Публика разступалась передъ этимъ торжественнымъ шествіемъ.

Удаловъ хрипѣлъ, почти на рукахъ увлекаемый къ выходу и шурша по песку отяжелѣлыми ногами:

-- Я че-е-рвь...

Боги кончили свой бѣгъ.

Музыка смолкла.

Въ тотъ же моментъ изъ-за рѣки донеслись звуки хорового пѣнія. Что-то торжественное, величавое поплыло въ воздухѣ, точно невѣдомый гимнъ возяикъ откуда-то изъ таинственной глубины и поднимался выше и выше, все охватывая собой. Удалова забыли. Всѣ изъ садика бросились къ откосу. Даже г. Шикъ и официанты бѣжали вслѣдъ за публикой. Видно было, какъ за оградой сада извозчики встали на козлы, освѣщенные зарей, и смотрѣли въ ту же сторону, куда, жестикулируя, указывали бѣгушіе люди.

Заря охватила полнеба точно заревомъ.

На ея багровомъ фонѣ чернѣли рѣзко силуэты трубъ гигантскихъ фабрикъ и заводовъ Зарѣчья. Улицы Зарѣчья были полны. Точно черные гномы, угрожая землѣ, вышли изъ невѣдомыхъ трещинъ и шумною, плотною толпой медленнымъ потокомъ заполняли улицы съ колеблющимися въ воздухѣ знаменами. И точно изъ одной гигантской груди лились смѣлые звуки торжествующаго гимна.

-- Попдемъ туда, подемъ! -- шептала Павлинька возбужденно:-- что это? Ахъ, какъ это интересно! Что это?

Она тянула его за рукавъ, пробиваясь черезъ толпу.

-- Подемъ! Я тутъ знаю близкую дорогу.

Они поспѣшно начали спускаться по тропинкѣ, которая вывела ихъ на нижнюю улицу откоса, гдѣ въ одинъ порядокъ лицомъ къ рѣкѣ выстроились дома извѣстныхъ фабрикантовъ. Теперь въ этихъ домахъ мелькали огни, то открывались, то закрывались окна; въ нихъ смотрѣли встревоженные лица. Здѣсь и тамъ выходили изъ парадныхъ дверей хозяева этихъ жилищъ, сходились группами.

-- Смотри,-- шептала Павлинька, увлекая о. Ивана:-- вотъ Шилороевы,-- вотъ Нагель... Вотъ Кандауровы!

О. Иванъ удивленно осматривался.

Освѣщенные багровымъ румянцемъ зари, эти тучные и важные люди подошли къ откосу, громко переговариваясь, безпокойно жестикулировали. Когда Павлинька съ о. Иваномъ поспѣшно шли мимо, какой-то высокій, сѣдой старикъ говорилъ:

-- Сейчасъ же надо дать знать губернатору!

-- Ужъ Мейеръ поскакалъ.

-- Это удаловскіе подняли всѣ заводы!..

Пѣніе разрослось, точно къ сотнямъ первоначальныхъ голосовъ присоединялись тысячи. И будто вздрагивали дома въ трепетѣ.

-- Скорѣй, скорѣй!-- шептала Павлинька.

Ихъ обгоняли, спотыкаясь, какіе-то люди въ курткахъ.

Бѣжали полицейскіе. Проскакалъ полицеймейстеръ. Гдѣ-то раздалась военная команда.

У моста ихъ догнала Александра Порфирьевна.

Обычное спокойствіе оставило ее. Лицо ея пылало, глаза сіяли.

-- Слышите! слышите!-- говорила она,-- скорѣй, скорѣй...

За мостомъ они попали въ медленно и стройно идущую толпу.

Здѣсь шли люди въ рабочей одеждѣ, иные не сняли даже фартуковъ. То блѣдныя, то загорѣлыя, но спокойно-торжественныя лица. Въ вихрь поднимающихся звуковъ попали путники.

-- Вотъ шилороевскіе идутъ... а это удаловскіе!-- возбужденно показывала Александра Порфирьевна:-- вотъ эти черные... смотрите! Это отъ Нагеля...

Многіе ей радостно кивали, снимали шапки, махали ими...

-- Съ нами?

-- Съ вами!!

Гдѣ-то около нея загорѣлось "ура"...

И его подхватили и дальше. Оно перешло въ какіе-то грозящіе крики, изъ которыхъ можно было разобрать только одно слово:

-- Долой!.. Долой!!!

И эти крики бѣжали къ тому берегу, гдѣ по откосу виднѣлись испуганно-жестиколирующіе изящно одѣтые люди, освѣщенные, какъ заревомъ, багровымъ свѣтомъ зари, огнемъ отражавшейся въ стеклахъ.

Мѣстами мелькали уже знакомыя о. Ивану лица. Какъ земляной комъ шель въ черномъ фартукѣ Потаповъ.

Твердо вышагиваль рядомъ съ нимъ Ляксанычъ, неся знамя, и лицо его горѣло отъ сосредоточеннаго возбужденія.

О. Иванъ прочиталь надпись на знамени и испуганно вздрогнулъ. Онъ, какъ сонный, осмотрѣлся кругомъ удивленными глазами, впервые уясняя себѣ грозный смыслъ происходившаго: точно впервые увидаль пропасть, въ которую катился знакомый ему мѣръ! Ему показалось, что въ головѣ у него закружился вихрь, крутя тучи какихъ-то засохшихъ мыслей, а въ груди поднялось широкое чувство, никогда не испытанное. Онъ отдавался этому властному потоку стройно идущихъ людей, смотрѣлъ на серьезныя, сосредоточенныя лица, наблюдалъ, какъ суетилась растерявшаяся полиція и какъ взводъ солдатъ, заграждавшихъ одинъ изъ переулковъ, взялъ къ ружью по командѣ, но такъ и застылъ безъ движенія. Онъ думаль, что новая сила какая-то выросла въ жизни, пока жилъ онъ въ своемъ глухомъ углу, сила грозящая, еще непонятная ему... Но вспоминая факты жизни, онъ подумаль, что это "новое что-то" растеть вездѣ...

Стемнѣло.

Толпа расходилась, таяла съ пѣснями, замиравшими вдали.

-- Хотите я васъ съ хорошими людьми познакомлю?-- возбужденно говорила Александра Порфирьевна: -- Хотите?

Они молча вошли за нею на какой-то дворъ.

-- Васенька дома?

Сѣдой старикъ еврей внимательно осмотрѣлъ ихъ, улыбнулся Александрѣ Порфирьевнѣ и молча указаль на высокій, черный сарай, откуда раздавались голоса. Они проникли туда. Сарай былъ обширный, безъ потолка, съ черными, толстыми балками. Здѣсь, при свѣтѣ лампы, стоявшей на столѣ, помѣщались на верстакахъ, на скамьяхъ, среди стружекъ и бѣлыхъ, только-что обструганныхъ досокъ, все больше молодые люди съ возбужденными лицами. На него всѣ посмотрѣли строго и подозрительно, но Александра Порфирьевна закивала головою:

-- Свои! свои!

Ораторъ, молодой еврей, съ нервнымъ до болѣзненности лицомъ, съ нервной жестиколюціей, заговориль страстно, возбужденно, отъ волненія усиливая акцентъ.

-- Я говорю... событія растутъ!!! Я говорю... теперь, моментъ, когда мы должны предъявить требованія формулировать ихъ рѣзко, ясно, опредѣленно, безъ рабскаго страха. Я презираю трусливую умѣренность, боящуюся назвать плеть плетью даже тогда, когда она опускается на спину!

Онъ гнѣвно протягиваль руки.

-- Я пре-зи-раю!!!

Къ Александрѣ Порфирьевнѣ подошелъ молоденькій юноша съ бѣлой бородкой. Отъ него пахло клеемъ и на одеждѣ еще дрожали стружки.

-- Васенька!-- обратилась къ нему Александра Порфирьевна,-- познакомьтесь всѣ...

Она познакомила его съ о. Иваномъ.

Васенька ласково и внимательно посмотрѣлъ на о. Ивана подслѣповатыми, добрыми глазами и заговориль что-то о нѣмецкомъ рейхстагѣ, о Бебелѣ, о послѣдней крупной побѣдѣ социаль-демократіи...

О. Иванъ странно смотрѣлъ и слуіпалъ.

Онъ искалъ глазами Александру Порфирьевну. Но она уже была у стола; свѣтъ лампы падалъ на ея взволнованное и радостное лицо. Ей хлопали и что-то кричали со всѣхъ сторонъ, а она кивала головою.

-- Господа!-- говорила она:-- я такъ счастлива сегодня, такъ довольна! Нѣтъ выше счастья, какъ видѣть растущую побѣду, побѣду разумной, организованной силы надъ испуганнымъ чудищемъ угнетенія... еще одну побѣду новаго міра надъ старымъ! Но я все-таки хочу сказать нѣсколько словъ по поводу заявленія Моисея Абрамыча...

И она начала говорить что-то непонятное для о. Ивана. Онъ взглянулъ на Павлинку. Та широко открытыми, лихорадочно блестящими глазами осматривалась вокругъ.

.....

Поздно въ эту ночь о. Иванъ провожалъ отъ Перехватова Александру Порфирьевну. Павлинка осталась ночевать у отца.

О. Иванъ шелъ задумчиво, смутно настроенный.

-- О чемъ вы задумались? -- тихо спросила Александра Порфирьевна.

-- Да такъ... Какъ-то все странно... Что-то новое вокругъ! Что-то незнакомое! Какъ-то всѣ... словно думаютъ и живутъ по-иному... Всѣ чего-то хотятъ! И вотъ мнѣ даже странно, что я... не хочу ничего!

Онъ задумчиво посмотрѣлъ на нее изъ-подъ шляпы темными глазами.

-- И говоря откровенно, мнѣ какъ-то совѣстно этого. Точно я въ первый разъ думать началъ! Какихъ-то мертвыхъ людей видѣлъ я до сихъ поръ... Или самъ, что ли, мертвый былъ?! И увидалъ живыхъ... пламенныхъ, какъ Маккавеи!

Онъ помолчалъ.

-- Точно не жилъ я!

Ночь нѣжными объятіями обнимала Зарѣчье. Шаги ихъ далеко звучали по безлюдью. Мимо нихъ скользнула проститутка и чему-то тихо засмѣялась.

-- Зачѣмъ вы пошли въ священники? -- негромко спросила Александра Порфирьевна.

-- Зачѣмъ?

Онъ помолчалъ.

-- Куда же было идти?..

Онъ чувствовалъ смутную тяжесть на душѣ.

-- Иванъ Василичъ!-- сказала Александра Порфирьевна, первый разъ назвавъ его такъ.

И она тихо коснулась его руки.

-- Вы меня простите! Я вѣдь... такая несдержная... Я васъ оскорбила давеча.

-- Чѣмъ?-- удивленно посмотрѣлъ онъ на неѣ.

-- Своимъ выраженіемъ... о священникахъ! Я такъ привыкла считать священниковъ... врагами народа.

-- Нѣтъ!-- вдругъ горячо сказалъ о. Иванъ, почувствовавъ какой-то острый уколъ въ сердце: -- нѣтъ, я не врагъ народа! Если я пошелъ въ священники... то кто знаетъ... какъ это вышло! Странно какъ-то... Вотъ, мнѣ кажется, я долго шелъ подземельемъ... и вотъ свѣтъ какой-то! А я еще не могу понять, что это за свѣтъ... Но я употреблю все усиліе мысли... и пойму!

Но ее все мучила какая-то тайная мысль. Когда уже близко завиднѣлся широкозадовскій домъ, она сказала:

-- А все-таки я васъ оскорбила! Я тѣмъ болѣе не имѣла на это права, что мой собственный отецъ...

Губы ея крѣпко сжались, какъ отъ острой боли.

-- Принадлежитъ къ классу угнетателей... Но что жъ... его извинить надо! Онъ въ этомъ, быть можетъ, уже не такъ виноватъ... Онъ человекъ стараго міра. Этотъ міръ надъ нами уже безсиленъ, но на нашихъ отцовъ онъ легъ бременемъ и придавилъ ихъ къ земной грязи. Да я и благодарна отцу: онъ далъ мнѣ жизнь и далъ образованіе! Два безцѣнныхъ дара! Зато я исправлю зло, которое онъ дѣлаетъ...

-- Какъ?-- взглянулъ онъ удивленно.

-- Вы слышали, что давеча говорилъ Удаловъ? Онъ славный мальчикъ... не правда ли? Все въ жизни подгнило, подгнили самые корни лжи. Эту ложь, плодящую слезы, еще крѣпко охраняютъ люди стараго міра. Чтобы придать ей блестящій видъ, существуютъ рабочіе, создающіе богатства, которыми не пользуются. Чтобы придать ей силу, существуютъ солдаты со штыками и пушками, чтобы окупить ее,-- существуютъ биржа и банки. Чтобы оправдать ее,-- существуютъ судьи и священники... вы простите меня опять! Чтобы разрушить эту ложь... пришли мы!

-- Мы? -- повторилъ онъ, удивляясь этой дѣвочкѣ, такъ авторитетно поучающей его непонятными ему рѣчами:-- кто это... мы!

-- Мы!-- горячо сказала она:-- всѣ, кто ненавидитъ царящую ложь, кто жаждетъ бороться съ нею грудь съ грудью... Мы, отбросившіе предрасудки нашихъ отцовъ, перегородки, раздѣляющіе людей на богатыхъ и бѣдныхъ, аристократовъ и рабовъ! Мы, поклоняющіеся солнцу будущаго... Мы... демократы!

У калитки дома они простились.

-- Александра Порфирьевна,-- удержалъ онъ ее слегка за руку:-- что давеча пѣли?

Она тихо засмѣялась.

-- Пѣсни будущаго!

VIII.

День клонился къ вечеру, а жаръ не спадалъ. Раскаленный воздухъ былъ душень. Небеса казались сѣрыми, пыльными, степная зелень поблекла. Даль курилась, словно желтый туманъ выходилъ на концахъ поля изъ невидимыхъ земныхъ расщелинъ. Среди желтыхъ, сѣрыхъ, бурыхъ, пыльных тоновъ на западѣ зловѣщей черной тѣнью поднималась изъ-за горизонта туча, какъ крутая спина. Солнце шло къ ней, а она подвигалась къ солнцу... И солнце, точно отъ страха, блѣднѣло, погружаясь въ испаренія.

Подрясникъ на о. Иванѣ взмокъ, изъ сѣраго превратился въ черный и слегка курился, какъ курились взмыленные бока лошадей. О. Иванъ обернулся къ тарантасу и просительно заглянулъ подъ громадный, покрытый пылью зонть, гдѣ пріютились супруги.

-- Павлинька! Ужь ты мнѣ позволь, старику, подрясникъ-то снять... уморился!

-- Что это, Иванъ Василчъ, какія церемоніи!-- засмѣялась Павла Григорьевна:-- свои люди-то!

-- То-то. Вѣдь съ вашей сестрой безъ церемоній нельзя! Все по свѣтскости... а я не умѣю! -- говорилъ о. Иванъ, снимая подрясникъ и оставаясь въ просторной свѣтлой ситцевой рубахѣ, подпоясанной истертымъ ремешкомъ.

Онъ снялъ и шляпу, и отдуваясь, какъ китъ, обмахивалъ себя ею.

-- Жа-ара-а! Ну, и гроза будетъ, братики мои! Только бы до парома вовремя добраться да переправиться черезъ Поѣму.

-- А поскорѣ бы ѣхаль!-- отозвался изъ подъ зонта о. Матвѣй.

-- Запрягись-ка самъ! Развѣ можно лошадей гнать въ такую духоту. Видишь, въ мылѣ всѣ...

Онъ любовно смотрѣлъ на лошадей.

-- Ду-у-шевныя!!

Солнце изъ блѣднаго становилось краснымъ.

Воздух пропитался багровымъ отсвѣтомъ, багровымъ стало небо, а степь, съ разбросанными тамъ и сямъ одинокими стогами, будто напиталась кровью. Лишь туча оставалась черной. Она медленно, но неумолимо росла; отъ ея чернаго туловища протянулись черныя руки на полнеба, будто кто враждебный и самоувѣренный вызывалъ міръ на единоборство. И вокругъ природа проникалась тревогой. Тревожно сновали ласточки, кулики съ печальнымъ свистомъ проносились куда-то. Галки торопливо летѣли на ночлегъ, оглашая воздухъ рѣзкими криками. Стога, кусты, барсучьи насыпи, казалось, со вниманіемъ смотрѣли освѣщенной стороною своею на западъ, тревожно выжидая; отъ неосвѣщенныхъ же сторонъ ихъ бѣжали длинныя тѣни.

-- Будеть потѣха! -- говорилъ о. Иванъ, наблюдая, какъ быстро выростала туча:-- нынѣшнее лѣто грозъ-то не было... Эта наверстаеть! Да скоро, что ли, Поѣма-то?-- спросилъ онъ работника.

Абдулка привсталъ на козлахъ, черезъ дугу наблюдая убѣгавшую дорогу.

-- Бирста!-- коротко сказалъ онъ.

-- Верста-а?.. Ну, такъ поторапливай. Въ грозу паромъ не пойдетъ, не заночевать бы на бережку подъ березками. А до Богдановки, тамъ, кажется, версть семь еще останется? Ну, не пріѣхать намъ къ о. благочинному сухими! Воспа-арить бока!

Пригорокъ и кусты быстро выростали.

-- Жара-то... Печка!-- отдувался о. Иванъ.-- Ого! Теперь бы въ воду!

-- Большой вода идетъ!-- осклабился, Абдулка, кивнувъ на тучу.

-- Да-а-а! Погремить и посверкаетъ... А какъ это по-твоему,-- обернулся онъ къ Абдулкѣ:-- отчего громъ гремить?

Абдулка пожевалъ губами.

-- Аллахъ гуляйтъ.

-- А, можетъ быть, Магометъ? -- засмѣялся о. Иванъ.

Абдулка подумалъ.

-- Мужеть быть... Имъ работать -- дѣла нѣтъ! Мала-мала полежалъ, мала-мала погулялъ.

-- Хорошая жистъ!

-- Сява лучше надо! Наша мулла сарманайскій тамъ бывалъ.

-- Гдѣ?

Абдулка ткнулъ пальцемъ къ небу.

-- Тамъ! Два день спалъ,-- хоронить хотѣлъ,-- а онъ вставалъ. Бу-ульно хвалиль!

-- Чего же онъ тамъ дѣлалъ?

-- Барашка кушалъ, кумызъ кушалъ... дивочка игралъ. Бу-ульно хвалиль! Потомъ жена ему глаза царапалъ...

-- За что?

-- За дивочка... Потомъ мулла сказывалъ: барашка былъ, кумызъ былъ, а дивочка не былъ...

О. Иванъ смѣялся.

-- Нѣтъ, Абдулка, слушай-ка! Тебѣ непременно креститься надо! Богъ-то у насъ одинъ, только вѣра разная, а наша вѣра ку-уда лучше вашей! Вонъ у васъ въ раю-то, какъ на землѣ, барановъ жрутъ да кумысъ лакаютъ! Развѣ это рай? Какой это рай! У богатаго человѣка и на землѣ рай выходитъ: и бараны, и кумысъ есть, и женъ гаремъ цѣлый... А у насъ, братъ, въ раю-то... благода-ать!

Абдулка моталъ головой.

-- Богъ одинъ, вира разна. Всякій вира хорошъ, который человѣкъ хорошъ. Богъ на морда видитъ, который

человѣкъ хорошъ. Который человекъ -- плохой человекъ, татаринъ, русскій... пся равна... баръ-бирь... шайтанъ лапамъ гуляйтъ!

И онъ закричалъ на лошадей гортаннымъ крикомъ, который онъ такъ хорошо понимали, Онъ поджались, вытянулись. Пригорокъ все выросталъ. Съ рѣки потянуло прохладой. Лошади захрапѣли, втягивая ноздрями свѣжій воздухъ.

Внезапно угрюмая тѣнь упала на дорогу.

Солнце погрузилось въ тучу.

Ласточки исчезли, кулики смолкли, только вдали гдѣ-то безпокойно кричала запоздавшая галка. Стога и пригорки будто присѣли и прижались къ землѣ. Туча, поглотивъ солнце, на мигъ пропиталась багровымъ свѣтомъ, но снова потемнѣла и стала черной, только кое-гдѣ на ней клубились сѣрые пятна, будто отъ застывшихъ пушечныхъ выстрѣловъ. Казалось, голова чудовища разросталась надъ полями, и космы волосъ ея, мѣстами сѣдыхъ, мѣстами черныхъ, разбросались но небу.

Подъ зонтомъ разговаривали.

-- Я сказалъ и повторяю,-- недовольно ворчалъ о. Матвѣй:-- лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ послѣднимъ въ городѣ. Тутъ я хозяинъ... лицо! Передо мною мужики шапки ломаютъ! Тутъ я чувствую власть свою! Тутъ я и священникъ, и администраторъ, и до нѣкоторой степени судія! Единовременно! и вообще...

-- И вообще?-- съ оттѣнкомъ презрѣнія въ голосъ повторила Павла Григорьевна.

-- И вообще я въ городъ ни въ какомъ случаѣ не пойду!

-- Да развѣ я зову тебя туда?

-- Какъ?-- удивленно сказалъ о. Матвѣй:-- такъ чего же тебѣ тогда нужно? Чего тебѣ мало? Что у тебя за жадная душа!

Павла Григорьевна молчала.

-- Я тебя спрашиваю, наконецъ!-- раздраженно закричалъ о. Матвѣй:-- что молчишь? Надо намъ договориться до конца!

Не отвѣчая ему, Павла Григорьевна выглянула изъ-подъ зонта.

-- Гроза идетъ!-- вскричала она:-- какая прелесть!

Она поспѣшно закрыла зонть, говоря возбужденно:

-- Сейчасъ громъ будетъ! Громъ... молнія! Буря! Какъ я люблю! Мнѣ все хотѣлось на морѣ въ грозу побывать... Въ штормъ! Иванъ Василичъ, посмотри. Туча... черная, черная!!

Она указывала рукой.

-- Словно крѣпостная стѣна надвигается... А вонъ бойницы!! Сейчасъ пальба будетъ! Бомбы, стрѣлы полетятъ! А снизу... у горизонта... что-то сѣрое дымится! Словно конница скачетъ!

Она всплескивала руками.

-- Гроза!!

-- Вотъ испарить бока-то!-- шутилъ о. Иванъ.

-- Ничего... не сахарная!

О. Матвѣй вытащилъ изъ-подъ себя большую шаль и сталъ укрывать плечи жены.

-- Холодно стало послѣ жары-то... Прикройся!

Она, не спуская глазъ съ тучи, отвела его руки.

-- Уйди...

Кони мчали.

Ужъ дорога вышла на пригорокъ и вдали показались широкіе и темные изгибы рѣки. Въ воздухѣ

разливалась влажность.

-- Когда я была подросткомъ-дѣвочкой,-- говорила Павла Григорьевна: -- бывало, какъ гроза,-- я въ степь... Домъ нашъ стоялъ у самой лѣсной опушки... Иду навстрѣчу тучѣ... Буря налетитъ, треплетъ, рветъ меня всю, а я иду! И весело... И чего-то грустно... Такъ гру-устно, гру-устно! Вотъ подошелъ бы кто,-- взялъ бы за руку, повелъ бы... въ самый ураганъ,-- гдѣ громъ, гдѣ молніи... Бывало, вся мокрая до нитки приду домой... И не спится ночью.. И подушка мокрая отъ слезъ, а о чемъ плачу, не знаю...

-- Всегда были глупости на умѣ:-- проворчалъ о. Матвѣй, закутываясь въ шаль, отчего сразу сталъ напоминать цыгана.

Тарантасъ сдѣлалъ три поворота по песчаной дорогѣ, среди низкорослаго дубняка и выѣхалъ къ парому.

Отъ парома кричали десятки голосовъ:

-- Ско-р-ѣй!! Гроза и-де-еть!!

У парома батюшкиныхъ лошадей вмигъ отпрягли, а тарантасъ вкатили на паромъ, гдѣ нѣсколько крестьянскихъ телѣгъ съ разнымъ товаромъ стояло поднявъ вверхъ оглобли, такъ что для тарантаса оставалось еще мѣсто. Батюшка самъ наблюдалъ, какъ вводили на паромъ лошадей.

-- Осторожнѣй, братіе!-- говорилъ онъ:-- пугливые у меня кони-то... особливо коренникъ! Зубы вышибеть.

-- А мы слышимъ,-- звоняетъ колоколецъ!-- суетился около батюшки, ничего не дѣлая и мѣшая другимъ, низкорослый паромщикъ съ сизымъ носомъ и слезящимися глазами: -- безпремѣнно, думаемъ, батюшка! Потому у начальства звонъ стро-огій, а у батюшекъ колокольцы поютъ, какъ пѣвчіе на молебнѣ.

Онъ метнулся къ высокому мужику.

-- Куды возжу-то тянешь... чертоломъ! Бархатна духовная возжа-то! Не веревка!

-- Н-ну... ты!-- хмуро скосился мужикъ:-- подхалюза!

Паромъ отчалилъ.

Онъ бороздилъ еще свѣтлое пространство рѣки, а къ западу, откуда шла туча, казалось, въ рѣку вылились чернила съ кровью. Уже туча утратила всякія формы. Это была нарастающая мгла, надвигавшійся хаосъ,-- еще молчащій, но уже таящій ужасы, отъ которыхъ заранѣе вздрагивала земля.

Сидя въ тарантасѣ, Павла Григорьевна не спускала съ тучи широко раскрытыхъ блестящихъ глазъ, сложивъ руки будто въ молитвѣ какому-то невѣдомому, но влекущему ее божеству.

-- Митричъ! Тяни крѣпче!-- кричали мужики паромщику.

-- Подсоби иди!-- хрипѣлъ Митричъ.

-- До грозы бы Богъ далъ! Ишь наползатъ...

-- Ничего, съ нами батюшки!

Мужики смѣялись.

-- Что это вы за товары везете, братіе?-- спросилъ о. Иванъ, щупая возъ:-- на ярманку, что ли?

-- Въ Богдановку, на ярманку. Ярманка завтра. Такъ... всячину веземъ... чашки да ложки, черепки да плошки.

-- Хорошій торгъ бываетъ?

-- Дрянъ!-- отозвался отъ тарантаса о Матвѣй.

-- Нѣтъ,-- ничего себѣ! -- говорили мужики: -- въ прежни годы совсѣмъ была добра ярманка... Ну, новѣшны года... извѣстно, вездѣ народъ подорвался. Хлѣба нѣтъ, сѣна нѣтъ... скотъ перевелся...

-- А народъ извелся!-- угрюмо вставилъ высокій мужикъ, сдвинувъ шапку на затылокъ и смотря на тучу:-- отъ разныхъ притѣсненіевъ...

Бабы на возахъ при этихъ словахъ, будто по уговору, вздохнули, а мужики понурились.

-- Земскій... извѣстно что... его благородіе... строгонекъ... Тоже тѣснить... и не къ дѣлу иной разъ!

-- Посамостоятельнѣе надо съ нимъ!-- сказалъ чей-то спокойный, немного насмѣшливый голосъ:-- кто шапку ломить да спину гнетъ,-- самъ на всякое притѣсненіе напрашивается.

О. Иванъ взглянулъ на говорившаго. Это былъ кряжистый, сутулый мужикъ, съ умнымъ спокойнымъ лицомъ, веснушатымъ и бритымъ. Щетинистые усы прикрывали у него тонкія, рѣшительно-сжатыя губы, а взглядъ у него былъ какой-то хмуро-насмѣшливый.

-- Ты храбрый... какъ тебя звать-то?-- сказалъ о. Иванъ.

-- Звать-то меня Алексѣемъ,-- отвѣчалъ мужикъ,-- а храбрость-то всѣмъ полезна. Горячаго коня не бьютъ, не хлещутъ, зубастую собаку не трогаютъ! Большая птица индюшка, да что въ ней толку,-- а гусь зашипить да шею вытянетъ,-- отъ него сторонятся...

-- Это правильная рѣчь!-- сказалъ высокій крестьянинъ:-- мужикъ привыкъ къ окрику,-- не огрызается... Вотъ на него всякая сволочь верхомъ и садится... Да ничего!-- вдругъ добавилъ онъ хмуро:-- отходить время!

-- Умное слово хорошо и выслушать! -- сказалъ Алексѣй:-- кабы всѣ мужики такъ думали... Общей думой!

-- И будутъ!-- сказалъ круто крестьянинъ.

О. Иванъ съ удивленіемъ слушалъ этотъ разговоръ. Но вдругъ онъ схватился за шляпу и крикнулъ:

-- Э-ге-ге! Ну, теперь держись, братіе!

Паромъ достигъ уже середины рѣки. Рѣка нахмурилась.

Зловѣщая тишина какъ что-то живое, опасно таящееся, обняла потемнѣвшіе берега. Точно умерли птицы, припали къ песку кулики, застыли въ камышахъ утки; только съ отчаяннымъ крикомъ металась надъ рѣкою чайка,-- будто потерявъ дорогу. Лошади храпѣли, пугливо вытягивали шеи въ предчувствіи первыхъ ударовъ, быстро надвигавшихся изъ растущей тьмы. Черною тѣнью опрокинулась туча въ рѣку, и паромъ, казалось, несся въ самую пасть чудовища, готоваго дохнуть ураганомъ, брызгами, пѣной, пылью...

И оно дохнуло!

Еще издали увидалъ о. Иванъ, какъ неподвижныя деревья низового берега взлохматились, почернѣли, взмахнули всѣми вѣтвями, вразъ нагнулись къ землѣ. Словно играя въ чехарду, черезъ нихъ запрыгали клубы дорожной и пашенной пыли, всталъ огромный вихрь и, крутясь, обрушился въ воду.

Мигъ...

И все смѣшалось: вода, земля, берега, деревья, небо...

Кто-то огромный дышалъ чернымъ, влажнымъ, пыльнымъ дыханьемъ. Съ свистящимъ воемъ вѣтеръ рвалъ водную поверхность, расшибая ее въ брызги,-- раздиралъ вверху въ клочья тучи.

Кони топали, ржали.

Полы армяковъ хлрпали, точно ладоши; солома взбызилась на возахъ; бабы припали къ ней, причитая:

-- Царица Небесная! Страсти какія! Съ нами крестная сила!

-- Митричь! Тяни! Тяни крѣпче! Ляксѣй... помогай ему! Берись всѣ, братцы!

У кричащихъ мужиковъ вѣтеръ пытался оторвать бороды и невидимой рукой трепалъ ихъ за волосы.

Павла Григорьевна замерла въ безмолвномъ восторгѣ.

Она смотрѣла въ самую глубь бѣгущей бездны, слѣдила напряженнымъ взглядомъ за безумнымъ полетомъ вверху черныхъ, сѣрыхъ обрывковъ разорванныхъ вѣтромъ тучъ и радостно вздрогнула, когда, какъ изъ лопнувшей гранаты, надъ головою ея зигзагами побѣжали молніи, и трескучей тяжестью упалъ на воду громъ.

-- Спрячься, спрячься!-- испуганно бормоталъ ей о. Матвѣй,-- иди подъ тарантасъ... сейчасъ ливень будетъ!

-- Уйди!-- сказала она нетерпѣливо.

-- Тяни, Ляксѣй, тяни!-- орали мужики!-- Митричь!

-- Батюшка! Подсоби!-- смѣясь, обернулся Алексѣй къ о. Ивану!-- ты, видать, сильный...

-- Ничего, ничего!-- сказалъ о. Иванъ, засучивая рукава!-- за хвостъ лошады остановлю!

-- На скаку?

-- А то въ стойлѣ, что ли?

И онъ хотѣлъ взяться за канатъ.

Но въ это время сверху, изъ тучъ, точно тяжесть упала!-- яростный порывъ вѣтра вдавилъ паромъ въ воду, обнявъ его со всѣхъ его смоляныхъ боковъ,-- накренилъ и съ отчаянной силой толкнулъ впередъ. Алексѣй, хрипя, пошатнулся и грузно грохнулся на полъ, а черезъ него кубаремъ покатился Митричь.

Канатъ, шурша, заскользилъ, безсильно падая.

Какъ долгіе годы носившій цѣпи рабъ, паромъ дрогнулъ, почуявъ свободу. Онъ закачался, остановился на мигъ въ раздумьи и быстро понесся по срединѣ рѣки, тихо вращаясь. Берега поплыли, на нихъ деревья гнулись въ отчаяніи, будто готовясь провалиться въ бездну, вокругъ парома черныя волны прыгали съ угрозой.

-- Канатъ лопнулъ! Канатъ!!

Людей и животныхъ охватила паника.

Тучи треснули, молніи съ грохотомъ впились въ берега.

Полилъ ливень.

Лошади бились и визгливо ржали.

Бабы метались на возахъ, выкрикивая слова молитвъ. Возгласы отчаянія ихъ сливались съ воемъ вѣтра, шумомъ дождя, съ растеряннымъ говоромъ мужиковъ.

-- Ребята!.. Пропали!

-- Тамъ... ниже... горный берегъ!!

-- Камни! Пороги!!

Митричь метался у бортовъ.

-- Господи! Господи! Господи! Смертынька... Господи! Аннушка моя... Аннушка! Доченьки мои... прощайте... доченьки!..

-- О, о, о!-- вторили ему бабы.

И онѣ прыгали съ возовъ къ бортамъ, гдѣ сновалъ Митричь и повторяли его движенья...

-- Это Богъ! Это Богъ... за тебя!-- визгливо кричалъ перепуганный и блѣдный о. Матвѣй женѣ: -- кайся, преступница! кайся... какъ Юна...

-- Тутъ китовъ не водится!-- презрительно сказала попадья.

Она съ трепетнымъ восторгомъ дышала воздухомъ грозы и опасности, подставляя голову ливню и только боясь передъ всѣми обнаружить переполпившую ее радость.

О. Иванъ стоялъ въ недоумѣніи, уперши руки въ бока и полураскрывъ ротъ. Онъ соображалъ, что еще верста, другая и паромъ неминуемо разобьется о пороги,

-- Господи благослови! -- раздался вдругъ крикъ смертельного ужаса.

И о. Иванъ увидѣлъ, какъ Митричь, истово перекрестившись, готовился прыгнуть въ воду. А занимъ крестились бабы, мужики, и тоже тѣснились къ борту.

О. Иванъ поймалъ Митрича за рубаху, въ то время, какъ Алексѣй ухватилъ въ охапку толстую бабу, готовившуюся прыгнуть въ воду.

-- Куда ты, разбойникъ?-- кричалъ о. Иванъ,-- утонуть хочешь?

Митричъ стоялъ съ выпученными глазами, ничего не понимая и трясясь отъ ужаса.

-- Идіотъ!-- въ октаву сказалъ о. Иванъ. И, покрывая голосъ бури, онъ закричалъ:

-- Людіе! Стой!!

Все смолкло на паромѣ, даже лошади, почуявъ голосъ властной воли,-- затихли и скосились налитыми кровью глазами въ сторону человѣка, ставшаго хозяиномъ парома и ихъ судьбы.

-- Вы што? Сбѣсились? -- кричалъ онъ: -- перетонуть задумали?! Живо!! Веревки сюда! Давай веревки!

Никто не сталъ спрашивать -- зачѣмъ.

-- Веревки! Бабы! Веревки батюшкѣ...

-- Возжи давай! Скручивай! -- распорядился о. Иванъ.-- Гнилыхъ не надо! Крѣпкія давай! Живо!! Абдуль, вяжи! Всѣ сюда! Связывай! Алексѣй!

Громъ, не переставая, гремѣлъ.

Ливень отсѣдалъ туманной мглой, дрожащею и шумной, въ которой вертѣлись берега, точно паромъ стоялъ, а берега бѣжали.

О. Иванъ сбросилъ подрясникъ.

-- Попадья! Отвернись!-- кричалъ онъ.

Онъ сбросилъ сапоги и широкіе бѣлые панталоны.

Въ одной рубахѣ, неуклюже двигаясь, отбрасывая рукой съ лица намокшіе волосы, дливные, какъ у русалки, онъ обвязалъ себя подъ грудью веревкой и, перекрестившись, бухнулся въ воду, какъ грузный водолазъ,-- отфыркнулся, тряхнулъ гривой, заоралъ:

-- Отпускай веревку... не дремли! Алексѣй! Распорядься!

-- Небось,-- крикнулъ Алексѣй.

-- Отпускай дюжѣй!! Когда крикну, заарканивай!

Жилистые руки его... разъ, два... тяжело какъ лопасть, мѣрно, плавно разсѣкали волны. Онъ фыркалъ, громко и сильно вздыхалъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ, съ надеждой и страхомъ, слѣдили мужики и бабы, какъ постепенно онъ скрывался за туманомъ ливня, въ черной пасти воющихъ стихій, за мглою бури. Казалось, деревья на стемнѣвшемъ берегу грозили ему черными вѣтвями, низко сгибаясь надъ водой, а черныя волны бились вокругъ съ насмѣшливымъ плескомъ. При вспышкахъ молній еще раза два мелькнула его косматая голова, будто свѣтящаяся фосфорическимъ свѣтомъ.

Потомъ она исчезла.

Только скользящая, вздрагивающая веревка говорила безмолвнымъ языкомъ своимъ, что онъ плыветъ, и всѣ напряженно смотрѣли на нее, слѣдили за ея трепетнымъ движеніемъ.

Страшная тишина наступила вдругъ въ небѣ и на паромѣ. Вѣтеръ спалъ, громъ стихъ, только дождь шумѣлъ...

Веревка безпомощно повисла.

Десятки глазъ смотрѣли на нее, раскрываясь все шире, съ ужасомъ, съ отчаяніемъ, съ мольбою, съ надеждой... Трескучій раскатъ грома не вывелъ никого изъ неподвижности, точно тутъ столпились мертвецы, и только вновь налетѣвшій ураганъ трепалъ одежду, волосы, бороды и шали.

Внезапно веревка вздрогнула, вышла изъ воды, натянулась,-- ослабла, опять натянулась, какъ струна. Алексѣй ловко накинулъ ее на столбъ. Паромъ вздрогнулъ, закачался, будто покорно вздохнулъ и, медленно повернувшись, тихо сталъ приближаться къ берегу!

...Когда всѣ съѣхали на берегъ, о. Иванъ, съ трудомъ залѣзшій въ мокрый подрясникъ, сказалъ слегка въ октаву:

-- Хорошо бы теперь разогрѣться, братіе! Есть, что ли, водчонка-то, ребята?

Вмигъ отъ воевъ протянулись бабы руки съ бутылками. Какъ по волшебству, отогнулись полы, и изъ мужичьихъ кармановъ повылѣзли сотки и двухсотки.

-- Эге! Да вы народъ запасливый!

-- Батюшка! Для тебя-то! Господи!

-- Ро-дно-й!!

-- Ладно, ладно! Закуски-то давайте! Бабы! Нѣтъ-ли сушки какой?

И онъ покосился на о. Матвѣя, дрожащаго и жалкаго...

-- Хочешь разогрѣться?

-- Никогда я этой дряни не пиваль!-- стоналъ о. Матвѣй!-- скорѣе бы до тепла куда, это лучше...

-- А я выпью!-- сказала попадья, тряхнувъ головой.

Она подошла къ о. Ивану, вызывающе и восторженно смотря въ лицо ему.

-- Молодецъ, попадья!-- одобрилъ о. Иванъ!-- это полезно... кровь полируетъ! Только рюмки нѣтъ, ужъ извини!

-- А я и... изъ горлышка!

Она взяла двухсотку, подняла ее, какъ рюмку, и сказала неестественно-повышеннымъ голосомъ, поблѣднѣвъ и смотря въ лицо о. Ивана горящими глазами.

-- За героевъ... и за все геройское въ жизни!

И, отхлебнувъ водки, до слезъ закашлялась.

Не спѣша, запрокинувъ голову, булькая, о. Иванъ перелилъ въ себя содержимое полбутылки, утеръ бороду, крякнулъ и сказалъ:

-- Ловко! А теперь лѣшаго попугаемъ, чтобы не баловался другой разъ.

При смѣхѣ мужиковъ онъ обернулся къ бурлящей рѣкѣ и, покрывая голосъ бури, заоралъ:

-- О-го-го-го-го-го-го-о-о...

IX.

Изъ оконъ благочинническаго дома лились потоки свѣта, тусклыми пятнами играя въ уличной слякоти. Домъ гудѣлъ, какъ пчелиный улей. Но возбужденный и шумный разговоръ въ залѣ тотчасъ смолкъ, какъ только показался о. Иванъ съ компаніей. Лишь въ сосѣдней комнатѣ еще гремѣлъ кто-то съ басистымъ хохотомъ:

-- Она-а, доложу я вамъ... хо-ххо! Бабенка во-острая!

Быстрая женская рѣчь врѣзывалась въ этотъ смѣхъ:

-- Ужъ вспомните, вспомните мои слова, что я говорила... Отъ крестовской матушки не ждите добраго, я говорила!

И точно подъ полъ провалились хохотъ и рѣчь. Старый сѣдой благочинный съ смущенной улыбкой подходилъ къ гостямъ.

-- А! Отче Иване! и отче Матвѣе! И вкупѣ съ матушкой! Радъ васъ видѣть! Радъ, радъ!

Онъ жалъ имъ руки и лобызался.

-- Милости прошу къ моему шалашу. Дождикъ-то засталъ? Промочило, небось? Пожалуйте просушиться...

-- Околь змія зеленого?

-- Да уж тамь какой понравится! Всѣхъ цвѣтовъ есть...

О. Иванъ объяснилъ наскоро благочинному дорожное приключеніе и попросилъ сухой подрясникъ. Немедленно откуда-то прибылъ благочиннической подрясникъ, прихожую затворили и при общемъ смѣхѣ переодѣли о. Ивана съ церемоніями, какъ владыку, причемъ подрясникъ оказался тѣсенъ, коротокъ и трещалъ при каждомъ движеніи. Потомъ торжественно открыли дверь и повели о. Ивана подъ руки къ столу, смѣясь и крича:

-- Дорогу Моисею, изъ пучины спасшемся!

А дьяконъ Сикеровъ пѣлъ:

Мо-оря Чермнаго пу-чи-и-ну...

Смущеніе быстро прошло.

По комнатамъ возобновлялся шумный говоръ.

Болѣе всего публики толпилось у стола съ выпивкой. Здѣсь солидно крякали, подмигивали другъ другу на бутылки, чокались, острили, потомъ, прожевывая закуску и отирая усы обширными платками, проходили въ столовую, къ чайному столу, чтобы вмѣшаться въ бойкій говоръ матушекъ, или окружали карточный столъ въ одномъ изъ угловъ залы, за которымъ въ облакахъ дыма виднѣлась тучная фигура духовнаго слѣдователя о. Фаворскаго, учителя Зигзагинскаго и двухъ батюшекъ незначительнаго вида. Фаворскій, съ круглымъ женскимъ лицомъ, едва поросшимъ растительностью, съ зобомъ и одышкой, былъ такъ рыхло-тученъ, что остряки про него говорили, будто благодать на немъ почиваетъ, какъ водянка. Онъ часто острилъ, выдумывая необыкновенныя названія для картъ, хрипло смѣялся собственнымъ остроуміемъ, отчего ордена на груди его прыгали. И какъ только онъ начиналъ смѣяться, у публики, окружающей столъ, расплывались лица въ широкія улыбки, и колыхались животы отъ смѣха.

-- Забудню загублю!-- говорилъ о. Фаворскій:-- а ну-ка, что ты противъ моихъ забубенныхъ выставишь? Како возопіиши?

Учитель Зигзагинскій, молодой человекъ съ сѣрымъ лицомъ и утинымъ носомъ, вторилъ ему:

-- А мы, ваше высокоблагословеніе, пришибемъ червоточинкой... Ужъ вы черви, мои черви, черви черные мои!

Оба незначительныхъ батюшки вразъ сказали:

-- Пась!

И одновременно посмотрѣли на столъ съ закусками. О. Фаворскій топырилъ губы.

-- А ежели... затузую я тебя? Что возглаголеши?

-- Тогда мы подъ васъ дѣвицу-съ... И погибнете-съ!

-- Хе-хе-хе!-- раздражалась публика.

-- Что онъ сказалъ? Что онъ сказалъ?-- суетливо спрашивалъ молоденькій дьяконъ, съ острымъ носомъ, точно клевавшимъ воздухъ, и любопытнымъ лицомъ, заранѣе расплывавшимся отъ хохота:-- что онъ такое сказалъ, братіе?

-- Отъ дѣвицы, говоритъ... погибнетъ!

-- А-ха-ха-ха!-- визгливо хохоталъ дьяконъ, перегибаясь назадъ отъ удовольствія съ такимъ видомъ, точно его щекотали подъ мышками.

И онъ бѣжалъ къ чайному столу, чтобы прошептать остроту на ухо дьяконицѣ, такой же молоденькой и такой же любопытной, какъ самъ дьяконъ.

Дьяконица всплескивала руками.

-- Врешь?!-- захлебывалась она.

Дьяконъ наскоро крестился:

-- Ей-Богу, право! Вотъ тѣ крестъ!

Онъ бѣжалъ къ столу съ закусками и видно было, какъ тамъ жестикулировалъ и перегибался отъ смѣха.

Дьяконица нагнулась къ правой сосѣдкѣ, потомъ къ лѣвой, и острота обошла весь столъ. Матушки и дьяконицы сдержанно смѣялись, утирая лица, разгорѣвшіяся отъ смѣха, чая и вина.

-- Какъ это подходитъ къ отцу-то Павлу!-- сказала благочинничиха, сохраняя спокойное и солидное выраженіе на красивомъ лицѣ своемъ.

-- Ужъ Зигзагинскій и скажетъ! -- поджимая въ усмѣшкѣ губы, сказала сухая, какъ скелетъ, матушка, сильно качая головой, будто примѣряя, на которое плечо ее положить.

-- А что правда, то правда... грѣха нечего таить!

-- Вдовье дѣло, что подѣлаешь!

-- Вдовье-то оно, вдовье... кабы поосторожнѣе.

-- Говорятъ, у него на приходѣ, какъ которая дѣвица родить младенца мужского пола, Павломъ нарицаеть...

-- Что же... Павлы Павлычи, значить... и къ произношенію пріятно!

Матушки благодушно закрикали, а дьяконица Ивановская даже завизжала отъ восторга.

Благочинничиха разливала чай изъ огромнаго самовара и только слегка улыбалась на смѣхъ собесѣдницъ.

-- Вотъ бы ему... съ...-- начала было она.

Но вдругъ, оглянувшись, замѣтила Павлу Григорьевну, сидѣвшую одиноко у окна, вмигъ поджала губы и закрыла лѣвый глазъ, обводя правымъ собесѣдницъ.

Тѣ фыркнули и чуть не попадали со стульевъ.

Павла Григорьевна рѣзко поднялась.

-- Я думала, я въ гостяхъ!-- глухо сказала она. Всѣ любопытно притихли.

-- А какъ же? -- сдѣлала благочинничиха наивное лицо, хотя въ глазахъ ея играла злая насмѣшка:-- на что это вы такъ обидѣлись, Господи Боже? Кажется, мы ничего такого... Конечно, обхожденіе у насъ... простое, не великатоесное...

Она подчеркнула:

-- Мы люди не городскіе... деревенскіе! Да, ужъ извините... мы не городскіе!

Павла Григорьевна смѣрила ее вызывающимъ взглядомъ.

На мигъ взгляды ихъ скрестились, какъ острые концы шпагъ передъ началомъ поединка. ~

-- А развѣ батюшка о. Михаилъ не городской?-- спросила съ внезапной усмѣшкой Павла Григорьевна:-- вѣдь онъ, кажется, членъ консисторіи? Куманекъ-то вашъ?

Благочинничиха сдѣлала совершенно круглые глаза и раскрыла ротъ, но не выговорила ни слова.

Павла Григорьевна обратилась къ сухощавой матушкѣ, прожигая ее ядовитымъ взглядомъ.

-- А вы что, матушка, такъ недовѣрчиво улыбаетесь? Вѣдь и вашъ вдовый дьяконъ, если не ошибаюсь, раньше при архіерейскомъ домѣ состоялъ?

-- Охъ, что вы, мать... охъ, что вы,-- въ ужасъ замахала руками сухощавая матушка, точно отбиваясь отъ привидѣнія и готовая спрятать голову подъ столъ отъ нависшаго удара.

Благочинничиха встала.

-- Что вы хотите, матушка, сказать?!

-- Да ничего особенного! Просто одно только, что и вамъ городского-то кое-чего не занимать стать... напрасно вы себя унижаете!

Презрительное спокойствіе разлилось по лицу Павлы Григорьевны и она вышла въ залъ къ мужчинамъ, не обративъ никакого вниманія на свистящій шопоть вслѣдъ себѣ:

-- Ехидна!

За окномъ на улицѣ то и дѣло слышались колокольчики. Въ прихожую, шумно откашливаясь, входили новые гости, кряхтя раздѣвались тамъ, цѣловались, задавали басовитые вопросы:

-- Ну, какъ ярманка?

-- Да ничего себѣ ярманка!

-- Мнѣ вотъ нужны будутъ оглобли... къ телѣгѣ! Стояла на заднемъ дворѣ телѣга,-- мужичишки... чтобы имъ... оглобли поворовали!

-- Ха-ха! Это бываетъ...

-- Съ нынѣшнимъ народомъ бѣда! Хе-хе! А на дворѣ-то сыро...

-- Ничего! Иди къ столу, просушимъ!

-- Просушиловка есть, стало-быть? Хе-хе-хе-хе-хе-хе-хе...

-- Сѣдый грядетъ, сѣдый!-- зашумѣло въ прихожей, а потомъ и въ комнатѣ.

Дьяконъ Ивановскій метнулся въ прихожую и возгласилъ:

-- Передъ лицомъ сѣдаго возстани!

Потомъ въ комнату торжественно ввели подъ руки, Ивановскій и дьяконъ Сикеровъ, задышающагося отъ туковъ стараго священника, съ сѣдою гривой, какъ у льва, и бородою длинной, какъ у Іакова. Онъ шель, прихрамывая, точно разбитый на ноги, зорко посматривалъ вокругъ черезъ очки, шевеля густыми, еще черными бровями.

-- Братіе и отцы! Новостей вамъ привезъ,-- говорилъ онъ солидною старческой октакой.

Его окружили, усадили на диванъ.

-- Депутату первое мѣсто!

-- Какія же новости, о. депутатъ?

-- Первая новость -- вельми печальная! Всѣ вы, конечно, знали козловскаго дьякона?

-- Какъ же! какъ же!-- хоромъ подтвердили духовные: -- что съ нимъ? Не запой ли опять? Или въ монастырь?

О. депутатъ помолчалъ для эффекта и сказалъ:

-- Помѣшался!

-- Я его вчера на постояломъ видѣла!-- метнулась къ столу Павла Григорьевна:-- можетъ ли быть...

-- А въ какое время дня вы его изволили видѣть?

-- Часовъ въ пять такъ...

-- Ну, а въ десять онъ пришель къ семинаріи и сталъ бросать въ окна камни, которыхъ набралъ гдѣ-то полны карманы. Конечно, схватили... А онъ кричить:-- Пустите... Я въ мертвый черепъ бросаю! Зачѣмъ онъ глазами ворочаетъ! У него нѣтъ глазъ... однѣ впадины! Онъ, говоритъ, туда угольки вставилъ для обмана! Ложь! Ложь!

-- Это его любимое словечко было,-- вздохнулъ Сикеровъ.

-- Мы какъ разъ со сѣзда шли, я да о. Кирикъ изъ Заозёрья. Электричество этакъ свѣтитъ... видимъ по

площади за кѣмъ-то гоняются. Фигура высоченная, сухая, какъ столбъ телеграфный, голова -- жбанъ, подрясникъ точно на вѣшалкѣ болтается. И отплясываетъ, посмотрѣли бы вы, яко Давидъ передъ ковчегомъ. Видимъ -- дьяконъ! И видимъ, скачетъ дьяконъ,-- точно звѣзды ловить, скачетъ и кричить: -- "Кости стучать! Я тѣло мое сбросилъ... это кости стучать..." Вотъ-вотъ его поймають, а онъ скокъ-скокъ! И ужъ въ другомъ концѣ скачетъ, глаза -- угли, руками машетъ, какъ крыльями, а самъ все про кости:-- "По всему міру, кричить, пройду и костями стучать буду... Вотъ бьетъ набать:-- бумъбумъа... Надулъ щеки, бьетъ себя по нимъ...

-- Онъ всю жизнь въ стеклянный колоколь набать билъ!-- сказалъ отъ стола съ картами Ѡворскій.

Всѣ сдержанно засмѣялись, кромѣ Павлы Григорьевны.

Вспыхнувъ, она слегка вздернула голову и рѣзко проговорила:

-- Зато не плодилъ дѣтей по бѣлому свѣту, а которыхъ имѣлъ, воспитывалъ!

Тутъ выползло изъ кармановъ много обширныхъ платковъ, и точно по внезапной простудѣ у всѣхъ появился насморкъ.

-- Что же касается другой новости, братіе, то сія характера болѣе отраднанаго,-- поспѣшно заговорилъ о. депутатъ, изъ-подъ густыхъ бровей своихъ внимательно покосившись на Павлу Григорьевну: -- вчера при закрытіи сѣзда владыка намъ цѣлую рѣчь по этому поводу сказалъ. Есть предположеніе болѣе, чѣмъ вѣроятное, что всѣ школы, волею правительства, отойдутъ въ духовное вѣдомство.

Самые разнообразные возгласы раздались въ отвѣтъ на это сообщеніе.

-- Можетъ ли быть?

-- Пустое! Откуда это?

-- Вотъ превосходно!

-- Ну, ужъ это, знаете, тоже... не было печали!

-- Давно пора! Давно пора!

-- Привѣтствуемъ мѣру сію, отъ души привѣтствуемъ!

Дьяконъ Ивановскій застылъ, не понявъ сначала въ чемъ дѣло, но потомъ заметался;

-- Что такое? что такое? Стало-быть, и жалованье?

Откуда-то изъ-за толпы протиснулся о. Матвѣй. Лицо его сіяло.

-- О. Сильвестръ!-- говорилъ онъ:-- можетъ ли это быть?!

-- Предположеніе только!

-- Да вѣдь вы поймите: это мечта! Это возвратъ къ великому прошлому! Прошедшее становится будущимъ! Это первый шагъ въ царство Ѡеократіи! Я ждалъ этого... и глубоко вѣрю, что предположеніе превратится въ фактъ!

Шумъ въ комнатахъ возросъ.

Всѣхъ взволновала новость и ея значеніе.

Даже незамѣченнымъ прошелъ пріѣздъ Широкозадова. Только благочинный встрѣтилъ его въ прихожей да дьяконъ Ивановскій съ заискивающей улыбкой помогъ ему освободиться отъ калаша и предупредительно распахнулъ обѣ половинки двери передъ его тучной фигурой.

-- Давненько не видѣли васъ, давненько!-- ласково говорилъ Александрѣ Порфирьевнѣ благочинный:-- соскучились по васъ!

-- Въ самомъ дѣлѣ?-- улыбнулась Александра Порфирьевна.

Она съ заалѣвшими щеками протянула руку сыну благочиннаго и крѣпко, по-товарищески, пожала ее.

Это былъ средняго роста очень худой и нервный юноша, въ поношенной сѣрой студенческой тужуркѣ, съ тонкими губами, часто крѣпко и иронически сжатыми, съ нѣсколько злымъ взглядомъ умныхъ, но

близорукихъ глазъ, полускрытыхъ очками.

Широкозадовъ съ готовностію отозвался на предложеніе о. Ивана "подкрѣпить плоть свою".

-- Какъ ваши дѣла съ Васильевкой, Порфирій Власовичъ? -- заискивающе спросилъ его унылый на видъ черный духовный, напоминавшій переодѣтаго цыгана:-- есть слухъ, что ихъ завтра на судилище повезутъ, черезъ ярманку?

Онъ сокрушенно качалъ головой:

-- Поучительное зрѣлище человѣческихъ страстей, въ узы заключенныхъ...

Широкозадовъ мутно смотрѣлъ на него.

-- Милліонъ,-- сказалъ онъ, медленно разжевывая слова,-- когда въ землю зарыть, бесполезенъ! Сумѣй найти, вырыть и къ рукамъ прибрать его! А мужикъ... что! Лежитъ на сѣнѣ, не жретъ самъ и на другихъ лаесть!

-- Истинно!-- изогнулся духовный.

Широкозадовъ продолжалъ мутно и внимательно смотрѣть на него, отчего духовный чувствовалъ себя неловко.

-- А откуда вы слыхали,-- медленно спросилъ Широкозадовъ:-- что повезутъ завтра?

-- Поговариваютъ.

Они чокнулись.

О. Иванъ, опрокидывая рюмку, поймалъ на себѣ взглядъ Александры Порфирьевны. И ему стало не ловко.

-- Кажется, я черезчуръ усердствую!-- сказалъ онъ и отошелъ отъ стола.

Онъ всталъ къ окну, такъ что ему слышенъ былъ разговоръ Александры Порфирьевны со студентомъ, пріютившихся въ пустомъ углу залы.

-- Къ чему эти споры, эти раздоры,-- говорила она:-- особенно въ наше тяжелое время, когда всѣ должны соединиться безъ различія цвѣтовъ для общей цѣли! И не всѣ ли мы стремимся къ одному и тому же далекому берегу? Только одни хотятъ ѣхать на корабль, другіе на пароходъ... Весь споръ къ тому сводится!

-- Нѣтъ, Александра Порфирьевна, мерси! -- возражалъ онъ:-- во-первыхъ, пароходъ идетъ по курсу, не уклоняясь, съ быстротою! А корабль поддается вѣянью вѣтровъ. Да и съ какой стати я признаю гегемонію какого-то корабельнаго экипажа, который хочетъ захватить этотъ далекій берегъ, чтобы построить на немъ образцовую кухню для изготовленія бифштексовъ! Я хочу работать не для гарантированнаго бифштекса, не для экипажа,-- для идеала, для человѣчества!

-- Мы всѣ работаемъ для человѣчества!-- проговорила она.

-- Да, и должны работать,-- твердо сказалъ онъ,-- слившись въ общей любви и въ общей ненависти!

Онъ помолчалъ.

-- Кто знаетъ,-- произнесъ онъ задумчиво, точно заглянувъ въ свое будущее:-- увидимся ли мы осенью съ вами...

Ея рука какъ-то невольно нашла его руку и сжала ее, точно въ тайной клятвѣ, а глаза смотрѣли съ тѣмъ выраженіемъ, словно она провожала его въ невѣдомый и опасный путь... И о. Иванъ, тайкомъ наблюдавшій, видѣлъ въ глазахъ ея любовь, открытую, ясную, и какую-то острую боль...

Онъ подошелъ къ нимъ.

-- О чемъ это спорите?

Студентъ недружелюбно обдалъ его взглядомъ, а Александра Порфирьевна мягко улыбнулась ему.

-- Мы говоримъ о томъ, чего еще не было.

-- О пѣсняхъ будущаго?-- улыбнулся онъ ей. Она, смѣясь, кивала ему.

-- Что вы о немъ знаете, вы, такая молоденькая!-- говорилъ онъ шутливо:-- посмотрю я на васъ, съ виду вы такая спокойная, а въ душѣ... горячка!

-- Развѣ это плохо?

Онъ улыбнулся, потомъ задумался.

-- Нѣтъ, не плохо!-- сказалъ онъ:-- горе тому, кто ни тепель, ни холодень!

-- Въ наше время всеобщаго колебанія и неустойчивости мысли,-- визгливо ораторствовалъ кто-то въ шумѣ говора:-- въ нашъ несчастный вѣкъ, когда безбожіе, насаждаемое геніальными еретиками, заразивъ интеллигенцію, до мозга костей невѣрующую, грозитъ подъ влияніемъ ея заразить и весь нашъ ^=добрый русскій православный народъ...

О. Иванъ быстро обернулся.

-- Нашъ пострѣль вездѣ поспѣлъ... Ишь, распинается!

Ораторствовалъ о. Матвѣй въ толпѣ, образовавшейся у дивана.

На диванѣ, у стола съ чаемъ, недалеко отъ игравшихъ въ карты, сидѣлъ благочинный рядомъ съ депутатомъ.

Благочинный былъ плотный мужчина, смотрѣвшій старше своихъ лѣтъ, сильно посѣдѣвшій, съ немного опухшимъ лицомъ, умнымъ, но носившимъ слѣды какихъ-то тайныхъ заботъ и, быть можетъ, давнишнихъ печалей. Все время, когда слушалъ онъ собесѣдника, молчалъ или тихимъ голосомъ вставлялъ замѣчаніе, на лицѣ его играла благосклонная усмѣшка. Но иногда казалось, что эта усмѣшка была застывшей маской,-- и среди многочисленной толпы, всегда наполнявшей его комнаты, онъ самъ былъ гостемъ, не имѣвшимъ, возможности уйти, блуждавшимъ мыслью гдѣ-то далеко. Бывали моменты, когда онъ забывался. И тогда усмѣшка медленно сходила съ лица его: оно дѣлалось худымъ, утомленнымъ, строгимъ, а въ глазахъ сквозилъ оттѣнокъ безумія. Но тотчасъ же онъ слегка вздергивалъ бровями, усмѣшка приходила на свое привычное мѣсто и онъ спѣшилъ сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе, чтобы показать, что внимательно слушалъ. Порою въ церкви онъ такъ забывался, что ему приходилось напоминать время возгласа и тогда дьяконъ Сикеровъ на цыпочкахъ шель съ клироса въ алтарь и, слегка тронувъ его зарукавъ, шепталъ:

-- Владыко... Возглашеніе!

Въ благочиніи его очень любили, особенно низшій причтъ. Онъ улаживалъ самолично всѣ несогласія и какъ наблюдатель, много заботился о церковныхъ школахъ. Но говорили о его семейныхъ несогласіяхъ, благодушно упоминали о какой-то старой исторіи съ учительницей,-- исторіи, дошедшей даже до владыки, послѣ чего учительница была переведена въ отдаленный конецъ уѣзда и тамъ вскорѣ умерла. А онъ съ тѣхъ поръ сталъ выпивать и любилъ, когда его окружала компанія. Поэтому, время его поѣздокъ по благочинію было для духовенства временемъ нескончаемыхъ празднествъ и даже оргій, въ которыхъ самъ онъ принималъ участіе только въ качествѣ благосклонно-улыбающейся тѣни, особенно съ тѣхъ поръ, какъ послѣ одного громкаго крестьянскаго процесса застрѣлился его старшій сынъ, служившій въ Старомірскѣ товарищемъ прокурора.

Въ описываемый вечеръ привычная усмѣшка чаще исчезала съ лица его и всѣ замѣчали, что благочинный неспокоенъ и отчего-то сильно волнуется. Дьяконъ Сикеровъ, съ своей рыжей гривой, подслѣповатыми глазами и длинной козлиной бородой, всегда державшійся поблизости благочиннаго, какъ его секретарь и сослуживецъ, отмѣтилъ про себя, что ложка дрожала въ рукѣ благочиннаго, когда онъ мѣшалъ ею остывшій чай, глаза же съ беспокойствомъ незамѣтно слѣдили за сыномъ: ходилъ ли тотъ по комнатѣ, разговаривалъ ли. А когда сынъ уходилъ изъ комнаты, беспокойство благочиннаго возрастало.

Разговоръ шель о новости дня и потому мало-по-малу всѣ сгруппировались вокругъ дивана, даже о. Иванъ и унылый духовный подошли сюда, и только одинъ Широкозадовъ одиноко, какъ монументъ, еще возвышался въ полутьмѣ у стола съ закусками.

-- Воистину,-- вопіялъ о. Матвѣй:-- современный Іерусалимъ, сирѣчь церковь Христова, до нѣкоей степени какъ бы въ развалинахъ лежитъ. Гіены и шакалы бродятъ межъ стѣнъ, покрытыхъ мхомъ тысячелѣтій, скимны, обитающіе въ тайныхъ, роютъ норы въ бойницахъ и башняхъ, стараясь подкопать основанія. И

плачь Іереміи слышенъ далече... Ибо настали времена, когда врата адовы пытаются одолѣть церковь!.. Борьба между агнцемъ и дракономъ!

О. Матвѣй вскочилъ на любимаго конька и теперь несея на немъ безъ удержу, скакалъ, жестикулируя по пустынямъ безбожія, среди развалинъ вѣры, но скакалъ самоувѣренно, безъ страха и сомнѣній, въ широкораспахнутыя врата, за которыми видѣлись ему строгія очертанія "царства ѳеократіи". Наступило, по его словамъ, время "изжененія плевель", всесоженія сорныхъ травъ, куколя и волчца, заглушившихъ "ниву Божію".

-- Ибо что видимъ окрестъ и всесторонне?-- вопрошалъ онъ, взмахивая тоненькими ручками и строго морща маленькое личико:-- интеллигенція эта тамъ... такъ называемая... свѣтскій классъ... Атеизмъ чистой крови вольтеровскій, а въ лучшемъ случаѣ безформенный пантеизмъ -- вотъ ея религія! Толстовцы... Соціалисты, анархисты... отрицатели брака, собственности и государственности! на мѣсто Бога Боговъ, Творца и Зиждителя вселенной, они ставятъ себѣ, какъ истые язычники... кого? Сумасшедшаго философа Ницше или какого-нибудь разрушителя политическихъ устоевъ, вродѣ нѣмецкаго еврея Маркса.

О. Иванъ почувствовалъ на себѣ взглядъ Павлы Григорьевны. Онъ уже не первый разъ за этотъ вечеръ встрѣчалъ ея упорный и пристальный взглядъ, безпокойный и ищущій, съ какимъ-то новымъ для него выраженіемъ, которое и пугало и привлекало его и приводило въ недоумѣніе. И какъ только онъ встрѣчалъ этотъ взглядъ, словно что-то выросло въ его груди, туманомъ обволакивало предметы и онъ смущенно и подозрительно косился на сосѣдей.

Между тѣмъ о. Матвѣй былъ уже далеко и скакалъ на своемъ конькѣ по чужимъ владѣніямъ, при напряженномъ вниманіи слушателей.

-- Вотъ во Франціи духовенство гонять. Конечно, то -- черная католическая рать. А все же сказывается и въ семь безумная дерзость интеллигентовъ и невѣровъ. Забыты историческія заслуги. Служители Бога, носители правды его, изгоняются изъ школъ, крестъ выносятся изъ судовъ!

Онъ въ фанатическомъ жестѣ вытянулъ руку.

-- И будетъ храмъ ихъ пусть! Это знаменіе времени, признакъ, что Антихристъ воздвигъ главу свою! Но то въ чужой, полуязыческой державѣ творится! А что же наши суетумцы? Тотчасъ откликаются! Возвышаютъ главы свои, воздвигаютъ гоненіе на церковную школу! Слышали, читали, какъ тверское земство отличилось? Да и оно ли одно! Но... съ Богомъ шулки плохи! И тверское земство испытало это на себѣ... И Франція испытаетъ! Ибо, какъ ни силенъ будетъ Антихристъ, но надлежитъ ему быть связану и побѣждену! Силенъ Богъ нашъ!

-- Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ!-- задумчиво сказалъ о. Сильвестръ, тихо барабаня по столу пальцами.

Дьяконъ Сикеровъ убѣжденно докончилъ;

-- Ты еси Богъ, творяя чудеса.

Но тутъ внезапно и какъ-то испуганно икнулъ о. Ѳаворскій, точно его смутило такое настойчивое упоминаніе о Божествѣ, котораго въ душѣ онъ очень боялся.

Всѣ засмѣялись.

-- Должно-быть, батюшка хотѣлъ сказать "аминь", да не вышло! -- пришелъ на помощь къ Ѳаворскому Зигзагинскій...

-- Не ври!-- сказалъ Ѳаворскій:-- это въ утробѣ моей ромъ о пирогъ спотыкнулся...

О. Иванъ взглянулъ на водянистую фигуру Ѳаворскаго, и опять встрѣтился со взглядомъ Павлы Григорьевны. Какимъ-то темнымъ взглядомъ она смотрѣла на него, отъ котораго вся кровь прилила ему къ лицу, а сердце точно оторвалось и покатилося. Точно его одного она и въ комнатѣ видѣла. Онъ вздохнулъ и тяжело отвелъ глаза. Безпокойное предчувствіе охватило его, тяжелая, медленная мысль, какъ туманомъ, стала заволакивать сознаніе.

-- Да чего она... ровно я... убилъ кого...

О. Матвѣй, поощряемый вниманіемъ слушателей, уже докапывался до самыхъ основаній взрывалъ

фундаменты и скакаль на головокружительныя высоты, съ фанатическимъ блескомъ глазъ вскидывая руки, точно вызывая на борьбу кого-то ненавистнаго.

-- Православіе! Самодержавіе! Народность! Вотъ три краеугольныхъ камня нашей жизни! И изъ нихъ первый -- православіе! Ибо кто собралъ Русь во едино стадо и создалъ самодержавіе? Оно! Кто совокупилъ разнообразныя племена во едину народность? Оно! Русь всегда была Русью православной церковности, и въ этомъ ея сила, ея слава, ея святость, ея превосходство передъ другими народами! Непобѣдима и крѣпка была она для враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, пока монастыри были ея свѣтильниками, пока горѣли въ ней солнца вѣры такія, какъ патріархи! Всегда заря истиннаго образованія, источника вѣры и силы, исходила изъ школъ церковныхъ. И вотъ повторяю... привѣтствую я это намѣреніе высшаго правительства передать намъ школы! Онѣ принадлежать намъ по историческому праву! Не только низшія школы... гимназіи и университеты слѣдовало бы отдать въ наши руки, подъ нашъ надзоръ...

-- Позвольте!-- внезапно раздался рѣзкій, ироническій голосъ:-- вы отъ лица духовенства говорите или за себя?

О. Матвѣй обернулся.

Прислонясь къ печкѣ, стоялъ студентъ и, слегка раскачиваясь, терся спиною о печку и говорилъ:

-- Если отъ лица духовенства, то я увѣренъ, что духовенство въ лучшей части своей само откажется отъ вашихъ словъ; если за себя, то такія рѣчи возмутительны въ устахъ священника! Вы порочите лучшихъ людей страны, вы пытаетесь отнять у нихъ то, что они добыли потомъ и кровью, что они въ тяжелой борьбѣ создавали, въ то время, какъ вы собирали калачи и кокурки съ тѣхъ бѣдныхъ рабовъ, которыхъ сами же величаете овцами...

Онъ злобно вспыхнулъ отъ собственныхъ словъ:

-- Вы самозванцы, вы обманщики!! Для чего вы протягиваете ваши рабскія руки къ школамъ? Чему вы можете учить народъ? Цѣпи умственнаго рабства вы называете небесной Истиной, вѣчную подлую Ложь жизни -- высшей Правдой!

О. Матвѣй взъерошился и визгливо закричалъ:

-- Позво-льте!!!

-- Митя! Митя! -- безпокойно звалъ благочинный: -- я тебя просиль... опять ты...

Онъ привсталъ съ дивана и пролилъ стаканъ, задѣвши его рукою.

-- Да не могу же я, папаша!-- вскричалъ студентъ, рѣзкимъ жестомъ разведя руками:-- на такія рѣчи молчать позорно!

О. Матвѣй наступалъ на него:

-- Позвольте!!

Но тутъ и въ духовенствѣ разыгрались страсти. Точно вихрь ворвался въ толпу духовныхъ, рукава ихъ заболтались и сами они всѣ точно закружились.

-- Вѣрно, вѣрно!-- кричали молодые:-- мы не солидарны съ такими взглядами!

-- Это фанатично!

-- Мы дѣлаемъ свое дѣло, а свѣтскіе люди свое! Мы сами оттолкнули отъ себя интеллигенцію нетерпимостью.

-- Но какіе же, однако, мы обманщики?

-- Позвольте! Позвольте!

-- О. Савелій! Не горячитесь!

-- Правда, о. Матвѣй!

Тутъ всталъ о. Ѳаворскій и сказалъ:

-- То, что отнято, должно быть возвращено! Это истинная правда! А то, что мы обманщики, это... это... это съ вашей стороны, Димитрій Викторовичъ, нехорошо... и неблаговидно-съ! Ибо и сами вы происходите, такъ сказать, отъ... іессеевъ-съ!.. Странно мнѣ слышать ваши словеса въ семь домѣ, искони благочестивомъ...

О. Иванъ съ интересомъ ждалъ продолженія сцены.

"Завель Матвѣй кашу!" -- думалъ онъ.

Но въ это время кто-то тихо дотронулся до его локтя. Онъ почему-то сильно вздрогнулъ и обернулся.

Павлинька звала его взглядомъ за собою.

Онъ покорно пошелъ за нею.

Прошелъ прихожую, вышелъ въ темныя сѣни, гдѣ черная собака ткнула его мордой, обнюхивая. Павлинька скользнула куда-то за дощатыя дверцы, и онъ проникъ слѣдомъ за ней.

Тутъ былъ чуланъ.

Въ немъ, повидимому, кто-то обиталъ, потому что въ углу на доскахъ примостилась грязная перина, а рядомъ на широкомъ и старомъ красномъ сундукѣ стоялъ неуклюжій деревянный фонарь, сквозь разбитыя стекла котораго, мигая, свѣтилъ сальный огарокъ. По стѣнамъ на полкахъ лежали рѣшетья съ яйцами, была навалена грудями шерсть и стояли широкобокіе кувшины, точно прыгавшіе въ колеблющемся свѣтѣ огарка. Пахло затхлостью и съѣстнымъ, особенно рѣзокъ былъ запахъ ветчины. Въ оконце подъ крышею сквозь паутину смотрѣла ночь.

-- Ты чего секретничать вздумала? -- спросилъ о Иванъ.

Павлинька смотрѣла на него снизу вверхъ, близко ставъ къ нему, и молчала. Дрожащій свѣтъ огарка обливалъ ее игрой свѣта и тѣней. Взглядъ ея былъ тотъ же темный и ищущій, что такъ пугалъ и привлекалъ его. И въ этомъ полусумракѣ онъ точно въ первый разъ увидалъ ее: пышную грудь, блестящіе глаза, милый и нѣжный овалъ лица,

Легкая, но острая игла коснулась его сердца щемящей отравой.

Онъ слегка отодвинулся.

-- Ну?

Она порывисто, но какъ во снѣ, двинулась къ нему.

-- Позволь мнѣ...

-- Ну?-- повторилъ онъ, чувствуя приливъ странной слабости.

-- Я такъ... такъ тебя... Такъ уважаю тебя! Позволь мнѣ... отъ всей души... поцѣловать тебя!

-- Чего вздумала!-- хотѣлъ онъ сказать. Но сказалъ:

-- Что жъ... ну!

Слегка вскрикнувъ, она приподнялась, крѣпко охватила его шею руками и впиалась въ губы ему страстнымъ, долгимъ, точно давно жданнымъ, жаднымъ поцѣлуемъ.

-- Я не могу... больше не могу!-- задыхалась она у него на груди:-- я тебя... любить хочу! Я... тебя... люблю тебя! Герой! Ты... герой!

И точно слиться она съ нимъ хотѣла, раствориться въ немъ, взять къ себѣ часть мощи его и стать торжествующей, побѣдоносной, сильной.

И эта живая страсть, недостававшая ему, ударила въ него, какъ электрической токъ, дохнула на него огненнымъ дыханьемъ, опалила, сожгла всѣ его мысли, предчувствія, сомнѣнья, его прошлое и настоящее: міръ ликующей и зовущей необъятности раскрылся передъ нимъ, точно взвивалась съ шумомъ какая-то черная завѣса и свѣтъ ослѣпилъ его. Все тайное, жившее въ немъ безсознательно, все его чувство къ ней ударило ему въ голову, точно шумнымъ пламенемъ опалило его. Онъ вздохнулъ, охватилъ ее, извивающуюся, страстно-плачущую, какъ медвѣдь сжалъ въ объятяхъ, цѣловалъ ея дрожащія губы, пилъ ея слезы.

-- Уйдемъ! Уйдемъ!-- шептала она.

-- Уйдемъ!-- повторялъ онъ за нею въ полубезпамятствѣ.

Не было времени, казалось ему, когда бы онъ не любилъ ее.

-- Ты сильный... сильный! -- страстно повторяла она:-- уйдемъ... оставь все! мы здѣсь чужіе! И ты... и я!!

-- И я!-- повторялъ онъ, какъ эхо.

-- Мы создадимъ лучшую жизнь! Мы сумѣемъ создать! Почему должны мы задыхаться? Почему? Развѣ ты не задыхаешься подъ нею? Развѣ ты не желаешь сбросить ее?

-- Кого?!-- съ смутнымъ испугомъ спросилъ онъ.

-- Рясу!!

Онъ вспомнилъ и очнулся.

Поблѣднѣлъ и оттолкнулъ ее.

Все его прошлое возмутилось въ немъ.

-- Пусти! Ты съ ума сошла! Позабыла, кто я и кто ты сама!

И онъ бросилъ ей слово, подсказанное ему въ этотъ мигъ всѣмъ его кастовымъ прошлымъ:

-- Вавилонянка!

Какъ сонный, съ трясущимися руками, прошелъ онъ въ залу и быстро сталъ ходить по свободному пространству, не замѣчая, что тутъ разыгрывается скандалъ.

У стола съ картами оставили игру.

Благочинный стоялъ съ протянутыми руками, безсильно убѣждая:

-- Митя! Митя!

Сынъ не слушалъ отда.

Нѣтъ, нѣтъ, онъ не можетъ молчать, онъ долженъ, онъ обязанъ сказать имъ въ глаза всю горькую правду.

-- Новый общественный строй смететъ васъ съ лица земли,-- бѣшено кричалъ онъ, указывая въ упоръ главнымъ образомъ на о. Матвѣя.-- Только въ исторіи останется черная страница! Вы не соль... вы грязь земли! Вы говорите о культуркампфѣ во Франціи, проводите параллель между собою и западнымъ духовенствомъ... Вы не имѣете права на эту параллель! Западное духовенство культурно, просвѣщено, образовано! Оно, въ лицѣ католическаго духовенства, создало науку, искусство, литературу, положило первое основаніе современной гражданственности, цивилизаціи! Это -- величайшія заслуги! А какія заслуги у васъ?! Чѣмъ можете гордиться вы? Тѣмъ унижительнымъ положеніемъ, которое занимаете въ теченіе вѣковъ, состоя на службѣ сильнаго противъ слабого и угнетеннаго, забывъ долгъ и традиціи апостольскія, элементарную честь и совѣсть!

-- Да это что же такое!-- взмахивалъ ручками и почти подпрыгивалъ о. Матвѣй въ необузданномъ гнѣвѣ:-- вѣдь это колебаніе самыхъ божественныхъ устоевъ жизни... Это святотатство!

-- Митя! Прошу тебя!-- взывалъ благочинный.

-- Димитрій Викторычъ! Вы же сами духовный!-- сказалъ, шевеля бровями, о. Сильвестръ.

Студентъ гнѣвно и страстно обернулся къ нему.

-- А вы думаете, мнѣ не больно говорить все это? Мнѣ больно!.. Во мнѣ ваша кровь течетъ... наслѣдственная, во мнѣ говорить голосъ вашихъ же предковъ, вашихъ дальнихъ предковъ, которые выводили народы изъ земли рабства, царямъ въ глаза говорили правду, темницъ не боялись! Но гдѣ, гдѣ у васъ божественно-гордый духъ вашихъ предковъ?! Гдѣ ваша соль?!

Голосъ его сталъ груднымъ, онъ точно задыхался.

-- На ваши умъ и совѣсть надѣты цѣпи! И вы ихъ цѣлуете! Вы гнете ваши безсильныя колѣни передъ

тюремщиками!

-- Димитрій Викторычъ! Позвольте...

-- Вы -- рабы!! И хотите сдѣлать другихъ рабами! Но нельзя, говорю я вамъ, угашать духъ до безконечности! Онъ проснется... Онъ уже проснулся, духъ протеста, свободный, гордый духъ побѣдоноснаго разума... И спадутъ съ него, звеня, ваши ржавыя цѣпи!! Придутъ свободные проповѣдники Правды... А вы уйдете во тьму...

-- Нѣтъ! Это ужъ что же такое, о. благочинный!-- почти завизжалъ о. Матвѣй при общемъ ропотѣ духовныхъ:-- это рѣчи, достойныя такого еретика и врага Св. Церкви, какъ Толстой!

Студентъ порывисто кинулся къ столу и налилъ себѣ вина.

-- Предлагаю этотъ тостъ... за Льва Толстого!!

Точно бомбу бросили среди духовныхъ.

Въ залѣ поднялся ропотъ, шумъ, крикъ.

О. Ѡаворскій бросилъ на столъ карты и заявилъ, что онъ уѣдетъ. Гдѣ такъ поносятъ духовенство, онъ, какъ священникъ и, кромѣ того, духовный слѣдователь, не можетъ находиться! Благочинный то искалъ глазами исчезнувшаго сына, бормоча:-- "Митя, Митя! Можно ли такъ!", то упрашивалъ о. Павла остаться и не обращать вниманія.

-- Молодежь! -- говорилъ онъ:-- намъ, старикамъ, ужъ извинять ихъ приходится!

Но о. Павелъ только взбѣленился отъ этихъ словъ.

-- Во-первыхъ, какой же онъ старикъ!

Тутъ ужъ взволнованный шумъ перешелъ въ смѣхъ и хохотъ. Дьяконъ Ивановскій изгибался отъ хохота и бормоталъ, перебѣгая отъ одного къ другому:

-- Онъ не старикъ! Хи-хи! Это вѣрно! На это есть много свидѣтелей! Особенно въ его приходѣ...

-- Смолкни!-- угрюмо оборвалъ его дьяконъ Сикеровъ.

-- Братіе!-- умолялъ благочинный,-- оставимъ распри и раздоры! Прошу отцовъ къ столу!

-- Идѣже пребываютъ выпивоны съ закусонами,-- пробасилъ Сикеровъ.

А Ѡаворскій добавилъ при общемъ смѣхѣ:

-- За толстаго Павла выпить не возбраняется?

Всѣ потянулись къ столу.

Х.

Ночь была душная и сырая.

Что-то черное, зловѣщее, казалось, нависло надъ землею. Тучи все еще брели по небу одинокими фигурами, тяжелыя и усталыя, не давая больше дождя землѣ. Отъ земли влага поднималась къ нимъ душной мглюю.

Старый домъ благочиннаго спалъ.

По его биткомъ набитымъ комнатамъ раздавались шумные вздохи, стоны, бормотанье, точно, пользуясь сномъ людей, ожилъ домъ и тосковалъ отъ своихъ воспоминаній.

О. Иванъ спалъ въ комнатѣ студента, маленькой комнатѣ, съ окномъ во дворъ. Онъ проснулся съ крикомъ, весь въ поту; поднявшись, дико озирался, не понимая, гдѣ онъ. Потянувшись къ окну, онъ облокотился на подоконникъ и выставилъ голову на воздухъ. Кошмаръ еще владѣлъ имъ. Что-то горячее, густое, казалось ему, переливалось въ его жилахъ и, какъ свинеи́гъ, тяготило голову. Съ трудомъ возвращалось къ нему

чувство дѣйствительности, и онъ вспомнилъ, что находится у благочиннаго, узнавши бѣлѣвшіе въ темнотѣ каменные сараи. Постепенно ему приходило на память, какъ вчера онъ излишне усердствовалъ у стола и потомъ бродилъ по спящей ярмарочной площади, среди неподвижныхъ телѣгъ и молчаливыхъ балагановъ, точно хотѣлъ куда-то спрятаться самъ отъ себя; измученный, усталый, вернулся уже въ спящій домъ и бросился на разостланную по полу кошму, стараясь забыться отъ мыслей и заснуть. Какъ сквозь бредъ помнилъ онъ, что студентъ лежалъ, одѣтый въ свою куртку, въ сапогахъ, будто и не имѣлъ обыкновенія раздѣваться на ночь; лежалъ неподвижно, не шевелясь, застывшій, какъ трупъ, но не спалъ, потому что безшумно вставалъ иногда, подходилъ, какъ тѣнь, къ окну и къ чему-то присматривался. И помнилось, или приснилось это о. Ивану, что раза два безшумно отворялась дверь и въ нее осторожно вставлялась голова благочиннаго и его блѣдное лицо осматривало комнату. Онъ даже шепталъ имя сына. Какая-то тоска и ужасъ звучали въ его шопотѣ. Но сынъ не отзывался. Потомъ все исчезло передъ о. Иваномъ.

Всѣ шепчущіе звуки ночи потонули въ сонной тьмѣ.

Ему снилось, что въ сумракѣ утра онъ идетъ съ крестнымъ ходомъ, ири отдаленномъ звонѣ колоколовъ, къ широкой свѣтлой рѣкѣ, названіе которой давно позабылъ онъ. Ему жутко и страшно, что онъ забылъ названіе. Онъ долженъ вспомнить его! Онъ силится вспомнить, а люди ждутъ и ропщутъ. И этотъ ропотъ растетъ и бѣжитъ на него, грозитъ ему. И вдругъ изъ тихихъ водъ рѣки всплываетъ женщина... Она манитъ его къ себѣ, говоритъ что-то, непонятное, точно на чужомъ языкѣ. Внезапно онъ разбираетъ одно только слово:

-- Уйдемъ!

Ужасъ и радость охватываютъ его...

Онъ силится крикнуть ей что-то большое, сильное, что сразу разрѣшитъ всѣ сомнѣнья, но языкъ его связанъ, и едва возникшая мысль расплывается, и крикъ его ужасень.

Отъ этого крика онъ и проснулся.

И теперь, куда бы ни повелъ онъ воспаленными глазами, передъ нимъ стояла эта бѣлая фигура сна, и онъ хорошо зналъ, кто она такая: у нея было лицо Павлиньки, ея взглядъ, зовущій и ищущій.

О. Иванъ вздохнулъ шумно, какъ вздыхаютъ ночью лошади на лугу.

-- На-вож-деніе!

Онъ круто мотнулъ головой и сталъ по столу шарить шляпу, стараясь дѣлать это тише, чтобы не потревожить студента. Но споткнувшись объ одѣяло на полу, съ удивленіемъ замѣтилъ, что на кровати никого нѣтъ. Тогда внезапно вспомнилъ онъ призывный свистъ въ окно, и теперь по-своему истолковалъ его, опять испустивъ тяжелый вздохъ:

-- О, Господи... Плоти окаянство... всюду, всюду!

Онъ прошелъ въ сѣни, осторожно ступая черезъ спящія фигуры и, выйдя на дворовое крыльцо, тяжело и грузно опустился на ступени.

Въ виски его билась кровь.

Сырая мгла, нѣмая и неподвижная, не приносила облегченія: онъ вдыхалъ вмѣстѣ съ нею что-то расслабляющее, кошмарное, точно весь міръ бредилъ вмѣстѣ съ нимъ предразсвѣтнымъ бредомъ. Очертанія строеній казались ему странными, пугающими: неоживляемые дневнымъ движеніемъ, эти амбары, бани, каретники казались мертвыми ящиками, особой формы гробами, выросшими изъ земли и мѣшающими жить. Обширный, приземистый домъ, молчаливый, черный, изъ котораго временами выплывали стонущіе звуки, точно вздохи самоубійцы-сына, покончившаго жизнь свою въ одной изъ его комнатъ, былъ точно придавленъ и въ то же время давилъ самъ, какъ темничныя стѣны.

И передъ глазами о. Ивана все двигалась бѣлая фигура сна и все кричала свое:

-- Уйдемъ!..

Разстегнувши подрясникъ, снявъ шляпу, о. Иванъ, полураскрывши ротъ, дышалъ, какъ усталый, смотря въ небо.

Звѣзды тускло блестяли въ одиночку здѣсь и тамъ немигающими очами. Медленно, какъ тяжелыми вѣтками, закрывались онѣ тучами, чтобы потомъ опять открыться и неподвижно глядѣть, точно съ неба склонялось надъ землю чье-то печальное лицо.

Позади скрипнула дверь.

О. Иванъ обернулся.

На него смотрѣло блѣдное лицо благочиннаго.

-- Это вы, о. Иванъ?-- шепталъ благочинный: -- а я сейчасъ былъ у васъ въ комнатѣ. Не видали ли Митю? Мнѣ подумалось, вы вмѣстѣ ушли...

Онъ вышелъ на крыльцо и, казалось, не ждалъ отвѣта.

О. Иванъ чувствовалъ непонятную ему огромную тревогу въ шопотѣ и словахъ благочиннаго. И потому, помолчавъ, сказалъ:

-- Молодая кровь!

Благочинный уныло проговорилъ полушопотомъ:

-- Не то!

Онъ стоялъ и молчалъ, точно чутко прислушиваясь къ чемуто. Гдѣ-то вздохнула лошадь. Гдѣ-то сонно гагакнулъ гусь. Въ воздухѣ безшумно метнулась ночная птица и потонула во тьмѣ.

Благочинный опустился на крыльцо рядомъ съ о. Иваномъ.

-- Вотъ хожу... не сплю!-- заговорилъ онъ полушопотомъ, точно боясь разбудить таинственные закоулки молчащаго дома:-- ахъ, дѣти, дѣти!

-- Да о чемъ вы такъ беспокоитесь?-- проговорилъ о. Иванъ:-- молодой человѣкъ... извѣстно...

-- Когда Михаилу застрѣлиться,-- отвѣчалъ благочинный болѣе на свои мысли, чѣмъ слова о. Ивана:-- у меня было предчувствіе... какъ пріѣхалъ онъ, какъ взглянулъ я на его блѣдное лицо, какъ услышалъ я его первыя слова: "папаша, говорить, я къ вамъ отдохнуть... а можетъ быть, и совсѣмъ пріѣхалъ"... Такъ я точно черную яму увидалъ передъ собой... И какъ сталъ онъ говорить объ измѣнѣ, и о томъ, что человѣкъ подль и слабъ, и что онъ самъ убійца! Я ночей не спалъ... и точно все укараулить что-то хотѣлъ... И не укараулил!

Онъ помолчалъ

-- Вотъ и теперь... Что-то есть, что-то повисло надо мной... ужасное! Я ужъ чувствую... вижу!

-- Да что?-- удивленно посмотрѣлъ о. Иванъ.

-- Кабы зналъ я... Михаилъ былъ сосредоточенный человѣкъ... А Митя горячъ, несдержанъ, упрямъ... Боюсь я! Такое смутное время теперь... Вотъ... куда-то ходить... Молчать... А говорить начнетъ... все больное, раздраженное! А слухи нынче обо всемъ... такіе непріятные слухи... Вотъ и Ивановскій на что-то намекалъ...

-- Нашли кого слушать!-- разсмѣялся насмѣшливо о. Иванъ: -- стрекоза!

Благочинный поднялся.

-- А можетъ онъ въ каретникъ спать ушелъ... Въ дому-то душно! Посмотрю пойду.

Безшумной походкой онъ пошелъ къ темнымъ строеньямъ, точно черное, тоскующее привидѣніе, шгутающее среди построекъ, похожихъ на гробы.

О. Иванъ вышелъ за ворота.

Мимо бѣлѣющей церкви, черезъ ярмарку, напоминающую гигантскій таборъ, онъ вышелъ на луговую дорогу и быстро зашагалъ по ней, точно стараясь убѣжать отъ собственныхъ мыслей. Но эти безпокойныя мысли снова захватили его въ свою крѣпкую власть, сильнѣе, чѣмъ вчера, когда блуждалъ онъ во тьмѣ, какъ оглушенный, мучили его тяжелѣе, чѣмъ кошмарный сонъ. Въ головѣ его точно вставали волны прибоя. Снова буря бушевала въ немъ, такая же, какъ вчера на рѣкѣ, когда онъ такъ смѣло бросился въ мутную кипящую бездну и радовался борьбѣ съ нею. Но отъ этой внутренней бури онъ изнемогалъ. Вихрь снесъ и смялъ

призрачное спокойствіе жизни его, и душа его открыла свои туманные очи, чтобы ужаснуться тому, что увидѣла. Его чувства были опредѣленны, но его мысли были лабиринтомъ безъ выхода. Теперь въ немъ боролись человѣкъ и священникъ на туманномъ лугу сознанія. И борьба ихъ заключалась въ томъ, что человѣкъ съ безумнымъ крикомъ страсти вставалъ во весь ростъ свой и тотчасъ падалъ, а священникъ все время молился о немъ, путая слова молитвы, мѣшая ихъ со слезами, молился о томъ, чтобы побѣдить человѣка,-- чтобы человѣкъ навѣкъ замолкъ, идя пробитой для него кѣмъ-то въ жизни тропею, подъ грозящимъ небомъ, по землѣ, ждущей его, чтобы превратить въ ничтожный прахъ то, что и при жизни было мертвымъ прахомъ. Человѣкъ задыхался, захлебывался, какъ подстрѣленный вставалъ и кричалъ:

-- Да развѣ я хотѣлъ?! Это ложь! Это неправда! Когда я надѣвалъ на себя рясу, я радовался только тому, чего не понималъ, а отъ того, что понималъ, я плакалъ! Почему же я не могу сбросить ее, когда хочу, почему я долженъ жить, какъ въ могилѣ, когда вся душа моя рвется навстрѣчу свѣту новой, вольной жизни?.. Почему эта новая жизнь грѣшна?! Хотѣлъ бы я знать! Все это ложь!

А священникъ кротко говорилъ, вздыхая:

-- Иване! Иване! Вскую мятешишься... На тебѣ почиваетъ благодать Духа Святаго... Развѣ ее можно отбросить, какъ тряпку? Это хула на Духа, грѣхъ непрощаемый! Неужели ты измѣнишь объѣту, данному самому Богу?.. И для чего? Какую новую жизнь найдешь ты, клятвopреступникъ! Развѣ совѣсть не замучитъ тебя,-- не отравитъ каждую твою преступную радость? Да, да... преступную! Потому что, забывъ жену и дочь, на кого ты любострастно взираешь? Окаянство плоти говоритъ въ тебѣ... Подави... убей ее! Аще око твое смущаетъ тя, изми его...

И на сторонѣ священника была мудрость поколѣній, сила устоевъ, крѣпость текстов., На сторонѣ человѣка -- только ужасъ жизни и любовь его. И человѣкъ не зналъ, какой новой жизни онъ хочетъ. Онъ представлялъ ее себѣ вольной, какъ степь, свѣтлой, какъ зорю, но безъ опредѣленныхъ очертаній. А священникъ зналъ опредѣленно свой путь и увлекалъ по нему человѣка.

О. Иванъ обезсилѣлъ отъ этой борьбы.

Онъ шумно вздохнулъ, озираясь, какъ сонный.

-- Хоть бы искупаться.

Ужъ занималась заря. Звѣзды погасли.

Точно блѣдная улыбка шла по небу. Тучи ушли безъ остатка, небо стало совершенно чистое. Съ луговъ легкой дымкой поднимался туманъ. Оставляя темные слѣды въ мокрой густой травѣ, о. Иванъ прошелъ къ рѣкѣ и, раздѣвшись, съ шумомъ бросился въ воду, точно упало въ нее столѣтнее дерево.

Рѣчка была тихая, почти вровень съ берегами, заросшая густой зарослью камыша, среди котораго тамъ и сямъ блестяли омуты своею серебристой гладью.

О. Иванъ сидѣлъ въ холодной водѣ, ногою отыскивая, гдѣ бьютъ ледяные родники, погружался съ головою, такъ что на поверхности волосы его плавали какъ водоросли; блаженно отфыркивался, заставляя въ камышахъ испуганно возиться и крикать утокъ. Большая рыба задѣла ему ногу. Онъ хотѣлъ поймать ее и отъ быстрого движенія нырнулъ и глотнулъ воды.

И тотчасъ ему стало весело.

Одѣваясь, онъ чувствовалъ потоки силы, забродившей въ жилахъ.

Ему захотѣлось жить... жить... Идти быстро по росистымъ лугамъ, навстрѣчу зарѣ, пѣть, кричаиь... Набравши въ грудь воздуху, онъ загоготалъ во всѣ легкія:

-- Ого-о-о... Уй-йде-е-емь!..

И самъ испугался.

-- Иване, Иване!-- бормоталъ онъ, залѣзая въ бѣлые панталоны и возвышаясь на туманномъ берегу, какъ привидѣніе:-- до чего ты дожилъ, что ты дѣлаешь, о. Иване!

И засмѣялся, поймавъ себя на пародіи извѣстной проповѣди, а также сообразивъ, что ничего преступнаго онъ въ данный моментъ не дѣлаеть.

А въ лугахъ далеко гдѣ-то, у горнаго ущелья, откликнулось ему эхо зовущимъ крикомъ.

-- Уй-де-е-емь!!.

Онъ быстро зашагалъ по лугу вдоль рѣчки.

Мысли его стали бодрѣе, увѣреннѣе.

Внезапно онъ остановился и прислушался.

Кто-то осторожно пробирался камышами.

Звуки были отчетливо слышны: шуршалъ камышъ, слегка бурлила вода у бортовъ, весло тихо, но звонко стучало.

-- Охотникъ, что ли, или рыболовъ?-- взглядывался о. Иванъ

Онъ зналъ, что эта камышистая рѣчка невдалекѣ впадала въ широкую Нобму. "Рыбакъ,-- подумалъ онъ,-- ѣздилъ въ ночное ставить на рѣкѣ перетяги". Уже вблизи, склоняясь, вздрагивали камыши, и сдержанный разговоръ достигъ его слуха.

-- Я съ тобою не согласенъ! -- говорилъ молодой голосъ,-- не понимаю этой медлительности! Не перевариваю! Когда-то, что-то... Разсудительность такая! Я понимаю натискъ, бурю!

-- Буря все можетъ... айда... жарь!-- отвѣчалъ другой голосъ: -- а потомъ что? Вспыхнетъ пламя, попадуть, погаснетъ... погаснетъ. Налетитъ вѣтеръ на пепель и развѣетъ его! Нѣтъ, я думаю такъ:-- вотъ растеть лѣсъ! Преть изъ земли сила несмѣтная, медленно... зато вѣрно! Боольшой лѣсъ! Сучками, корнями переплетется... и дотянется онъ до облаковъ... И заглянетъ, что тамъ, за облаками!

-- Жизнь шире твоей теоріи. Ты... какъ бы это сказать... догматизируешь ее! И получается что-то стоячее, омертвѣлое!

-- За-ачѣмъ! Я тебѣ силищу только представляю, когда она сообща, не зря, а по обдуманности, значить, по обоюдной... Поди-ка, постукай по такому лѣсу топорикомъ, когда онъ за облака-то заглянетъ... побѣгай съ плеточкой, съ нагаечкой вокругъ... Не-ебо-ось!

Голоса были очень знакомы о. Ивану, но разговоръ шель не громко, и онъ не могъ узнать разговаривавшихъ. Въ лодкѣ опять заговорили.

-- Чаль налѣво, къ берегу!

-- Тутъ луга!

-- Тѣмъ лучше. Укромное мѣсто... И камышъ тутъ густой. Лодку не видать, дорога сюда лознякомъ да шиповникомъ.

-- Это что говорить... И луга-то вѣдь у васъ прямо за амбарами начинаются... А тутъ только до Поѣмушки матушки добраться... Вотъ кричалъ только кто-то здѣсь...

-- Далекъ гдѣ-то. По зарѣ-то вѣдь разносится...

-- И то правда.

-- Причаливай, Алексѣй!

Лодка съ силою врѣзалась въ камыши.

О. Иванъ недоумѣвалъ надъ разговоромъ и съ интересомъ ждалъ, кто покажется изъ лодки. Къ его удивленію, изъ нея выскочилъ студентъ, а за нимъ тотъ мужикъ Алексѣй, который помогаль о. Ивану на паромѣ. Студентъ былъ въ высокихъ сапогахъ, въ синей блузѣ, перетянутой ремнемъ, поверхъ которой на плечи наброшена была тужурка. Онъ сбиль фуражку съ полинявшимъ околышемъ на затылокъ и, подпершись руками въ бока, отдувался однѣми губами, смотря на лодку.

-- Привяжи ее, Алексѣй, чтобы не видно было, и замѣтку сдѣлай. А на ружье травы набросай.

Алексѣй принялся привязывать лодку и вдругъ увидѣлъ о. Ивана.

-- Попъ!-- выпрямился онъ. И тотчасъ поправился:-- гнѣздовскій батюшка!

Студентъ быстро обернулся къ о. Ивану, посмотрѣлъ на него злымъ и темнымъ взглядомъ.

-- Что это вы, отче, спозаранку странствуете.

-- Купался.

И, продолжая недоумѣвать, о. Иванъ спрашивалъ:

-- А вы что это?

-- Да ничего...

-- Ужъ не на свиданье ли ѣздили?-- добродушно засмѣялся онъ.

Студентъ покраснѣлъ и опять зло посмотрѣлъ на него.

-- Я этимъ не занимаюсь!-- рѣзко сказалъ онъ.

О. Иванъ смущенно замолчалъ.

Поговоривъ что-то вполголоса съ Алексѣемъ, студентъ сказалъ громко:

-- Ну, спасибо, Алексѣй! Можетъ, еще вздумаю прокатиться, такъ не откажись. Заплачу, не безпокойся...

-- Благодарствуй...

Студентъ, снявъ фуражку по направленію къ о. Ивану, быстро зашагалъ въ туманъ и скрылся въ густой заросли дубняка. Но что-то было въ его разговорѣ съ Алексѣемъ иное, чѣмъ послѣднія слова, и о. Иванъ недоумѣвалъ, что ему вздумалось кататься ночью? Да и Алексѣй-то мужикъ не здѣшній... Или на охоту ѣздили? И чего онъ такъ обидѣлся на мои слова?

Онъ подошелъ къ Алексѣю.

-- Здравствуй.

Тотъ возился съ лодкой и хмуро отвѣчалъ, не оборачиваясь:

-- Здравствуй.

-- Что же это ты... такъ-то! Поздороваться-то какъ слѣдуетъ не хочешь!

-- А какъ еще надо?

-- Подъ благославенье бы, чай, слѣдовало... эхъ, ты!

Алексѣй выпрямился, посмотрѣлъ на священника, потомъ молча и медленно подошелъ подъ благословенье.

-- Куда это вы ѣздили?

-- Да такъ тутъ... ѣздили... Нужно было, слышь... въ одно мѣсто...

Алексѣй смотрѣлъ недружелюбно.

-- На охоту, что ли?-- допытывался батюшка.

-- Да, да!-- быстро сказалъ Алексѣй:-- на охоту!

-- Дай-ко ружье-то сюда! Дай, говорю... я посмотрю. Я вѣдь тоже когда-то охотникъ былъ... было время!

Алексѣй досталъ изъ лодки ружье. О. Иванъ приложилъ его къ плечу, прицѣлился въ лодку, въ дерево, въ зорю.

И опять на какую-то волю потянуло его.

-- Заряжено?

-- Заряжено.

-- Будь другомъ! Пойдемъ со мной... по болоту! Пострѣляемъ!

-- Да вишь ты... Разстрѣляли все... ни пороху, ни дробы...

-- Ну, что жь... Зарядъ въ ружье есть вѣдь?

Алексѣй ухмыльнулся въ щетинистые усы и сказалъ:

-- Да пойдёмъ, коль охота!

Они зашагали къ болоту. Заря разгоралась.

Она была блѣдна, какъ лицо больного послѣ сна. Отъ нея бѣжалъ легкій вѣтерокъ, еле слышное дыханье. Отъ вѣтерка уносился туманъ, разбиваясь въ клочья. Все вокругъ пропиталось блѣднымъ свѣтомъ, очертанія стали воздушными. А вдали надъ селомъ встала черная туча: крестьянки затопили печи.

-- Тише! Тише!-- шепталь о. Иванъ.

Онъ присѣлъ и заставилъ присѣсть Алексѣя: за камышомъ, совсѣмъ близко, гдѣ-то крякала утка, и по голосу ея слышно было, что она большая, и что она безпокоится. Теперь о. Иванъ былъ полонъ радости, потому что мысли его разсѣялись, какъ туманные клочья, и вмѣстѣ съ спокойствіемъ расло чувство воли, силы, наслажденія жизнью и тѣмъ запретнымъ, что онъ дѣлалъ сейчасъ.

-- Тише!

Утка все тревожнѣе крякала и чувствовалось, что она вытягиваетъ шею и паблюдаетъ чернымъ круглымъ глазомъ.

Гдѣ-то заржала лошадь, далеко по зарѣ раздавался тупой стукъ ея копытъ.

На селѣ орали пѣтухи.

Внезапно въ воздухѣ послышался шорохъ и свистъ крыльевъ.

Утка взлетѣла.

Большая, кряковная,-- она поднялась, вытянувъ шею, пронеслась высоко надъ камышомъ, сдѣлала огромный кругъ и теперь неслась вверху надъ болотомъ, тревожно крякая.

А за ней слѣдило дуло.

Внезапно ахнуло, казалось, болото; ему испуганно отозвались луга.

Туча перьевъ, пуху полетѣла въ воздухѣ, и утка со свистящимъ шумомъ упала близъ охотниковъ.

-- Ловко!-- заоралъ о. Иванъ, бросивъ ружье и бѣгомъ подбѣгая къ добычѣ.

И тотчасъ вскричалъ:

-- Это что значить?!

Утка была вдребезги разбита, разорвана, вся она представляла изъ себя одну сплошную, огромную рану.

-- Чѣмъ у тебя заряжено ружье?

Алексѣй смотрѣлъ угрюмо.

-- Слышь-ка! Вѣдь это не дробь... Чѣмъ же?

-- Свинцомъ...

-- Пулей!!

О. Иванъ широко раскрылъ глаза.

-- На кого же вы охотиться ѣздили?

-- Да такъ... бываетъ... что и лиса... и волкъ...

Смутныя опасенія благочиннаго вдругъ пришли на умъ о. Ивапу. Онъ пристально смотрѣлъ на Алексѣя. У того щетинистые усы вдругъ запрыгали отъ легкой усмѣшки, и на веснущатомъ лицѣ появился оттѣнокъ довѣрчивости.

-- Вчера мы съ тобой, батюшка, вмѣстѣ людей спасали,-- заговорилъ онъ.-- Я канатъ держалъ... и ты вѣрилъ мнѣ! А сегодня ты мнѣ не вѣришь... дурное думаешь! А выходитъ дѣло такъ дальше, что и я тебѣ не вѣрю!

Есть слухъ промежду мужиковъ, что ты хорошій человекъ,-- такъ лучше я тебѣ правду скажу! Есть у насъ съ Димитрій Викторовичемъ дѣльце одно... по тайности одно дѣльце... промежь себя! Можетъ мы на волковъ капканы ставили, можетъ лись сторожили... а можетъ иное что... хто знать! Только тебя не звали, ты самъ пришелъ, и видѣлъ... Коли ты не слѣдователь, зачѣмъ тебѣ знать?

-- Красно говоришь!

Алексѣй смотрѣлъ на него смѣющимися глазами.

-- Красно, да не страшно! Кабы страшно, говорить бы не сталъ! Я вѣдь не болтливый... Что и видѣлъ, никому не скажу! Худому человекъ и хорошее слово скажешь,-- на худое повернетъ...

-- Понимаю, понимаю... Не разжевывай!

Алексѣй отвелъ глаза и посмотрѣлъ на зорю.

-- Какія нынѣшнимъ лѣтомъ, батюшка, зори хорошія! Подумаешь, и жалко станеть, что подъ такими зорями такъ худо люди живутъ...

-- А худо, Алексѣй?

-- Худо, батюшка.

О. Иванъ пронизательно смотрѣлъ на него.

-- Ты не сектантъ, Алексѣй?

Тотъ засмѣялся.

-- Почему ты думаешь такъ? Вѣдь у тебя же я сейчасъ благословлялся!

-- Да это что! На мужика-то ты какъ-то... ровно не похожъ. И говоришь складно... не по-мужичьему!

-- По землѣ бродилъ... видѣлъ много! Вѣдь я изгнанникъ, широкозадовскій! Людей много видѣлъ... хорошихъ людей. По заводамъ живаль... Читаль много... Хорошая книга, батюшка, какъ на гору вводитъ. Смотришь... весь міръ на ладони! И въ головѣ точно растеть что... большое, сильное! И тѣсно въ жизни становится... на волю охота, на большую волю... И складныя мысли въ головѣ растутъ... большія мысли... И все видишь по-новому! Кабы можно было, батюшка, всѣмъ людямъ хорошія книги читать, свободно съ хорошими людьми по душѣ разговаривать, безъ опаски, люди поняли бы другъ друга и свою худую жизнь... и жизнь бы стала большая, привольная... И будетъ когда-нибудь такое время!

О. Иванъ задумчиво смотрѣлъ на него.

-- Будеть ли, Алексѣй?

Тотъ съ какимъ-то упорнымъ выраженіемъ пролзнесъ:

-- Будеть, батюшка!

И тотчасъ заторопился.

-- Мнѣ пора! Прощай!

-- Прощай, Алексѣй!

Алексѣй пошелъ было, но вдругъ вернулся.

-- Батюшка!

-- Что скажешь?

-- Ежели тамъ что... можетъ такое... случится что-нибудь...

-- Что случится?

-- Ну, тамъ... всякое случается! Случится не случится... Не говори, что лодку видѣлъ!

О. Иванъ опять хотѣлъ спросить:

-- Почему?!

Но засмѣлся:

-- Ладно, ладно! Я вѣдь тоже не болтливъ!

Алексѣй повернулся и зашагалъ по болоту.

О. Иванъ смотрѣлъ ему вслѣдъ и думалъ, что жизнь полна загадками. Все въ какомъ-то новомъ свѣтѣ представлялось ему, и онъ удивлялся тѣмъ новымъ мыслямъ о волѣ, о какой-то влекущей свободѣ и иной жизни, которыя возникали въ головѣ его. Все вокругъ него стремилось куда-то, рвалось, металось, и онъ самъ поддавался этбму вѣянью невидимыхъ крыльевъ времени.

Онъ смотрѣлъ на утку у своихъ ногъ, и ему стало жаль ея. Онъ отнял у нея все, что она имѣла, и теперь она лежала у ногъ его, покорная... Теперь изъ этой вольной птицы можно сдѣлать чучелу, придать ей любую позу, и она будетъ стоять неподвижно тамъ, гдѣ ее поставятъ! А если вставить ей въ нутро пружину, будетъ она крикать, какъ живая, все одну и ту же ноту, которую заставятъ...

Онъ взялъ утку за ноги и швырнулъ ее далеко въ болото.

XI.

Болото дымилось.

Точно зимній снѣжный поземокъ стлался по нему туманъ.

За туманомъ все разгоралась заря. По блѣдному лицу неба разливался румянецъ, черныя опушки перелѣсковъ точно покраснѣли отъ радости. Туманъ отъ земли поднимался клочками, точно блѣдныя руки тянулись къ небу. Черная туча дыма надъ селомъ растянулась отъ легкаго вѣянья вѣтра, точно лохматая старуха, согнувшись, убѣгала куда-то.

-- О. Иванъ!

О. Иванъ, вздрогнувъ, обернулся. Изъ перелѣска вышелъ студентъ и подходилъ къ нему съ дружелюбной улыбкой, протягивая руку.

-- Охотились, кажется?

-- Да такъ... старинку вспомнилъ, попугалъ воздухъ.

-- А я съ вами давеча такъ и не поздоровался. Вы куда? Идемте вмѣстѣ.

Они выбрались изъ болота опять къ берегу рѣки и пошли вдоль нея на зарю, къ селу.

-- Рассказывалъ мнѣ Алексѣй, батюшка, какъ вы вчера отличались на паромѣ... Ловко это вы!

И онъ вскричалъ въ искреннемъ порывѣ:

-- Знаете... ей-Богу! Вѣдь это подвигъ!!

-- Ну!-- удивленно взглянулъ на него о. Иванъ: -- тонуть развѣ было? Вѣдь у меня на паромѣ свои кони стояли.

Они шли и любовались зарей, освѣщенные ею.

-- Вы слышали вчера мое сраженіе съ духовенствомъ-то? -- заговорилъ Димитрій Викторовичъ:-- Здорово я ругался?

-- Зѣло изрядно!

-- Погорячился? Это бываетъ со мной... всегда такъ внезапно! Я вѣдь непримиримый! Вспыхнуть гнѣвныя мысли, и ужъ я теряю власть надъ собою. Ради отца надо бы, конечно... Да въ сущности, что я сдѣлалъ преступнаго? Развѣ я не правду говорилъ, а?

Онъ, смѣясь, косился на о. Ивана, точно желая подзадорить его.

-- Помягче бы слѣдовало,-- сказалъ о. Иванъ. Студентъ сжалъ плечи, держа руки въ карманахъ.

-- Да вот если мягкость-то меня и возмущает! Мы, русские, вообще народъ мягкотѣлый... слизняки! Оттого и живемъ въ болотѣ! Вотъ англичанинъ... жесткій! Зато посмотрите, какую свободу онъ себѣ завоевалъ, сколько правды у него въ общественныхъ отношеніяхъ! Одинъ гимнъ чего стоитъ... "Никогда... никогда... никогда!.. британцы не будутъ рабами!" Никогда!-- повторилъ онъ:-- мнѣ нравится эта категорическая жесткость! Тутъ ужъ не только платоническая любовь къ свободѣ,-- нѣтъ, тутъ упорная, жесткая, непримиримая ненависть къ угнетенію... А это первоисточникъ свободы! Мы же, русскіе, только посылаемъ свободѣ платоническія улыбки да воздушные поцѣлуи, тогда какъ эту свободу необходимо завоевывать, и завоевывать съ чисто англійской твердостью... Вѣдь, согласитесь, о. Иванъ, мы живемъ ужасно... какъ рабы!

О. Иванъ слушалъ его молча и задумчиво.

Улыбка зари ужъ охватила полнеба. Кое-гдѣ у пушистыхъ облаковъ, точно собравшихся на востокъ встрѣчать солнце, зазолотились края.

-- Вѣдь кто же виноватъ въ этомъ?-- вопросительно произнесъ о. Иванъ:-- не нами эта жизнь устроена!

-- Не нами!-- подхватилъ студентъ: -- а мы переносимъ ее! Эту чужую жизнь, ломающую насъ, навязанную намъ,-- мы покорно носимъ ее на плечахъ, не пытались сбросить, чтобы съ гнѣвомъ растоптать. Безъ критики, безъ протеста подчиняемся установленнымъ отцами формамъ жизни со всей ихъ рабской идеологіей! Вотъ что въ массѣ сдѣлалъ изъ человѣка тираны! А человѣкъ въ себѣ самомъ носитъ источникъ прекрасной, справедливой, возвышенной жизни! Человѣкъ -- это міръ энергіи, вѣчно вибрирующей, вѣчно безпокойной; воли, растущей вглубь и ширь; страсти, побѣдоносно творящей, вѣчно живой, неумирающей; мысли, стучащей въ землю и небо съ безстрашными вопросами... Онъ носитъ въ себѣ безграничную силу, способную покорить весь міръ, чтобы передѣлать его по своему!

-- Это гордыня духа!-- удивленно взглянулъ на него о. Иванъ.

-- Да! Но развѣ смиреніе, подставляющее шею подъ удары, лучше гордости свободнаго духа?!

Онъ поднялъ руки въ гнѣвномъ порывѣ, точно собираясь бороться съ кѣмъ-то ненавистнымъ.

-- Пусть будутъ прокляты,-- вскричалъ онъ,-- условія, угашающія этотъ духъ, убивающія волю, мертвящія страсть, угнетающія мысль! Пусть будутъ прокляты тираны, создающіе ихъ! Эти условія таковы, что прекрасные дары природы,-- воля, страсть и мысль,-- въ большинствѣ случаевъ только увеличиваютъ сумму зла! Каждой силѣ долженъ быть исходъ, ей свойственный! Иначе сила все равно проявитъ себя,-- но проявитъ дурно! Сумма зла въ человѣческомъ обществѣ -- это сумма искалѣченныхъ силъ! Скрытыя, мощныя силы бьются повсюду, безсознательно ища исхода,-- то вынося человѣка случайно на безсознательную высоту, то низвергая его въ безсознательную бездну!

-- А вѣдь это правда, Димитрій Викторычъ!.. -- неожиданно и горячо сказалъ о. Иванъ.-- Всѣ мы живемъ... какъ въ туманѣ! Куда-то рвемся... а куда? Не знаемъ! И на повѣрку выходитъ: стремимся къ чему-то хорошему, создаемъ себѣ дурную и мучительную жизнь! Ужъ вотъ какъ мнѣ не хотѣлось идти въ священники! Кабы теперешній опытъ мой... не пошелъ бы!

-- Тяжело?-- внимательно взглянулъ на него Димитрій Викторычъ.

-- Тяжело! Иногда невыносимо тяжело... ото всей жизни! Обманываешь себя хозяйствомъ... тѣмъ, сѣмъ... А нѣтъ! Да ужъ, должно быть, судьба такая... Ушелъ бы... а куда? Для чего живешь? Неизвѣстно!

-- Вѣдь есть же у васъ какой-нибудь въ жизни идеаль?

-- Идеаль?

О. Иванъ грустно взглянулъ на него.

-- У меня есть... смертная тоска! Ничего больше!

-- Такъ развѣ можно жить безъ идеала?! Какой смыслъ тогда вашего существованія! Кому нужны вы? Кто нуженъ вамъ! Да тогда вы самый несчастный человѣкъ на свѣтѣ!

-- Но что жъ дѣлать!-- вскричалъ о. Иванъ.-- Судьба такая... Рокъ!

Студентъ пожалъ плечами.

-- Рокъ -- это слѣдствие вполнѣ опредѣленныхъ причинъ,-- сказалъ онъ.-- Надо изучать эти причины, какъ изучаются онѣ въ физикѣ или химіи, и уничтожать безбоязненно причины вредныхъ явленій, истребляя ихъ, какъ гнилые корни! Оглянитесь внимательно на вашу жизнь и вы ясно увидите эти причины... Отбросьте ихъ! Теперь пришла именно такая пора... для всѣхъ!

Онъ опять разгорячился.

-- Пришла пора создавать инья условія, идеальныя... пора раскрѣпощенія общественныхъ силъ! Пора борьбы!! На жизнь и смерть! Эта борьба -- идеаль! Проникнитесь этимъ идеаломъ, идите сами на великую борьбу за угнетенныхъ, которую ведутъ отдѣльныя личности, герои жизни! Положите и сами камень на стѣны храма свободаго человѣчества! Земля уже напиталась слезами и кровью достаточно... Она не можетъ больше. Она тяжело дышитъ и стонетъ, какъ въ мукахъ родящая... И вулканы гнѣва ея уже готовы раскрыться, чтобы залить міръ огнемъ всеочищающаго пожара!

Онъ протянулъ руку къ туману.

-- Посмотрите! Она дымится, эта несчастная страданица-земля!

Внезапно въ лицо имъ пахнулъ свѣжій вѣтеръ, остатки тумана поднялись, какъ взлетающей занавѣсь, и разсѣялись.

Золотой край солнца взошелъ на горизонтѣ.

Точно улыбнулось все навстрѣчу ему.

Набравъ въ грудь воздуху, студентъ вдругъ закричалъ на всю залитую нѣжнымъ свѣтомъ ширь, точно радуясь притоку силъ и зовя другихъ къ этой радости.

-- Чело-вѣ-къ! Ухо-ди изъ клѣ-ѣ-тки!!

И засмѣялся, обративъ къ о. Ивану разгорѣвшееся лицо.

Они стояли на распутьи.

-- Мнѣ направо,-- вамъ налево. До свиданья!

-- До свиданья. Еще увидимся, вѣроятно?

-- Вѣроятно! Только знаете что? Ъхали мблодцы на лодочкѣ, ни одинъ живъ человѣкъ не видалъ ихъ... Ладно?

-- Ладно!-- отвѣчалъ смѣхомъ на его смѣхъ о. Иванъ, чему-то радуясь...

Они разстались.

Студентъ шелъ прямо на дискъ солнца, еще большаго и не жаркаго. Точно золотыя тенета повисли въ воздухѣ. О. Иванъ вошелъ въ рощу на задахъ церкви.

Въ рощѣ былъ сумракъ.

Здѣсь бродилъ еще туманъ, цѣпляясь за вѣтви и пахло сырýmъ перегноемъ. Вверху, надъ гнѣздами кружились галки, съ безпокойнымъ карканьемъ перелетая съ вѣтки на вѣтку. Онѣ смотрѣли на о. Ивана строгими глазами, сгибая головки и точно ругали его со всѣхъ сторонъ. Заяцъ испуганно выбѣжалъ изъ-подъ ногъ его и скрылся. Мѣстами лучи солнца проникали уже въ чашу, какъ золотыя стрѣлы и, освѣщенные ими, на листьяхъ блестя капли росы, какъ разноцвѣтныя слезы. Черный жукъ съ шумомъ пролетѣлъ, глухо стукнулся о дерево и присмирѣлъ. Откуда-то появились маленькія, назойливыя мухи. Гдѣ-то звонко и однообразно свистѣла птица, точно стонала:

-- Пить... пи-ить!

Что-то бѣлое мелькнуло межъ деревьевъ.

У о. Ивана упало сердце.

Навстрѣчу ему шла Павлинька.

На ней было все то же бѣлое платье, та же косынка, что и вчера вечеромъ, словно она и не ложилась спать;

лицо было слегка блѣдное, точно похудѣвшее, по нему бродило безпокойство и ожиданіе. Увидѣвъ о. Ивана, она быстро пошла ему навстрѣчу.

-- Я знала!-- сказала она, улыбаясь ему и пытливо глядя ему въ лицо.

Онъ не спросилъ, что она знала.

Онъ избѣгалъ смотрѣть на нее, дѣлая видъ, что наблюдаетъ за галками, которыя, раскачиваясь на вѣткахъ, подозрительно, не умолкая, каркали. Онъ даже подумалъ, что вотъ она смѣется и смотритъ ему въ глаза и что она безсовѣстная, у нея совсѣмъ стыда нѣтъ.

-- Доброе утро!-- проговорилъ онъ:-- Гуляешь?

Она вдругъ забила въ ладоши и засмѣялась, какъ дѣвочка.

-- Чего ты?-- угрюмо посмотрѣлъ онъ на нее.

-- Да ужъ очень... очень... хорошо это вышло у тебя вчера!

Она придала лицу своему строгій видъ и сказала басовито:

-- Вавилонянка!

И опять расхохоталась какъ-то нервно, такъ что слезы выступили.

-- Никогда этого не забуду! Вавилонянка! Такъ я вавилонянка? Ахъ, какой ты...

-- Какой?

Она молчала, но такъ выразительно, что онъ сказалъ съ неувѣренной строгостью:

-- Павла! Доколѣ ты будешь смутьянничать! Какъ не стыдно... Вѣдь ты матушка! И меня въ грѣхъ вводишь! Какой тебя бѣсъ обуялъ! Я всегда считалъ тебя... за... порядочную женщину...

Она близко подошла къ нему.

-- Да вѣдь ты... любишь меня? Скажи!

Онъ отодвинулся.

-- Конечно, люблю... какъ хорошую, милую женщину... и къ тому же матушку.

-- Ахъ, матушка, матушка!-- внезапно возмутилась она, вдругъ проявивъ всю наполнявшую ее нервную напряженность:-- матушка! Порядочная женщина! Вся жизнь словами какими-то опутана, ступить шагу некуда! Точно ярлыки какіе на всѣхъ налѣплены, какъ на пивныхъ бутылкахъ! Да я, что ли, на себя ярлыкъ этотъ налѣпила? Я, что ли? Матушка! Порядочная женщина! Да если не хочу я быть ни матушкой, ни порядочной женщиной! Самой по себѣ я хочу быть!!

-- Павла! Ты съ ума сошла! Что ты говришь!

-- Нѣтъ, не я сошла! Всѣ сошли, всѣ давно сошли и бормочатъ слова безъ смысла! Жизнь безобразная, лживая у всѣхъ, всѣ обманываютъ другъ друга. Всѣ опутаны словами безъ смысла, всѣ! Какая я матушка! Мнѣ Матвѣй противень! Меня уговорили идти за него! Ты же, ты уговаривалъ! Ты! Прекрасная па-артія! Маатушкой будешь!! Да я всѣ слова его ненавижу, всѣ его мысли возмущаютъ меня... я слушать не могу, когда онъ говоритъ! Понимаешь ты это?! Я шаги его издали слышу, когда идетъ онъ... и точно змѣя ко мнѣ подползаетъ! Можетъ-быть, можетъ-быть онъ хорошій человѣкъ... да, да! Хорошій человѣкъ, прекрасный человѣкъ... да завтра я уйду отъ него и навѣкъ забуду его... чужой онъ мнѣ! Не люблю... а порой я страстно, отчаянно ненавижу его! Вотъ я этому... Рудометову... Я какъ во снѣ... Такъ ты самъ-то не видѣлъ такой моей прекрасной жизни? Матушка... порядочная женщина! Да я просто человѣкъ... пойми! Просто человѣкъ и страдаю ужасно, ужасно! И больше не могу такъ, не могу! Вотъ я... попробовала такъ, какъ другіе... противно мнѣ! Мнѣ все противно! Кругомъ все! И мужъ! И домъ! И хозяйство! Это проклятое хозяйство! Эти проклятые люди! Всѣ вокругъ проклятые! Ненавижу!

Она крѣпко сжала губы. Глаза ея были темные и сухіе, а губы кривились, какъ отъ боли.

-- Ненавижу я все, всѣхъ! -- страстно повторяла она.

Онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на нее и хотѣлъ что-то сказать, но она не дала ему, взявъ его за руку, говоря:

-- Вѣдь ты любишь меня... Почему ты хочешь скрыть это? Почему ты боишься правды?..

-- Это грѣшная правда!-- угрюмо сказалъ о. Иванъ.

-- Такъ укажи мнѣ, гдѣ правда праведная! Я не могу такъ больше жить! Я томлюсь. Не по мнѣ эта жизнь... не моя она!

-- Какую же тебѣ нужно жизнь, Павлинька?

-- Да вотъ... какую! Развѣ я знаю! Вотъ мнѣ кажется, что растеть въ жизни что-то новое... Только мы идемъ мимо, какъ слѣпцы, и не видимъ!

-- Да что?-- задумчиво произнесъ о. Иванъ.

-- Не зн-а-аю! Чувствую только! И если бы ты зналъ, какая,-- как-а-ая тоска меня охватываетъ иногда! Точно въ гробу я лежу... А крышку медленно опускаютъ! И забиваютъ! И слышу я, какъ стучитъ молотокъ... глухо стучитъ! И несутъ... и опускаютъ въ землю... И вотъ земля комками глухо падаетъ сверху... Пусто, холодно... Одна я!!

Она схватила его за руки.

-- Уйдемъ! Уведи меня изъ этой жизни! Я не вынесу! Я погибну! Наложу руки на себя! Вѣдь мы любимъ другъ друга! Мы всегда любили. Я недавно поняла это, создалась въ этомъ... Мы свои другъ другу... а остальные всѣ чужіе, чуждые! Ты сильный! Сбрось рясу! Уйдемъ! Уйдемъ вмѣстѣ, объ руку съ тобою! Ты вездѣ найдешь себѣ дорогу!

-- Да ты пойми,-- растерянно шепталъ ей о. Иванъ:-- что говоришь ты?! Вдумайся!! Кто Матвѣй-то? священникъ! А я... Неужели я... Вѣдь и ты мнѣ... пойми... Я... священникъ! Вѣдь мнѣ совѣстно, что вотъ я... здѣсь съ тобою.

Она бессильно опустила руки, потомъ вдругъ съ гнѣвнымъ отчаяніемъ вскричала:

-- Ну, пойдёмъ... И ляжемъ въ наши могилы! Ты въ свою, я въ свою!..

Пораженный взрывомъ ея отчаянія, полный какой-то смутной и странной жалости къ ней и къ себѣ и къ чему-то убѣгающему, онъ въ невольномъ порывѣ протянулъ ей руки.

И опять ему показалось, что огненная буря закружила роцу и жгучія волны побѣжали въ воздухѣ. Всѣ мысли и сомнѣнія его покатались въ какую-то бездну, міръ пропалъ, онъ остался съ нею наединѣ, видѣлъ только ея блѣдное лицо и ничего прекраснѣе этого лица онъ не видалъ. И ничего дороже ему въ міръ не было... Онъ нагнулъ къ волосамъ ея, коснулся ихъ горячими губами, нагнулъ къ уху ея, къ ея горячей, порозовѣвшей щекѣ. И ужъ губы его искали губъ ея...

Гулкій ударъ колокола раздался съ колокольни.

Точно строгая мысль поплыла въ воздухѣ, холодная и тяжелая, стелясь по землѣ и ударяясь въ горизонты.

О. Иванъ оттолкнулъ Павлиньку и пошелъ вонъ изъ рощи, спотыкаясь о корни, какъ слѣпой.

.....

Простоявъ утреню въ притворѣ, о. Иванъ прошелъ во время проскомидіи въ алтарь. Благодичный, въ красномъ шелковомъ стихарѣ, препоясанномъ бархатнымъ поясомъ съ золотыми звѣздами, совершалъ проскомидію. Лицо его было блѣдное, утомленное и безпокойное. Сторожа то и дѣло вносили на подносахъ просфоры съ записками и поминаньями, на которыхъ бѣлѣли серебряныя монеты или чернѣли мѣдныя, прошедшія много рукъ. Служащіе священники -- о. Павелъ и о. Сильвестръ,-- снявъ фелони, тихо разговаривали. Разговоръ ихъ, какъ сквозь сонъ, достигалъ о. Ивана.

-- Ивановскій все вынюхаетъ!-- говорилъ о. Павелъ:-- онъ ужъ вонъ и на колокольнѣ зачѣмъ-то побывалъ, а давеча по задамъ шмыгалъ... Коварный человекъ! Со своимъ священникомъ безпрестанно судится!

-- Да, да!-- подтвердилъ о. Сильвестръ: --такъ вотъ онъ мнѣ и рассказывалъ. Безпокойно, говорить... Что-то мужики замышляютъ... Шепчутся, говорить!

-- О чемъ же?-- съ любопытствомъ насторожился о. Павель.

-- Ну, этого-то онъ и не знаетъ...

О. Сильвестръ мягко засмѣялся, шевеля бровями:

-- Не вынюхаль еще!

Благочинный кончилъ проскомидію и торопливо надѣлъ фелонь. Батюшки тоже облачились и стали по бокамъ престола. Ставъ передъ престоломъ, благочинный замѣтилъ о. Ивана и поманилъ его къ себѣ.

-- Не видали Митю?-- прошепталъ онъ.

И съ тревожнымъ безпокойствомъ смотрѣлъ въ лицо ему.

-- Сейчасъ только съ нимъ у рѣчки гуляли.

-- Ну, ну! -- сказалъ благочинный, съ легкимъ вздохомъ.

И онъ еще хотѣлъ что-то добавить, но въ это время дьяконъ Сикеровъ, торжественный и важный, съ шумомъ отдернулъ завѣсу, поцѣловалъ руку у благочиннаго и, вышедши на амвонъ, провозгласилъ густымъ басомъ, какого нельзя было отъ него и ожидать:

-- Бла-го-слови, влады-ко!

Благочинный взялъ евангеліе и, дѣлая имъ надъ антиминомъ крестъ, заговорилъ нараспѣвъ, поднявъ вверхъ свое блѣдное, безпокойное, какъ-будто испуганное лицо:

-- Благословенно царство... Отца и Сына и Святаго Духа... нынѣ и присно и во вѣ-ѣ-ки вѣко-о-о-о-овъ...

XII.

Къ полдню ярмарка была въ самомъ разгарѣ.

Богдановка тѣснымъ кольцомъ узкихъ и грязныхъ, путанныхъ улицъ окружала два невысокихъ холма. На одномъ возвышалась красивая бѣлая церковь, противъ которой находился домъ благочиннаго, на другомъ темнѣлъ пустоваловскій спиртный заводъ. Отъ церкви къ заводу шла широкая улица. Вся обширная площадь вокругъ церкви была застроена наскоро сооруженными лавочками. Безчисленныя улицы балагановъ, дощатыхъ, рогожныхъ, холщевыхъ, пылали яркими красками товаровъ. Въ воздухѣ вѣяли, какъ знамена, цвѣтные шарфы, ярко-красные или синіе кушаки; на колыскахъ здѣсь и тамъ возвышались шапки простыя и смушковые, кивали шумящія картузы, колебавшіеся отъ вѣтра, какъ головы казненныхъ. Казинетовыя пиджаки братски висѣли рядомъ съ сермягами. Сапоги, рукавицы, холсты, шали, пряники -- все манило взглядъ принаряженныхъ дѣвицъ, шелкавшихъ сѣмячки или жевавшихъ "сѣрку", останавливало вниманіе робкихъ бабъ, завистливо и безнадежно трогавшихъ товары пальцами, ласкало воображеніе мужиковъ, останавливавшихся въ задумчивости передъ этими богатствами. Какой-то худой и суетливый мужикъ съ бѣлыми нитками подъ мышкой и въ поярковомъ цилиндрѣ торговался изъ-за веретена, крича:

-- Цана-то яму грошъ... а ты даражишься!

Гомонъ и гамъ, плачь ребенка, хохотъ, смѣхъ, восклицанья, крикъ встревоженной галки на церковномъ крестѣ,-- сливались съ праздничнымъ колокольнымъ звономъ, съ дребезжащимъ речитативомъ слѣпой старухи, вымаливавшей гроши:

-- Покрой ихъ, Господи, ризой пеленой... Огради ихъ, Господи, бѣлой каменной стѣной.

О. Иванъ, уже давно бродившій безъ цѣли по ярмаркѣ, остановился передъ старухой и сказалъ, присматриваясь къ ней:

-- Никакъ, Ѳокановна? Здравствуй, Ѳокановна! Что ты это? Какъ-будто зрячей въ прошломъ году я тебя видѣлъ?

Старуха стояла у креста, возвышавшагося среди площади, тряслась какъ испуганная. Около нея вертѣлся мальчишка, лѣтъ восьми, съ любопытствомъ смотря на священника вострыми глазами.

-- Батюшка! Гнѣздовскій батюшка!-- бормотала старуха,-- по голоску узнала, родимый! Здравствуй, батюшка! Ослѣ-ѣ-пла, родимый...

-- Съ чего это ты такъ... вдругъ!

-- Отъ слезъ... Сыночка-то моего... слышалъ? Бунтовалъ народъ. Воиновъ, слышь, вызывали... Ну, пришли воины... А сыночекъ-то... Опосля воины-то жалѣли! Распоряженіе командеръ, слышь, далъ, чтобы въ воздухъ воины-то... А одинъ юнтеръ... злобный былъ! А глаза то, слышь, у меня... и раньше...

Колоколь радостно забилъ вверху.

-- Судьбы Господни неисповѣдимы! -- сказалъ о. Иванъ, подавая старухѣ большой мѣдный пятакъ:-- смирись и не ропщи! Испытанія посылаетъ намъ Господь по грѣхамъ нашимъ... Яко Отець... Непослушаніе же властямъ предрержащимъ...

Ему стало вдругъ неловко и совѣстно. Онъ посмотрѣлъ на трясущуюся голову старухи... и замолчалъ.

-- Твой, что ли, малышъ-то?-- посмотрѣлъ онъ на мальчишку.

-- Внучекъ, послѣ сына остался... Вся надѣжа, батюшка... Подрастеть, такъ чать прокормить меня, старую...

Мальчишка переступилъ съ одной босой ноги на другую и сказалъ не безъ важности:

-- Я и сейчасъ рабочій человекъ!

О. Иванъ засмѣялся его важности.

-- Гдѣ же ты работаешь?

-- У барина на заводѣ, посуду мою! За это меня и Шкаликомъ прозвали.

-- Ишь ты... И зарабатываешь много?

-- Каждый день пятакъ!

О. Иванъ гладилъ его по бѣлой головѣ.

-- Молодецъ!.. А читать умѣешь?

-- Я-то?

На лицѣ у него появилось до смѣшного гордое выраженіе.

-- Эге! Я нашинскимъ спиртякамъ вслухъ читаю! Меня дядя Ляксѣй выучилъ, какую хочешь книгу прочитаю!

И онъ съ неудовольствіемъ мотнулъ головой.

-- А по головѣ ты меня не гладь... Я этого не люблю!

О. Иванъ опять смѣшался съ толпою.

Ему нравилось отдаваться этому людскому потоку. Народъ запружалъ улицы и площадь. Тамъ и сямъ встрѣчались знакомые и послѣ радостныхъ возгласовъ шли по трактирамъ, грязнымъ, шумнымъ, по балаганамъ, гдѣ продавался мутный чай, пеклись блины, оладьи и звонкоголосыя бабы зазывали посѣтителей или переругивались между собой. О. Иванъ присматривался къ мужикамъ. Онъ ихъ всѣхъ зналъ тутъ, по округѣ,-- могъ опредѣлить откуда кто. Вотъ колычѣвцы, раскольники изъ-за Поѣмы, "киржаки" или "двоедански морды",-- какъ звали ихъ мужики. Ихъ сразу можно узнать по зажиточному виду, по солидной, нѣсколько гордой манерѣ держать себя... Они были такъ же серьезны и молчаливы, какъ ихъ дома въ Колычѣвкѣ изъ почернѣвшаго отъ времени лѣса. Около нихъ сосредоточивался торгъ. Купцы отъ своихъ прилавковъ имъ кланялись съ подобострастіемъ, а для ихъ красивыхъ и нарядныхъ бабъ вынимали лучшіе товары откуда-то изъ укромныхъ сундуковъ. Вотъ богомиловцы,-- худые, тощіе, съ блестящими, голодными глазами... Они, какъ тѣни, бродятъ по ярмаркѣ, ничего не покупая, возбуждая злость продавцовъ.-- Чего сталъ!-- кричатъ продавцы на богомиловца. Онъ идетъ дальше.-- Не мѣшай! Не застъ!-- кричатъ ему въ другомъ мѣстѣ. А онъ остановившимися глазами смотритъ на богатства ярмарки, и лишь иногда робко спроситъ у покупателя, только-что получившаго въ свое владѣніе купленную вещь.

-- А почему безчестье-то, почтенный?

Вотъ васильевцы!

О. Иванъ узнавалъ ихъ по понурому виду и подозрительнымъ взглядамъ: точно задумали они какую-то думу и таятъ ее отъ всѣхъ. Онъ замѣтилъ, что гдѣ только появлялся васильевецъ, всѣ внимательно, любопытно присматривались къ нему, уступали ему дорогу. Разговоры стихали, будто всѣ ждали, что вотъ васильевецъ что-то скажетъ сейчасъ. Даже купцы за прилавками, когда подходилъ къ нимъ васильевецъ и угрюмо освѣдомлялся о цѣнахъ, отвѣчали ему тихо и почтительно, любопытно смотря на него. Казалось, тайна какая-то бродила по ярмаркѣ объ руку съ васильевцемъ. Эта тайна носилась въ воздухѣ надъ ярмаркой, таилась по закоулкамъ, пряталась отъ любопытнаго взгляда. О. Иванъ замѣтилъ дьякона Ивановскаго, шнырявшаго по толпѣ и, казалось, что-то вынюхивавшаго. Онъ хотѣлъ-было остановить его, разспросить, да ужъ очень противенъ ему былъ этотъ юркій дьяконъ.

Тутъ онъ замѣтилъ своего гнѣздовца.

Гнѣздовецъ -- болтливъ, смѣшливъ, разговорчивъ, любитъ добродушно посплетничать. Онъ философъ, потому-что смотритъ на жизнь юмористически. Заплаты на своемъ ветхомъ кафтанѣ онъ зоветъ "глядѣлками", когда голоденъ, увѣряетъ, что "отъ ѣды брюхо болить", когда градъ побьетъ всходы, юмористически сожалѣетъ, что "Илья пророкъ не нашель другого мѣста въ бабки играть!" Это онъ пустиль по свѣту выраженіе "безземельная душа!" Даже умирая, гнѣздовецъ вѣренъ себѣ,-- шутить:-- "довольно, пожилъ; пора и попу доходъ дать!"

-- Эй, степенный! Почему ребячьи дразнилки-то?-- кричалъ гнѣздовецъ, подбоченясь передъ пряниками.

Одѣтъ онъ былъ во что-то, премудро составленное изъ заплатъ, но былъ красенъ, точно вышелъ изъ бани и весель, какъ миллионеръ. Батюшкѣ онъ обрадовался и тутъ же попросилъ у него "рупъ", говоря, что отдастъ, какъ только продастъ какого-то рыжаго теленка, котораго, по его увѣренію, батюшка долженъ знать, потому что теленокъ родился въ одинъ день съ Витюшкой, котораго батюшка крестилъ. А рубль былъ ему необходимъ, потому что онъ выдавалъ дочь замужъ...

-- И, стало-быть, нужно ей приданое!

О. Иванъ, смѣясь, далъ рубль.

Но какъ только онъ заговорилъ, осторожно и таинственно, относительно какого-то темнаго слуха, который бродитъ по базару, но никакъ его не уловишь,-- мужикъ смутился, глаза его убѣжали въ сторону.

-- Кто знаетъ, батюшка!-- сказалъ онъ.

-- Да може чего слышалъ, Карпъ?

Карпъ утеръ рыжую бороду и почесалъ затылокъ.

-- Не наше дѣло!-- сказалъ онъ:-- мало что по базарамъ болтають! Всѣхъ слуховъ не переслушаешь!

-- Да какіе слухи-то?

Карпъ смущался все болѣе и повторялъ:

-- Кто знаетъ...

И точно ища способовъ освободиться отъ этихъ разспросовъ, онъ закричалъ бабѣ, ѣхавшей на возу съ молодой картошкой.

-- Э-эй, тѣта-а-ха! Голова-то гдѣ у тебя?

Баба растерянно и поспѣшно схватилась за голову. И, плюнувъ, начала звонко ругаться. Всѣ кругомъ смѣялись и о. Иванъ смѣялся. Но, оглянувшись, онъ уже не увидалъ Карпа. "Какіе они всѣ стали... подозрительные!" -- подумалъ онъ.

-- Мужикъ горить! Мужикъ горить! -- закричали гдѣ-то въ центрѣ базара.

Толпа шарахнулась туда, галдя, поднимая красноватую пыль. И опять хохотъ поплылъ надъ базаромъ. О. Иванъ увидалъ давешняго мужика въ поярковомъ цилиндрѣ, съ бѣлыми нитками и веретенкомъ подъ

мышкой. Отъ него шель легкій дымокъ и запахъ гари. Лицо у него было испуганное.

-- Что случилось?-- спросилъ о. Иванъ.

-- Сѣрныя спички загорѣлись въ карманѣ. Ишь, карманъ-то... выгорѣлъ!

Мужикъ сокрушенно взмахиваль руками, смотря себѣ подъ ноги.

-- Карманъ-то не жаль... Махорка сгорѣла!

Вмѣстѣ съ смѣющимся потокомъ народа о. Иванъ шель дальше и дальше, безъ цѣли.

Широкою улицу, сбѣгавшую внизъ по направленію къ заводу, сплошь заставили возы съ жизнью, ранними овощами, дегтемъ, сушеной рыбой.

-- Воблы, воблы, воблы, воблы!-- быстро и звонко выкрикиваль маленькій мужичокъ, курносый, весь въ веснушкахъ и улыбающійся.

Туть же пестрый теленокъ ревѣль басомъ,

-- Пѣть, что ли, учится?-- мигнулъ на него о. Иванъ.

Скромная женщина у воза робко и печально улыбнулась.

-- Не надо ли сметаны, батюшка?

-- Куды мнѣ!

Туть гагакали гуси, вели бесѣды куры, утки, индюшки, кричали во все горло пѣтухи, словно радуясь празднику. А дальше къ заводу базаръ превращался въ дровяной и скотный торгъ, гдѣ были навалены горы деревянныхъ боронъ, сохъ, перекладовъ, лодокъ, лопать, мѣшковъ, гдѣ мужики осматривали терпѣливыхъ воловъ, коровъ, жевавшихъ жвачку, пугливыхъ лошадей, безпокойныхъ овецъ.

Казалось, богатая и обильная страна выслала дары свои съ долинъ и уваловъ.

Должно быть, эта мысль пришла въ голову доктору, который встрѣтился съ о. Иваномъ.

-- Говорять, Россія бѣдная страна!-- мигнулъ онъ батюшкѣ съ хитрымъ добродушіемъ, показывая мелкіе бѣлые зубы:-- да на эти богатства можно королевство купить!

-- Обиліе изрядное!-- подтвердилъ о. Иванъ:-- какъ въ землѣ обѣтованной!

Докторъ былъ широкогрудый мужчина, съ немного грубоватыми манерами. Ходилъ онъ по базару съ видомъ фланера, засунувъ руки въ карманы брюкъ, сдвинувъ на затылокъ мягкую шляпу. На слова о. Ивана онъ засмѣялся, отвѣчая ему своимъ любимымъ выраженіемъ:

-- Вотъ именно!

И обратился къ мужику съ коровой:

-- Что это ты корову0то продаешь?

-- Требують...-- сказала мужикъ робко.

-- Кто требуетъ?

-- Кузьма Афанасьичъ требуютъ... Стало-быть, сѣять надо. А зерна нѣтука! А Кузьма Афанасьичъ страцають судомъ, зерна не даютъ... А мы должны, стало-быть... Кузьмѣ-то Афанасьичу... за стары годы должны...

Потомъ докторъ обратился къ большегородому мужику съ тѣмъ же вопросомъ относительно поджарой гнѣдой лошади. Мужикъ хмуро отвѣтилъ:

-- За ренду Пустовалову платить нечѣмъ... Подавись они!

Послѣ цѣлаго ряда такихъ вопросовъ, о. Ивану показалось, что они идутъ не по базару, а по какому-то аукціону, гдѣ спѣшно распродается за долги все крестьянское имущество. И точно въ первый разъ онъ увидѣлъ, какъ сумрачны и истощены лица у продавцовъ и покупателей, какъ худы эти бойко тараторящія куры и поджары пѣтухи, какъ тощи коровы, исхудалы лошади, печально покорны волю...

-- Земля обѣтованная?-- подмигнулъ ему докторъ. О. Иванъ серьезно посмотрѣлъ на него.

-- Нѣтъ, это ужъ выходитъ... у котловъ египетскихъ.

И чѣмъ дальше шель онъ среди шума и гама базара съ этимъ веселымъ докторомъ, тѣмъ больше ему казалось, что передъ нимъ раскрывается какая-то непонятная ему язва, точно спала вдругъ веселая маска и на него глянуло лицо прокаженного. И вдругъ, какъ духъ аукціона, передъ ними предсталъ широкозадовецъ

Въ новенькомъ, съ иглочки, широкозадовскомъ трактирѣ, смотрѣвшемъ настежь распахнутыми окнами въ самый центръ базара, слышался шумъ свалки, полетѣли на полъ столы, забренчала разбитая посуда и почти слѣдомъ за тѣмъ съ высокаго трактирнаго крыльца, широко шагая, вылетѣлъ на улицу вытолкнутый мужикъ.

Онъ былъ дикаго вида.

Высокій, страшно худой. Сквозь разорванную на боку грязную рубаху виднѣлись ребра, какъ у скелета. Босой, въ дырявыхъ штанахъ, съ крупной головой, на которой сѣдые волосы перепутались и поднялись, съ глазами, дико горящими, онъ весь походилъ на человѣка, котораго треплетъ внутренній вихрь: поднимая худыя, какъ плети, руки, онъ точно хотѣлъ схватить ими кого-то и задушить въ ярости.

-- Ага! А-а-га-а!-- кричалъ онъ пьянымъ крикомъ, дикимъ, какъ вопль испуганнаго:-- ага, предатели! Ага-а! Все взяли! Все!! Таперь вонъ гоните! Ага-а!

Онъ хрипѣлъ, точно задушенный. О. Иванъ узналъ его.

-- Это широкозадовецъ.

Широкозадовецъ выбрасывалъ руки, точно считалъ ихъ такими длинными, чтобы разворотить эту крышу, и разбросать этотъ домъ...

-- Ага-а! Продажныя души! На васъ суда нѣтъ! Ага! Суда нѣтъ! Прокля-ятыя души! Все взяли! Все!!

Онъ стоялъ передъ трактиромъ обобранный, въ кровь избитый и кричалъ:

-- Куды я теперь?!

Надъ нимъ смѣялись.

Изъ оконъ смотрѣли пьяныя лица лавочниковъ, благодушно расплываясь въ улыбки.

-- Куды... я... пойду?!

Не твердо стоя на подгибающихся ногахъ, онъ обернулъ къ базару свое распухшее, въ синякахъ, растерянное лицо.

-- Православные! Все взяли! Все! Ага-а! Вотъ они... вотъ они какіе! Сына купили! Сынъ имъ душу продалъ! Вотъ они! Ага-а! Суда нѣтъ! Дочь распутной сдѣлали! Все взяли! Ага-а! Суда нѣтъ! Прокля-я-тые!! Про-кля-тые!! Прокля-я-ятые!!

Вдругъ, точно кости его вмигъ размякли, онъ какъ мѣшокъ осѣлъ на землю.

-- Умру! Умру здѣсь... куды я пойду! Некуда... все взяли..

Худая, блѣдная женщина наклонилась къ нему.

-- Степанъ... пойдёмъ...

-- Куда?!

-- Пойдёмъ... Степанъ...

Онъ охмѣлѣлъ, сталъ точно сонный.

Она тащила его за рукавъ рубахи, не замѣчая, что та рвется, и смотрѣла вокругъ безпомощно и робко.

Возвращаясь съ докторомъ къ дому благочиннаго, о. Иванъ замѣтилъ какое-то смятеніе, распространявшееся по базару. Нѣсколько разъ о. Иванъ различилъ возгласъ:

-- Везуть!

И ужъ это слово стало господствующимъ. Толпа ребятишекъ, скача, пробѣжала мимо съ крикомъ:

-- Везуть! Везуть!

Быстрымъ шагомъ прошли мужики и прокричали то же слово кому-то знакомому.

О. Иванъ почувствовалъ смутную тревогу.

У благочинническаго крыльца стояла карета. Взмыленные лошади тяжело дышали.

-- Ну, тутъ земскій... Дальше я не иду!-- сказалъ докторъ, и протянувъ о. Ивану руку, крѣпко сжалъ ее:-- бывайте здоровы, а что случится, къ намъ милости просимъ...

-- Пойдите-ка!-- остановилъ его о. Иванъ.

Не выпуская руки доктора, онъ отвелъ его за крыльцо къ калиткѣ и спросилъ таинственно:

-- Что это тамъ, Михайла Василичъ... на базарѣто творится?

-- А что?

-- Какъ-будто что-то... не поймешь что... Чего-то ждутъ словно.

Докторъ поднялъ брови.

Но на лицѣ его отразилось безпокойство, онъ отвелъ глаза.

-- Ничего не знаю, ничего... А вы что замѣтили?

И вдругъ, засмѣявшись нѣсколько принужденно, проговорилъ:

-- Скажите-ка мнѣ, отецъ: вы знаете, что такое профессиональная тайна? По удивленному лику вашему замѣчаю, что не грѣшны. Ну, такъ вотъ, ежели я вижу здороваго на видъ человѣка и замѣчаю у него признаки расширенія сердца... могу ли я всѣмъ и каждому говорить о томъ? Это и называется профессиональною тайною... А за симъ... адье!

Онъ раскланялся и ушелъ.

Въ домѣ благочиннаго было тихо.

Сначала о. Иванъ подумалъ, что комнаты пусты, всѣ ушли куда-нибудь, сопровождая земскаго. Онъ вошелъ въ залу съ тяжелымъ вздохомъ уставшаго человѣка и остановился какъ вкопанный.

Тутъ всѣ были налицо, вся компанія.

Даже карточный столъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, и вокругъ него помѣщались вчерашніе игроки, хотя теперь они уже стояли, какъ и всѣ, и на опухшихъ лицахъ ихъ отражалась такая почтительность, что о. Иванъ смущенно посмотрѣлъ, въ порядкѣ ли его подрячникъ. Духовенство окружало мужчину средняго роста, военной выправки. Это былъ земскій Пустоваловъ. Онъ какъ-будто былъ перешибленъ въ спинь: стоялъ, разставивъ ноги, и въ то время, какъ нижняя половина его туловища была неподвижна, верхняя колебалась, откидывалась, вращалась влѣво и вправо, хотя все это съ изящно-солидною манерой свѣтски-воспитаннаго человѣка. Былъ онъ совершенно беззубъ, отвислая губы его, при разговорѣ слегка вздрагивавшія, слюнявили; длинный носъ съ мясистымъ горбомъ былъ увѣнчанъ постоянно падавшимъ пенснэ, сквозь которое смотрѣли безцвѣтные глаза. Видимо, этотъ человѣкъ достаточно пожилъ среди "крупповскихъ" удовольствій и приобрѣлъ мудрость Соломона въ нѣкоторыхъ вещахъ, чтобы подъ старость сдѣлаться "отцомъ народа", какъ онъ величалъ себя,-- этотъ подагрикъ, не брезговавшій для утѣхъ извращенной чувственности въ подвластныхъ ему владѣніяхъ даже тѣмъ, что онъ въ дружескомъ кругу шутя называлъ "виньеткой". Какъ-то даже самъ губернаторъ имѣлъ случай выразиться о немъ, прикрывая какое-то "дѣло":-- "Кажется, этотъ Пустоваловъ считаетъ Россію за домъ терпимости". Теперь, при почтительномъ вниманіи слушателей, земскій говорилъ, дымя дорогой сигарой, говорилъ непрерывно, однообразно, деревянно, не понижая и не повышая тона, съ авторитетностью человѣка, не привыкшаго къ возраженіямъ, брызгая слюной и не ясно выговаривая слова:

-- Народъ... да... народъ! Я говорю:-- что такое народъ, ваше превосходительство? Мы сидѣли: я -- такъ, губернаторъ -- такъ, остальные члены совѣщанія вокругъ насъ. Я говорю: народъ, ваше превосходительство, большое туловище, которому необходима голова. А? Что? Я говорю, необходима голова! Дайте намъ голову, ваше превосходительство... голову туда и голову сюда... Проектъ министерства совершенно правъ, желая

обособить народъ. Расширьте нашу власть, наши права... нааши права, ваше превосходительство... А? Что? И все будетъ великолѣпно! Мы всегда были отцами народа! Я говорю,-- я самъ отецъ народа! У меня полтора ста тысячъ десятинъ имѣнія, ваше превосходительство,-- въ здѣшнемъ уѣздѣ, у меня заводъ... Я знаю народъ и народъ меня знаетъ... Говорю: голову туда и голову сюда... Ха-ха! Народъ! А? что? Я вамъ расскажу анекдотъ, господа... Кажется, здѣсь нѣтъ женщинъ? Это не дамскій анекдотъ, господа...

Земскій громко засмѣялся еще неразсказанному анекдоту, брызгая слюной.

Слишкомъ близко стоявшій къ нему дьяконъ Ивановскій смущенно увелъ голову въ плечи, незамѣтно отошелъ въ сторону и тамъ не безъ почтительности отеръ свое лицо, послѣ чего посмотрѣлъ на платокъ съ такимъ видомъ, точно хотѣлъ поцѣловать его.

-- Не угодно ли присѣсть, Аркадій Михайловичъ,-- робко обратился къ земскому благочинный.

-- А гдѣ же ваша матушка?-- галантно освѣдомился земскій.

Благочинный метнулся къ двери.

-- Матушка! Иди сюда скорѣе. Аркадій Михайловичъ желаетъ тебя видѣть!

Изъ дверей немедленно вышла разряженная матушка, точно ее кто выдвинулъ оттуда на пружинѣ. Лицо у нея было почтительно-испуганное.

-- Не желаете ли чайку откушать, Аркадій Михайловичъ,-- говорила она, смущенно краснѣя, точно дѣвочка, подъ взглядомъ земскаго:-- ужъ извините, у насъ попросту!

-- Съ удовольствіемъ! Съ удовольствіемъ! А? что?

-- Пожалуйте въ гостиную...

Земскаго окружили, какъ архіерея.

Онъ направился въ гостиную колеблющейся походкой своей, раскачиваясь и говоря на ходу:

-- Это было необыкновенно остроумно! А? что? Народъ, говорю, ваше превосходительство, это большое туловище...

Теперь всѣ считали своимъ долгомъ громко удивляться остроумію земскаго, сдержанно хохотали, сообщали другъ другу что-то похвальное, и сквозь почтительно-восхищенный говоръ все раздавался деревянный басокъ земскаго:

-- Голову сюда... и голову туда..

Налетѣвшій порывъ вѣтра отпахнулъ окно въ гостиную.

И когда сдержанный смѣхъ и говоръ нѣсколько смолкли, въ окно донесся гулъ людской молвы. Это былъ гулъ базара. Но теперь это былъ уже не тотъ веселый и разноголосый гулъ, что прежде. Новые тоны возникли въ немъ,-- тревожные тоны, заставившіе вмигъ насторожиться и переглянуться находившихся въ гостиную. Постепенно они брали перевѣсъ, мигъ за мигомъ разрастаясь въ грозный ураганъ голосовъ.

Земскій привсталъ.

Благочинный страшно поблѣднѣлъ и застылъ на мѣстѣ, точно ждалъ, что вотъ сейчасъ разразится надъ нимъ давножданное, но непонятное несчастье. Фаворскій и Ивановскій бросились къ окну, но имъ мѣшали кисейныя занавѣски: они второпяхъ путались въ нихъ.

Въ тотъ же моментъ по лѣстницѣ и корридорѣ раздались быстробѣгушіе шаги. Въ комнату влетѣлъ растрепанный, багровый дьяконъ Сикеровъ.

-- Что? Что такое? Что?-- шумно всѣ двинулись къ нему.

Онъ махалъ безпорядочно руками и глаза у него стали бѣлые.

Раскрывъ ротъ, онъ сначала захлебнулся, потомъ проговорилъ, точно выстрѣлилъ:

-- На базарѣ бунтъ!!

Тяжело дыша, спѣшило духовенство къ базару. Что-то разыгрывалось въ самомъ центрѣ его, у широкозадовскаго трактира. Издалѣка видно было, какъ среди пыли и содома тамъ суетились, бѣгали, жестикулировали, скакали верхами. Тысячи криковъ сливались въ стонущую бурю, возбуждавшую и пугавшую. Ивановскій летѣлъ впереди точно гончая по слѣду. О. Иванъ вышагивалъ рядомъ съ благочиннымъ.

-- Не захватить ли крестъ изъ церкви, батюшка?-- говорилъ на ходу дьяконъ Сикеровъ.

-- Къ чему это?-- удивленно взглянулъ на него благочинный.

-- А можетъ придется усовѣщать... Съ крестомъ-то надежнѣе!

Недавно шумные переулки балагановъ были пустыни. Кое-гдѣ только у лавокъ остались мальчишки, забравшіеся на крыши, сообщая другъ другу впечатлѣнія.

Ревъ толпы все ближе наплывалъ на духовныхъ, пугая предчувствіемъ чего-то необычайнаго и ужаснаго. Удушливая, красная пыль тучами вилась въ воздухѣ, заслоняя свѣтъ солнца. На западѣ выростала черной горой грозовая туча, обѣщая новый ливень. Она угрюмо тянулась къ солнцу, но едва ли кто ее видѣлъ.

-- Что такое? Что такое?-- метался по толпѣ Ивановскій.

Вострый носикъ его еще болѣе заострился отъ любопытства, глаза жадно впивались въ лица. Никто ему не отвѣчалъ. Всѣ тревожно напирали къ какому-то общему центру, становились на носки, кричали... Огромный рыжій мужикъ, выше всѣхъ на голову, махалъ руками и оралъ возбужденно:

-- Ло-овють! Вонъ! Вонъ... ло-овють! Ш-шо одного!

О. Иванъ, пробиваясь впередъ, дернулъ его за рукакъ рубахи.

-- Фалалей! Что случилось?

-- Ресторантовъ ловють!-- обернулся Фалалей въ дикомъ возбужденіи:-- васильевскихъ, кой изъ-за земли буторились! Стало-быть, везли ихъ... Ихнинскіе отбили! А теперь ловють...

Онъ вдругъ затрясся весь отъ какого-то утробнаго хохота, похожаго на корчи.

-- Ш-шо! Ш-шо!.. Шистова ловють!

-- Чему ты, чортъ, радуешься!-- злобно обернулись къ нему сосѣди.

-- Зачѣмъ бьютъ! Зачѣмъ даютъ бить! -- кричали вокругъ возбужденныя лица:-- Повалихина крутятъ... Огарикъ вѣдь!

-- Кровь-то такъ и хлыщеть!

-- Не бѣгай, знамо!-- сказалъ черный мужикъ въ черномъ армякѣ.

-- Кому охота въ тюрьму! Тоже, и не по правдѣ ихъ... Заглоталъ Широкозадовъ! Кого онъ не заглоталъ по округѣ-то!

-- Это что говорить, знамо!-- внезапно согласился черный мужикъ, нахмурившись:-- людоѣдъ онъ!

На крышѣ трактира стояли мальчишки, бабы, спиртяки, суетливо жестикулируя, крича. Какой-то спиртякъ басомъ кричалъ отъ трубы на крышѣ:

-- Что ты его за бороду-то рвешь, чо-ортъ!! Старецъ вѣдь!

И, должно-быть, въ отвѣтъ ему кто кричалъ гнѣвно и звонко:

-- Мо-о-три!!

Въ центрѣ толпы, казалось, клокоталъ водоворотъ и въ немъ трагически погибали чьи-то жизни: оттуда плыли стоны, плачь, глухіе удары, хриплые и ожесточенные крики, находившіе свой тысячеголосый откликъ въ толпѣ.

Солнце жгло.

По небу бѣжали обрывки облаковъ, опередившіе медленно растущую тучу. Красная пыль крутилась отъ вѣтра. Жуткія и острыя ощущенія носились въ воздухѣ:

Сикеровъ тщетно взывалъ:

-- Дайте же батюшкѣ дорогу!

Никто его не слушалъ.

Дьяконъ упорно разбрасывалъ эту потную, жаркую толпу, гудящую какъ улей, а позади него благочинный. задыхаясь, полный неясныхъ страховъ и предчувствій, бормоталъ:

-- Братіе! Братіе! Пропустите же... братіе!

И когда онъ менѣе всего ожидалъ, волнующаяся толпа съ шелестомъ разомкнулась и точно сильной волной выбросила благочиннаго къ центру водоворота. Онъ закружился и упалъ бы, но его подхватилъ подъ руку о. Иванъ, раньше другихъ угодившій къ мѣсту происшествія.

-- Гдѣ Митя? Гдѣ Митя? Митя тутъ?-- растерянно спрашивалъ благочинный, блуждая глазами по лицамъ. И губы у него тряслись, а руки точно не находили мѣста. Спокойная солидность его исчезла. Точно кто непонятный и чуждый стоялъ рядомъ съ о. Иваномъ, кто-то долго, хитро скрывавшійся и теперь вышедшій неожиданно на свѣтъ. Маленькимъ, жалкимъ, страиннымъ казался онъ теперь, старымъ, безпомощнымъ, полнымъ ужаса въ каждой чертѣ лица, какъ ребенокъ, увидавшій то, что онъ принималъ за привидѣніе.

-- Да что съ вами?-- отодвинулся даже о. Иванъ:-- на васъ лица нѣтъ!

Благочинный уже не слушалъ его, жадно смотря на происходившее передъ его глазами -- ужасное, какъ бредъ тяжело-больного.

Стражники держали шесть связанныхъ мужиковъ.

Все это были пожилые люди, избитые въ кровь, съ сумрачными лицами, молчаливо принимавшіе побои. Седьмому, молодому, крутили руки съ тѣмъ приѣмомъ, какъ затягиваютъ супонь на тугомъ хомутѣ. И онъ отчаянно и жалобно кричалъ:

-- Братцы мои... бра-а-тцы!!

-- Молчи, Павелъ! -- говорилъ ему связанный старикъ Повалихинъ:-- за міръ терпишь!

Суровый раскольникъ, это былъ крупный мужикъ съ клинообразной сѣдой бородой до пояса. Одна сторона лица его была разбита, и борода запачкана кровью.

Весь въ пыли, растрепанный урядникъ, безъ шапки скакалъ черезъ толпу верхомъ, крича:

-- Прочь! Прочь съ дороги! прочь!

Шкаликъ чуть не попалъ ему подъ лошадь. Толпа съ гуломъ и ропотомъ шарахнулась, уступая дорогу, со всѣхъ сторонъ кричали:

-- Пошто бьютъ! Псы дались, што ли?! Эй, вы! Широкозадовскіе слуги!

Кашляя отъ пыли, урядникъ не слушалъ криковъ и спрашивалъ:

-- Всѣхъ словили?

-- Всѣхъ, ваше благородіе!-- отвѣчали стражники.

-- Разъ, два...-- считалъ урядникъ: -- Сидоровъ, Повалихинъ... три -- Власовъ... А Назаровъ гдѣ?!

Стражники растерянно оглядывались и молчали.

-- Что же вы, че-ерти!-- заоралъ урядникъ съ отчаяннымъ жестомъ: -- бунтаря-то главнаго!! Меерзавцы!!

-- Толпа, ваше благородіе! -- сказалъ одинъ изъ стражниковъ:-- какъ усмотришь всѣхъ-то!

-- Подлецы!! Да изъ-за Назарова вся булга поднялась!

И урядникъ яростно закричалъ на Шкалика:

-- Не вертись подь лошадыю, чертенокъ!

-- Ништо! -- сказала старикъ Повалихинъ:-- пушай смотреть, это ему наука! Намъ -- умирать, а имъ-то жить...

-- Молчать, с-сукинъ сынъ!!

Урядникъ круто повернулъ лошадыю и поскакалъ, крича:

-- Назарова нѣтъ! Ищите Назарова! Осмотрите Манюкинскій дворъ. Манюкинъ ему свать! А вы... Эй, тамъ... скачите на зады, къ лугамъ... У меня чтобы найти Назарова!!

Стражники крѣпко держали арестантовъ и подозрительно косились на толпу. Всюду, вблизи, вдали виднѣлись возбужденныя лица васильевцевъ. Теперь одинъ за другимъ выдѣлялись они изъ толпы и грудились позади плѣнниковъ, говорили колкія и ѣдкія замѣчанія, возбуждавшія то смѣхъ, то ропотъ. Молодые голоса кричали насмѣшливо и вызывающе, что сыновья предають отцовъ своихъ, потому что народился антихристъ и слугъ его можно узнать... по значкамъ! Стражники переглядывались, но не рѣшались отвѣчать, замѣчая, что возбужденіе толпы растеть, словно что-то разсѣянное объединялось, какъ ключи соединяются въ рѣку, бурливую и не знающую преградъ. На крышѣ у трубы спиртякъ кричалъ насмѣшливымъ басомъ:

-- Смотри, смотри, народъ православный! Учись, какъ за правоту свою вступаться!

-- Помолчалъ бы ты, Никифорычъ,-- замѣтила ему толстая баба въ фартукъ:-- накличешь на свою голову...

-- Не боюсь я ихъ... сволочей!!

Стражники зло смотрѣли на него, но молчали...

Вдругъ они съ ужасомъ замѣтили, что васильевцы вразъ всколыхнулись. Вразъ хриплый крикъ вырвался изъ десятковъ грудей:

-- Вотъ онъ!! Вотъ... смотри! Вотъ онъ!!

Всѣ головы завращались:

-- Кто? Гдѣ! Кто такой?!

И сразу поняли.

Теперь ужъ сотни голосовъ закричали:

-- Вотъ... смотри! Вотъ онъ... пришелъ! Пусть посмотритъ! Пусть полюбуется! Кровопійца! Вотъ онъ!

Возвышаясь позади духовенства, стоялъ Широкозадовъ, озирая толпу мутнымъ взглядомъ, этотъ буржуа съ пухлыми руками, но еще мужицкой неуклюжестью, помѣщикъ и рабовладѣлецъ, представитель новаго класса...

Двѣ силы стояли одна передъ другой въ разгарѣ борьбы на жизнь и смерть.

Одна -- какъ море, другая -- какъ скала.

Море, бесплодно бьющееся въ глухіе и пустынные проклятые Богомъ берега. Скала, вырастающая изъ мрачной бездны, породившей много скалъ, покрытыхъ зловоннымъ пометомъ исторіи, но все еще крѣпкихъ, какъ всѣ тѣ скалы, которыя охраняють путь къ "свободному творчеству жизни",-- скалы, созданныя человѣкомъ-рабомъ, но въ упорной, глухой борьбѣ съ которыми оттачивается мысль, облагораживается чувство и изъ мрака исторіи вырастаетъ свободный человѣкъ...

Сотни кулаковъ поднялись въ воздухъ, угрожая.

Точно большой и страшный звѣрь оцетинился.

И все гнѣвно-смѣшливое, что еще дрожало въ воздухъ, вмигъ растаяло. Всѣхъ, близкихъ и далекихъ, понимавшихъ и недоумѣвающихъ, охватило одно чувство, заставлявшее задышаться и кричать хриплымъ крикомъ... И весь смыслъ происходившаго, и положеніе этихъ связанныхъ, окровавленныхъ людей, все, все уяснилось сразу для тысячи головъ, повернувшихся въ ту сторону, куда изливался гнѣвъ васильевцевъ. Широкозадова всѣ знали, онъ былъ всѣмъ хорошо, даже очень хорошо знакомъ. Каждый бывалъ отъ него въ

той или иной зависимости, каждый имѣлъ гнѣвъ на него за собственное угнетеніе, за своихъ родныхъ или знакомыхъ, каждый питалъ хоть каплю затаенной злобы... Теперь эти капли слились въ бурю ненависти! Руки съ угрозой тянулись, возбужденныя лица были страшны. Даже изъ оконъ и съ крыши его собственнаго трактира кричали:

-- Иуда!!

О. Иванъ взялъ Широкозадова за плечо.

-- Уходите отъ грѣха!

Но пораженный внезапною этой неожиданной бури, увидавшій эту общую ненависть, до сихъ поръ скрывавшюся, Широкозадовъ, изсиня блѣдный, оттолкнулъ о. Ивана. Выхвативъ револьверъ, онъ началъ беспорядочно махать имъ въ воздухѣ. Онъ едва умѣлъ держать его въ рукѣ, никогда не стрѣлялъ изъ него, но тѣмъ не менѣе дрожащимъ пальцемъ инстинктивно отыскивалъ собачку... И странно было видѣть до ужаса испуганной эту массивную фигуру человѣка всегда вѣрнаго себѣ: ненависть, которую онъ зналъ лишь по наслышкѣ, онъ теперь увидѣлъ лицомъ къ лицу.

-- Бунтовщики... не смѣть!-- кричалъ онъ, не понимая, что выдавалъ голосомъ весь ужасъ свой.

Мигъ...

Точно плотина прорвалась.

Вокругъ него сузилось угрожающее, волнующееся, проклинающее кольцо. Смятые стражники тщетно отбивались ногами и кулаками, невольно выпустивъ арестантовъ. Тѣ сами кричали вмѣстѣ съ прочими. Избитый раскольникъ Повалихинъ энергично дернулъ плечами и, порвавъ путы, поднялъ руки съ обрывками веревокъ:

-- Будь ты проклятъ... отнынѣ и до вѣка!-- покрылъ онъ голосъ толпы:-- смотри, что ты съ нами сдѣлалъ... смотри!!

Сѣдой, окровавленный, онъ наноминалъ пророка, побитаго камнями.

-- Взыщеть Богъ съ тебя за насъ и за дѣтей нашихъ! Не будетъ тебѣ прощенья, Иуда, ни въ здѣшней жизни, ни въ будущей... На тебѣ печать антихриста! Смотри, что ты съ нами сдѣлалъ, смотри! Въ смертный часъ твой мы, какъ гнѣвные судьи, будемъ стоять надъ душою твоею, какъ теперь, въ кровь избитые!

И въ гнѣвномъ экстазѣ онъ пророчествовалъ:

-- Ты насъ побѣдилъ своею неправдою! Наши дѣти побѣдятъ тебя правдой!! Твои собственныя дѣти отвернутся отъ тебя! И будешь ты, какъ Каинъ... прокляты!!

Толпа стонала, ахала, надвигалась все ближе. Широкозадовъ безтолково махалъ револьверомъ.

-- Уйди!! Всѣхъ... всѣхъ... перебью!!!

Онъ ревѣлъ, какъ раненый быкъ, разъяренный и въ то же время до ужаса испуганный. Онъ безумно грозилъ бурѣ, дышавшей на него изъ сотенъ устъ и налитыми кровью глазами точно выискивалъ жертву. Но на него глядѣли сотни. Все вертѣлось и кружилось передъ нимъ, прыгало и скакало, скаля острые зубы... Точно само небо, съ быстро растущей тучей, потемнѣвшія деревья, избы, люди, все тянуло къ нему тысячи рукъ съ угрозой смерти. О. Иванъ, благочинный, Ивановскій старались увести его, уговаривали егъ уйти и скрыться въ трактирѣ; но онъ отбивался отъ нихъ, не понимая ихъ намѣреній, не слыхалъ, какъ весь красный отъ пыли урядникъ издали кричалъ ему:

-- Уходи! Широкозадовъ... уходи!!

Сквозь кровавый туманъ онъ видѣлъ сотни лицъ, пылавшихъ ненавистью.

На ревъ онъ отвѣчалъ ревомъ.

-- Пус-с-с-ти-и-и!!!

Хотя его никто не держалъ.

Онъ водилъ передъ собою револьверомъ, дрожащимъ въ трясущейся рукѣ, не замѣчая, что нажимаетъ

собачку.

Внезапно сверкнула молнія выстрѣла.

Все ахнуло кругомъ, смолко, шарахнулось, отступило. Передніе оттѣсняли заднихъ, а тѣ становились на носки и вытягивали шеи. И всѣ смотрѣли съ ужасомъ въ одно и то же мѣсто, куда впилась шальная пуля. Урядникъ осадилъ лошадь и замеръ. Широкозадовъ выронилъ револьверъ и, какъ просыпающійся лунатикъ, смотрѣлъ своимъ мутнымъ остановившимся взглядомъ на безцѣльно пролитую имъ кровь: точно отхлынули волны прибоа и на утоптанномъ мѣстѣ въ пыли остался Шкаликъ. Маленькое тѣло его вздрагивало, трепетало, раскинувшіяся ручонки хватали воздухъ, точно онъ манилъ кого-то пальцами.

Изъ толпы метнулась къ Шкалику Павлинька.

Наклонилась надъ нимъ, подняла къ Широкозадову искаженное лицо.

-- Убійца! Подло!!

Бѣлая косынка ея скатилась съ плеча. На рѣсницахъ дрожали слезы негодованія. Она вся дрожала и, казалось, подбирала слова и не находила ихъ. Только рука ея, дрожа, тянулась къ Широкозадову.

И передъ Широкозадовымъ точно вставали тѣни мести.

Онъ жилъ какъ во снѣ.

Сквозь багровый туманъ прихлынувшей къ мозгу крови онъ видѣлъ вокругъ искаженные, полныя злобной ненависти, лица, видѣлъ грозящую женщину надъ жертвой его безцѣльного выстрѣла. И, блуждая дикимъ взглядомъ вокругъ, не зная, что сказать, что сдѣлать, внезапно увидѣлъ собственную дочь: въ толпѣ, затертая ею, крѣпко схватившись рукою за голову, она смотрѣла на него расширеннымъ взглядомъ своихъ темныхъ широкозаводскихъ глазъ. И въ этихъ глазахъ, вмѣстѣ съ ужасомъ, Широкозадовъ прочиталъ что-то такое, новое и страшное для него, что сталъ хрипло и тяжело дышать. Онъ не могъ оторвать глазъ отъ этого взгляда, опустивъ голову, какъ быкъ, и повернулся, чтобы уходить, бѣжать невѣдомо куда,-- не отъ толпы, . не отъ бури, дышавшей на него, а отъ этихъ глазъ.

Навстрѣчу ему рвался сынъ благочиннаго.

Внѣ себя, безъ фуражки, съ всклокоченными волосами, онъ вырывался изъ рукъ Алексѣя и отталкивалъ отца, пытавшихся удержать его.

-- Пустите! Пустите!!

Онъ кричалъ какимъ-то хрипящимъ шопотомъ:

-- А! Негодяй! Врагъ народа!! Я положу на тебя позорное клеймо.

Онъ вырвался, наконецъ, и подбѣжалъ къ Широкозадову. Всталъ передъ нимъ, держа сжатые кулаки позади себя, готовясь сказать что-то острое, убивающее насмерть.

Но тутъ между нимъ и Широкозадовымъ метнулась и встала Александра Порфирьевна.

-- Не надо!-- властно сказала она.

Она пристально смотрѣла на него своимъ темнымъ взглядомъ.

-- Дмитрій! Не надо... ради... нихъ!

И передъ лицомъ этой гнѣвной толпы народа, владѣвшаго душой ея, но грозящаго отцу, точно давая какую-то торжественную клятву, она произнесла безъ смущенія и безъ аффектаціи:

-- Ради... моеи любви къ вамъ... Ради будущаго!

Онъ вспыхнулъ и отступилъ, удивленно и пристально смотря въ глаза ей.

Павлинька пыталась поднять раненаго мальчика на руки, пачкая ихъ кровью.

-- Чего ты смотришь!-- говорила она о. Ивану:-- нести его надо! Скорѣй! Нести...

Онъ отстранилъ ее и легко поднялъ эту трепетавшую ношу. Что ему стоило, гиганту, поднять эту ношу? Онъ бы могъ поднять ее до облаковъ... но онъ не зналъ о томъ, какъ не зналъ другихъ облаковъ, кромѣ

видимыхъ, да еще тѣхъ, о которыхъ говорится въ Апокалипсисѣ. Косматый, какъ левъ, багровый и возбужденный, онъ двинулся -- и передъ нимъ разступились. Онъ шель какъ по тѣсному переулку. И точно траурныя тѣни бросила на толпу грозовая туча, наконецъ, одолѣвшая солнце. Какъ глухое негодование ворчалъ вдали громъ. Съ шелестомъ все дальше выросталъ впереди о. Ивана переулокъ, а позади него съ шумомъ смыкался, точно рушились тамъ гнилыя постройки. Точно въ себя не могла придти эта тысячная толпа передъ трагизмомъ случившагося, но уже что-то глухо ворчало въ ней, точно въ груди вулкана предъ изверженіемъ.

Послышались крики:

-- Земскій! Земскій! Дорогу земскому!

Урядникъ скакалъ по толпѣ.

-- Разступись! Разойдись!!

Отъ завода въ коляскѣ скакалъ земскій подъ эскортомъ заводскихъ служащихъ верхами.

И внезапно вся напряженность минуты вылилась въ бурѣ криковъ:

-- Они убиваютъ насъ!!

Гдѣ-то кричалъ пьяный широкозадонецъ:

-- Ага! Вотъ они... вотъ... Суда нѣтъ! Все взяли... убиваютъ! Суда нѣтъ... Ага! Они обираютъ, они грабятъ насъ!

Кто-то дико звалъ, точно ударялъ молотомъ:

-- Бей ихъ!

О. Иванъ невольно остановился.

Все бѣжало, что могло бѣжать, задыхаясь отъ пыли, какъ вихрь крутившейся у трактира. Земскій скакалъ обратно. Лошадь урядника металась у избъ, между телѣгъ. Духовенство совалось туда и сюда, точно заплутавшись. Все, что не бѣжало, сцѣпилось въ огромный ревушій клубокъ, въ центрѣ котораго что-то кричало жалобно и отчаянно.

-- Павлинька! Павлинька!-- звалъ о. Иванъ. Откуда-то она метнулась къ нему...

-- Что творится! Боже мой! Боже мой!

Изъ трактира неслись крики о помощи.

Надъ крышей его взметнулся языкъ пламени и задохся въ густомъ дыму, охватившемъ крышу... Изъ оконъ прыгали люди, летѣли столы, скамьи, стулья. Буфетчица съ плачемъ протискивала сундукъ въ окно, но онъ былъ широкъ и не пролѣзаль. Гдѣ-то все ударялся молотъ:

-- Бей ихъ! Жги ихъ, проклятыхъ!

Разгорался неистовый и стихійный бунтъ. Алексѣй стоялъ на крыльцѣ трактира и кричалъ:

-- Братцы! Братцы! Что вы дѣлаете! Остановитесь! Пустите урядника! Вы губите себя! Зря, зря!

Онъ отчаянно взмахивалъ руками, его щетинистая голова стала какъ у ежа отъ волненія.

-- Братцы мои! Безсмысленно это! Перестаньте!

Къ нему тянулись сотни рукъ.

-- Отдай намъ Широкозадова!

Алексѣй жегъ ихъ взглядомъ.

-- Не отдамъ!!

-- Отдай! Ты за одно съ нимъ... предатель!

-- Заткни глотку! Не предатель я. Я васъ отъ васъ самихъ защищаю! Звѣри вы! То гнетесь, какъ рабы, то бушуете, какъ звѣри! Зачѣмъ вамъ Широкозадовъ? Ихъ сотни... онъ одинъ, што ли? Вмѣсто него тысячи

придутъ... Онъ васъ нищими сдѣлалъ, а вы хотите еще и въ Сибирь идти! Развѣ такъ надо бороться? Разумно надо бороться, сообща... Онъ умомъ васъ бьетъ... Да у него одинъ умъ, а у васъ тысячи умовъ, миллионы умовъ... Рѣка умовъ! Пусть въ этой рѣкѣ онъ потонетъ.. И онъ потонетъ навсегда, а вы будете господами жизни! Не кричите же, разсуждайте, какъ разумные люди.

Голосъ его властно звучалъ надъ притихшей толпой.

XIV.

Въ полутемномъ кабинетѣ благочиннаго, гдѣ ставни были плотно прикрыты, сидѣлъ о. Иванъ надъ раненымъ мальчикомъ, лежавшимъ на обширномъ клеенчатомъ диванѣ. Въ головахъ стояла Павлинька.

Докторъ забинтовывалъ рану. Въ комнату прокрался о. Матвѣй.

-- Ну, какъ? Въ себя пришелъ?-- шепталъ онъ.

Ему не отвѣтили. О. Иванъ махнулъ на него рукой.

-- Причастить бы надо!-- шепталъ о. Матвѣй.

-- Его нельзя тревожить!-- тихо сказалъ докторъ.

-- А какъ же! А вдругъ онъ умретъ безъ покаянія!-- ужаснулся о. Матвѣй.

Докторъ сощурился на него и отвернулся.

-- О. Иванъ! -- сказалъ онъ: -- попросите постороннихъ выйти изъ комнаты.

-- Уйди, Матвѣй, уйди!

Онъ положилъ ему руку на спину и тихо поталкивалъ къ двери.

О. Матвѣй вышелъ съ обиженнымъ лицомъ. Вслѣдъ за нимъ вышла Павлинька.

-- Какъ тебѣ не стыдно, Матвѣй!!

Она смотрѣла на него негодующими глазами.

-- Я исполняю свой долгъ священника... мнѣ стыдиться нечего!.. Ты съ ума сошла!

-- Ты безсердечный формалистъ... вотъ кто ты! У людей сердце готово разорваться... а ты снуешь съ мертвыми словами!

-- Мертвые слова... Да ты что такъ смотришь на меня... ровно чужая!

-- Да я тебѣ и есть чужая... тысячу разъ чужая!

У ней сморщилось лицо точно отъ боли.

-- Ненавижу я тебя!!

Онъ жалко и смущенно засмѣялся, потомъ вдругъ вспыхнулъ злобой.

-- Ненавидишь!-- сказалъ онъ ядовито:-- а позволю себѣ спросить тебя, кого же ты изволишь любить?

Онъ намекалъ на псаломщика. Но онъ не ожидалъ отвѣта.

-- Кого?-- быстро обернулась Павлинька:-- ты хочешь знать, кого? Хочешь? Я скажу тебѣ!

Они стояли на крыльцѣ.

Отъ проливного дождя въ лужахъ вздувались пузыри, шумъ ливня заглушалъ голоса. Дождь стучалъ въ крышу, туманомъ заволакивалъ улицу, брызги его доносились вѣтромъ въ лица супруговъ.

-- Я люблю о. Ивана!-- отважно сказала Павлинька.

О. Матвѣй смотрѣлъ на нее широко-открытыми глазами, какъ бы защищаясь рукой отъ словъ ея, но ничего не сказалъ. Онъ внезапно понялъ, что она сказала правду, ту правду, которую говорятъ, быть-можетъ,

только разъ въ жизни такъ открыто, но говорятъ такъ, какъ она сказала... Онъ понялъ, что ушло что-то отъ него навсегда, и отчаянной пустоты между ними не прикрыть никакими словами. И къ удивленію Павлинки, ожидавшей злобнаго взрыва, онъ только пролепеталъ:

-- А онъ?

Она почему-то вспыхнула, но не отвела глазъ.

О. Матвѣй опустилъ голову.

Всѣ его злобныя, ядовитыя мысли точно покатались куда-то, въ зіяющую пропасть, мосты черезъ которую обрушились. Онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ и несчастнымъ и въ то же время не находилъ въ себѣ чувства возмущенія. Что-то жалкое расло въ немъ...

Онъ медленно взглянулъ на нее.

Да, да, она чужая! Она ушла отъ него на какую-то волю... и говорить, и смотреть иначе... И ему показался темнымъ тотъ міръ, въ которомъ онъ остался безъ нея.

Онъ тихо опустился на крылечную ступеньку, уронивъ голову на руки, не замѣчая, что дождь мочить подрясникъ. Опустѣвшая ярмарка рисовалась сквозь туманъ дождя странными силуэтами неуклюжихъ балагановъ, поднятыхъ вверхъ оглобель, какихъ-то шестовъ, походившихъ на висѣлицы. Когда на мигъ разрывался туманъ ливня, точно распахивались полы гигантскаго савана, вдали виднѣлись клубы бѣлаго пара на мѣстѣ потушеннаго пожара. И какъ этотъ паръ, поднимались мысли изъ бездны души о. Матвѣя. Точно помимо его воли они сцѣплялись и расцѣплялись по привычнымъ ассоціаціямъ... "Развратился народъ современный! А! Священникъ.. у священника! Когда бывало такое!.." Но въ этихъ мысляхъ онъ уже не чувствовалъ силы.

Павлинка удивленно смотрѣла на сжавшуюся и мокнущую фигуру мужа.

-- Что жъ ты... подъ дождемъ-то сидишь?

Онъ не отвѣчалъ.

Ей стало жалко его.

-- Матвѣй!-- сказала она тихо:-- отпусти меня.

Онъ долго молчалъ, потомъ сказалъ безъ всякаго выраженія:

-- Куда?

-- Не знаю... Отпусти! Ты видишь... не могу я! Можетъ-быть я... учиться поѣду.

И удивленная этою мыслью, не зная, откуда она пришла, она страстно повторила:

-- Вѣдь я неученая... неученая. Не знаю я ничего! Во тьмѣ брожу...

-- А деньги?-- глухо сказалъ онъ.

Она уныло произнесла:

-- Де-е-ньги...

Онъ медленно всталъ и попіелъ.

-- Матвѣй!-- вскричала она.

-- Ну, что тебѣ? -- вдругъ зло обернулся онъ: -- не держу... ступай!.. Не держу я! Ступай... куда хочешь. Уходи! Задумала, такъ... зачѣмъ, зачѣмъ спрашиваешь? Зачѣмъ говоришь въ лицо... такое! Развѣ я...

Онъ пошелъ, но на порогѣ въ сѣни еще разъ обернулся и проговорилъ возбужденно:

-- Развѣ я... подлецъ?!

На дворѣ темнѣло отъ черныхъ тучъ и ливня. О. Иванъ спрашивалъ доктора:

-- Ну? Какъ?

-- Ничего, ничего!-- сказалъ докторъ,-- все пойдетъ отлично! Хорошо, хорошо! Ребрышко подгуляло, да это

ничего. Адамъ, какъ извѣстно, и безъ ребра отлично прожилъ...

Онъ, смѣясь, шурился на о. Ивана.

-- Развѣ только... рай потерялъ? Адамъ-то... А? Такъ это не изъ-за ребра, а изъ-за яблока... Ну, ничего, ничего, теперь и этотъ малышъ вкусилъ яблока жизни... будетъ знать, гдѣ добро, гдѣ зло... Можетъ быть, и назадъ къ раю дорогу сыщеть, когда вырастетъ...

Онъ хитро скалилъ свои мелкіе, бѣлые зубы... Въ комнату осторожно заглянулъ благочинный.

-- Михаилъ Васильевичъ! Вы еще не свободны? Къ уряднику просятъ...

-- А ну его къ чорту... не хочется!

-- Бокъ у него поврежденъ, говорятъ...

-- Ну, ну, сейчасъ.

Докторъ попросилъ о. Ивана посидѣть около больного, обѣщая вскорѣ вернуться.

О. Иванъ остался одинъ.

Въ комнатѣ господствовали сумракъ и тишина. Мальчикъ тихо дышалъ, временами слабо стоналъ и дѣлалъ движеніе руками. Тогда отецъ Иванъ придерживалъ ему руки и сидѣлъ неподвижно.

Въ ставни стучалъ дождь.

Точно прислушиваясь къ вѣтру и ливню, неподвижно стояли кресла, обитыя черной клеенкой. Казалось, на нихъ недавно сидѣли какіе-то люди, теперь ушедшіе. Съ полокъ шкафа смотрѣли корешки метрикъ, точно храня тайны мертвецовъ, и тисненные переплеты проповѣдей, будто замолчавшихъ въ испугѣ. Въ этой тишинѣ, все еще подъ бурей впечатлѣній, такъ неожиданно, такъ властно захватившихъ его въ свой кипящій водоворотъ, о. Иванъ вспоминалъ всѣ событія послѣднихъ дней, и въ свѣтѣ ихъ разсматривалъ свою жизнь. Что-то, сильнѣе его, поднималось въ душѣ его, что-то едва раскрывшее глаза и уже вразъ гигантски выросшее, еще вчера незнакомое ему, но уже сегодня съ нимъ отождествившееся. Это былъ онъ самъ, но онъ себя не узнавалъ, точно самъ отъ себя до сихъ поръ онъ былъ куда-то спрятанъ, хитро связанный мертвыми узлами. И опять человѣкъ и священникъ боролись въ немъ. Но уже священникъ едва показывалъ сквозь ставни блѣдное лицо свое и голосъ его заглушался шумомъ ливня.

-- Иване! -- говорилъ онъ: -- Иване! Вспомни Юва, состязавшагося съ Богомъ! Въ силахъ ли спорить съ Всевѣдущимъ человѣческой логика. Онъ указалъ путь Левіаѳану, далъ морю берега его! Безумно море, рвущееся изъ береговъ своихъ. Онъ, гремящій въ тучахъ, уложитъ волны его въ прахъ бурей гнѣва Своего! Ибо Онъ далъ человѣку законы жизни, какъ морю берега его. Горе тебѣ, человѣче подзаконный, если главу свою гордо поднимешь къ небу, споря съ Всевршнимъ!

Но человѣкъ уже нервно и страстно разрывалъ мертвые узлы мысли.

-- Споръ съ Всевышнимъ! Развѣ я спорю? Я просто дышу и думаю. Развѣ я и такъ мало боялся дышать полной грудью? Вотъ передъ Нимъ я... Кому я нуженъ? Кому я далъ хоть каплю счастья? Для чего я жилъ? Я всѣмъ чуждый... всѣмъ! Всѣ ищутъ чего-то въ жизни, борятся за что-то святое, что для нихъ дороже жизни... За что боролся я?.. Или за кого? Я шелъ по холодному міру, лишенному Бога, самъ холодный, точно сердце у меня вынуто... Кто вынулъ у меня сердце? Пусть съ тѣми спорить Всевышній... а я не спорю! Ядохнулъ воздухъ бури, которая вѣетъ вокругъ меня... И ужъ не могу, не хочу дышать другимъ воздухомъ. Все вокругъ меня тянется къ какому-то свѣту, къ солнцу, ищетъ правды жизни... А я не знаю правды жизни... И мнѣ тяжело! И я не могу больше. Пусть не ставитъ мнѣ Всевышній предѣловъ... Я не Левіаѳанъ, но я перешагну ихъ!!

Мальчикъ застоналъ.

Онъ нагнулся къ нему.

Тотъ разгорѣлся и тяжело дышалъ. Что-то безсвязное лепетали его губы. О. Иванъ чутко прислушивался къ его лепету, точно ожидалъ услышать что-то важное, что сразу объединитъ его мысли, какъ центръ, къ которому эти мысли сбѣгутся и, вспыхнувъ, освѣтятъ путь, по которому онъ долженъ идти. Что ему этотъ мальчикъ? Почему онъ такъ возмущенъ, такъ взволнованъ и не можетъ придти въ себя,-- точно не этого

мальчика ранили, а его самого но больному мѣсту изо всей силы ударили! И ужъ ему казалось, что вотъ этотъ маленькій, несчастный раненый мальчикъ долженъ объяснить ему что-то важное, безъ чего нельзя жить. Еще не раскрывшая лепестки свои душа глядѣла на него съ лихорадочныхъ щекъ, изъ-подъ рѣсницъ полужакрытыхъ глазъ. Кто-то милый смотрѣлъ на него съ этого лица, кто-то близкій, давно знакомый... Но онъ не узнавалъ -- кто? И какая-то большая мысль томила о. Ивана, стремясь опредѣлиться въ словахъ... И не могла!

Когда пришелъ докторъ, онъ вышелъ въ залу.

Тутъ были все тѣ же лица, кромѣ земскаго и Широкозадова съ дочерью. Но уже не было прежняго оживленія, разговаривали сдержанно и смущенно, покачивая головами, выпивали молча и то больше для порядку. Точно тяжесть придавила домъ и вотъ-вотъ онъ обрушится! Благодичный то появлялся въ комнату, то уходилъ куда-то и опять возвращался, оглядывая всѣхъ круглыми, недоумѣвающими глазами, отъ взгляда которыхъ становилось жутко даже о. Фаворскому.

-- Гдѣ Митя? Гдѣ Митя?-- бормоталъ благодичный, ни къ кому не обращаясь.

И опять шель, шель куда-то...

Только дьяконъ Ивановскій былъ оживленнѣе другихъ. Онъ возбужденно сновалъ по комнатѣ и обращался то къ тому, то къ другому.

-- Я это зналъ! Да, да.. я это предчувствовалъ. Имъ Назарова надо было отбить! Вотъ они и отбили! Да, да... Назаровъ коноводъ у нихъ, Назаровъ -- главарь. Говорятъ, тутъ у нихъ... преступное общество! Да, да... велія развращенность! Я это зналъ!

Сикеровъ, молчаливо и грустно стоявшій у печи, хмуро взглянулъ на Ивановскаго.

-- А куда ты вчера телеграмму посылалъ?

Ивановскій быстро и испуганно взмахнулъ руками.

-- Какую телеграмму? Какую телеграмму?

Сикеровъ медленно отвернулся отъ него.

-- То-то! Не въ этомъ бы домѣ тебѣ быть!.. Подлецъ ты!

И всѣ посмотрѣли на Ивановскаго исподлобья. Ивановскій смущенно занырялъ по комнатѣ, подбѣжалъ къ столу и заговорилъ, наливая водки:

-- А не мѣшаетъ успокоить сердце, отцы и братіе? Какъ вы полагаете?

Ему никто не отвѣтилъ.

Дождь съ силою заколотилъ въ окна, точно по стекламъ забили чьи-то пальцы, о чемъ-то предупреждая. Тѣни, бросаемая грозой, сѣрымъ сумракомъ ложились на лица. И никто не замѣчалъ, что рядомъ другія грозы клочкотали въ человѣческихъ душахъ. О. Матвѣй, сжавшись въ комокъ, глубоко сидѣлъ въ креслѣ. О. Иванъ задумчиво стоялъ у окна и вглядывался въ трепещущій сумракъ ливня, точно на улицѣ, гонимыя вѣтромъ, безъ конца бѣжали привидѣнія ростомъ до невидимыхъ тучъ.

-- Куда же, однако, могъ дѣваться Назаровъ?-- прервалъ молчаніе о. Сильвестръ.

-- Я знаю куда, я знаю!-- метнулся Ивановскій:-- кабы меня послушали, давно бы нашли! А теперь ужъ крышка... ушелъ! Теперь онъ давно за Поёмой, въ Колычевкѣ у раскольниковъ! А тамъ взятки гладки... найдутъ ему мѣстечко, куда схорониться! Эти колычевцы всѣ смотрятъ какъ заговорщики!

-- Ну-у,-- недовѣрчиво сказалъ о. Сильвестръ, не смотря на дьякона:-- какъ онъ въ Колычевку-то попадетъ...

-- Какъ?-- засмѣялся Ивановскій,-- а на лодочкѣ... очень просто!

О. Иванъ обернулся и посмотрѣлъ на дьякона.

-- Я не даромъ на колокольнѣ былъ!-- тараторилъ дьяконъ:-- У меня глазъ зоркій, далеко видитъ! Видѣлъ лодочку, видѣлъ... И видѣлъ кто около лодочки былъ... Двухъ узналъ, а третьяго нѣтъ, да это не важно! Тогда мнѣ и невдомекъ, зачѣмъ лодочка... думалъ, думалъ... А теперь зна-а-ю!

И онъ веселыми глазами смотрѣлъ на о. Ивана.

У того точно молнія вспыхнула въ мозгу. Онъ моментально понялъ, зачѣмъ Алексѣй со студентомъ припасали лодку,-- зачѣмъ было въ ней ружье и что они замышляли. Густо вспыхнувъ, онъ отвернулся къ окну.

-- И все-то ты, дьяконъ, брешешь!-- сказалъ о. Сильвестръ.

-- Брешу? У меня свидѣтели есть! Вотъ спросите о. Ивана. О. Иванъ! Вѣдь это вы гуляли по лугу, у рѣчки?

О. Иванъ недружелюбно посмотрѣлъ на дьякона.

-- Ну? Я гулялъ... Что же?

-- Съ Димитрій Викторычемъ?

О. Иванъ нахмурился.

-- Что тебѣ за дѣло, съ кѣмъ я гуляю?

-- А лодочку вы вѣдь видѣли? Вы около нея стояли?...-- какъ-то торжествующе кивая, тянулъ къ о. Ивану Ивановскій свое острое, точно клюющее лицо.

О. Иванъ растерянно осмотрѣлся. Всѣ глядѣли на него любопытно. Въ дверяхъ столовой стояла Павлинька и тоже смотрѣла на него безпокойнымъ и выжидающимъ взглядомъ. И во взглядѣ этомъ о. Иванъ прочелъ, что она знаетъ, что онъ видѣлъ лодку.

-- Никакой я лодки не видалъ!-- закричалъ онъ, страшно обозлившись и чувствуя, какъ кровь горячей волной ударила ему въ голову:-- не было никакой лодки! И ступай ты отъ меня... къ чорту, шпіонъ!! Шпіонъ въ другомъ мѣстѣ!!

Ивановскій подскочилъ и сжался, точно котъ передъ прыжкомъ.

-- Что же вы ругаетесь!-- уже грубо сказалъ онъ:-- Такъ нельзя ругаться... Вы священникъ!

Что-то широкое охватило о. Ивана.

-- Не священникъ я!-- дико вскрикнулъ онъ, поднявъ кулаки къ плечамъ, точно желая тутъ же сорвать съ себя подрясникъ:-- не священникъ я больше! А ты уходи съ глазъ моихъ, предатель!!

Онъ двинулся къ нему, точно желая тутъ же раздавить его.

Духовенство бросилось и удержало о. Ивана.

Онъ кричалъ:

-- Уберите отъ меня этого каналью! Я раздроблю его!!

Ивановскій испуганно скрылся въ прихожей и оттуда бормоталъ что-то трусливое и угрожающее. Сикеровъ подошелъ и захлопнулъ дверь въ прихожую. Надъ крышей глухо прокатился громъ и еще болѣе стемнѣло. Въ сгустившемся сумракѣ комнаты, въ то время, какъ шумъ ливня охватывалъ домъ, точно глухой приборъ, о. Иванъ стоялъ среди волнующихся духовныхъ, почти крича на ихъ удивленные вопросы:

-- Я рѣшилъ! Твердо рѣшилъ! Безповоротно! Ухожу! Довольно!!

--Что съ вами?!-- волновались рясы и подрясники и колебались въ воздухѣ широкіе рукава:-- Откуда это? Почему?

-- Потому-что я пересталъ бояться думать! Прозябалъ, какъ черзь! Ползъ во мракѣ! Жилъ, какъ приказано, а не такъ, какъ должно жить... Довольно! Я и вамъ говорю: довольно! Развѣ вы не видите, что такъ жить нельзя больше... нельзя! Позорно! Жизнь уходитъ отъ насъ въ сіяющую даль... а мы стоимъ на мѣстѣ окаменѣлые, черною стѣною... сами не идемъ и мѣшаемъ идти другимъ! Накинули на жизнь цѣлую сѣть текстовъ, подложныхъ текстовъ, потому-что оправдываемъ произволь тѣхъ, кто уродуетъ жизнь,-- проповѣдуемъ терпѣніе тѣмъ, кто и безъ того достаточно терпѣлъ. Довольно! Всѣ вокругъ насъ ищутъ рая правды, рая справедливости, страстно борются за свой идеаль... А мы?! Довольно!!

-- Да онъ съ ума сошелъ!-- тихо сказалъ о. Сильвестръ.

О. Иванъ быстро обернулъ къ нему возбужденное лицо.

-- Мы всё безумцы! Живемъ безсознательно,-- мыслимъ навязанными мыслями... мыслями рабовъ!! Мы съ дѣтства обмануты и сами превратились въ обманщиковъ... Мы ранены, какъ тотъ мальчикъ...

Онъ вытянулъ руку по направленію къ кабинету.

-- Съ дѣтства ранены... только незамѣтно! Въ умъ и въ сердце ранены! И эта рана превратилась въ постоянную язву, угнетающую духъ! Нѣтъ, нѣтъ! Вся жизнь должна измѣниться! Пусть живетъ, кто хочетъ, съ закрытыми глазами... Я не могу! Довольно!!

Онъ хватался руками за грудь, точно задыхался или пытался сорвать съ себя подрясникъ.

-- Я хочу быть свободнымъ человѣкомъ, служить свободному Богу!

У крыльца пропѣлъ колокольчикъ.

Какіе-то гремящіе и стучащіе звуки наполнили корридоръ.

Въ распахнувшуюся дверь прихожей поспѣшною поступью вошелъ благочинный, изсиня-блѣдный, съ раскрытымъ ртомъ, изъ котораго вылетало свистящее дыханье. Онъ трясъ руками передъ грудью, желая что-то сказать.

-- Жа... Жа... Жан...

Но не могъ выговорить слова.

Повернулся и, шатаясь, вышелъ.

Всѣ ахнули, двинулись за нимъ.

О. Иванъ прошелъ въ кабинетъ. Тамъ никого не было. Онъ наклонился къ мальчику. Тотъ смотрѣлъ расширенными, лихорадочными глазами.

-- Мальчикъ! Тебѣ больно?

У того скривились губы.

-- Больно!

И внезапно большая мысль, томившая о. Ивана, раскрылась.

-- Больно! Всѣмъ... всѣмъ больно!! Больно... и тѣсно! Мучительно тѣсно! Больно сердцу! Тѣсно уму! Угнетень человѣкъ.

Точно безконечная, залитая утреннимъ солнцемъ равнины увидалъ онъ съ вершины горъ съ золотыми гребнями. Тамъ, внизу, мучаются, не зная, отъ чего, не уясняя смысла мученій; корчась, ползаютъ въ грязи долинь; рвутъ на части другъ друга, не понимая смысла этой бойни, и среди роскоши цвѣтущей земли, среди богатствъ природы, бредутъ, какъ рабы, истерзанные плетями, въ лохмотьяхъ нищеты, въ цѣпяхъ позора! А онъ вошелъ на гору и видитъ, и понимаетъ неправду этого просвѣтленнымъ взоромъ и долженъ крикнуть что-то, властное и сильное, такое, что гуломъ набата отозвалось бы въ сердцахъ! Что?.. Онъ еще не знаетъ, не знаетъ что... но онъ узнаетъ!!

Въ комнату метнулась Павлинька.

-- Такъ это правда?! Скажи! Скажи! Повтори!

Она вся горѣла и трепетала отъ страшнаго внутренняго возбужденія. Точно черная дверь, въ которую она съ плачемъ долго стучалась, распахнулась передъ нею и она увидала міръ, ослѣпившій ее.

Онъ протянулъ ей руки.

-- Правда!

И ужъ не зноемъ страсти вѣяло на него отъ нея, а яркимъ днемъ, полнымъ красокъ и жизни.

Больной мальчикъ удивленнымъ, блестящимъ лихорадкою взглядомъ смотрѣлъ на эти двѣ крѣпко слившіяся фигуры.

А за окномъ все разгоралась гроза.

Вѣтеръ съ шумомъ отпахнулъ ставню и, какъ зовущіе, крѣпкіе пальцы застучали въ стекла дождевыя капли, нарождаясь гдѣ-то въ грозовой мглѣ, гдѣ глухо и властно рокоталъ громъ и вспыхивали молніи, точно освѣщая невѣдомые пути въ безграничныя, влекущія дали...

Октябрь 1904 г.